

Картины мира в славянских языках

Отражение основных фольклорных концептов в современном русском языковом сознании

Е. И. Алещенко

Волгоградский государственный педагогический университет (Волгоград, Россия)

Фольклорный концепт, фольклорная языковая картина мира

Аннотация. В работе на основе ассоциативного лингвистического эксперимента рассматриваются особенности отражения в современном русском языковом сознании некоторых фольклорных концептов. Отмечаются их отличия от общекультурных на понятийном, образном и аксиологическом уровне, делается попытка определения причин этих отличий.

С проблемой выделения типов концептов связан вопрос о границах концептуализации явлений действительности, т. е. о том, какие когнитивные единицы могут быть определены как концепты. Структура концепта также понимается по-разному. В работах некоторых ученых она описывается по полевой модели: в ней выделяются ядро, базовые слои и образующее периферию концепта его интерпретационное поле [Попова, Стернин 2001]. В других исследованиях структура концепта представляется в виде слоев, причем базовым слоем, лежащим в основе такой структуры, признается этимологический признак [Степанов 1997]. Структурные слои концепта выделяются и на иных основаниях – по характеру смыслообразующих признаков – и соотносятся в этом случае с семантическими компонентами слова [Алефиренко 2003].

Экспериментальные исследования А. Н. Соколова, посвященные проблеме взаимодействия внутренней речи и мышления, показывают, что вербализация концепта-образа требует «дополнительного психического акта – нужно как-то домыслить, сконцентрировать, связать в одну точку», в один ассоциирующий образ все свойства и признаки познаваемого объекта. При этом «образы, если они действительно становились средством закрепления, не могли не расширять своего первоначального значения, становясь носителями общего смысла» [Соколов 1967: 92–93]. По мнению Н. Ф. Алефиренко, основным способом синергетической концентрации знания в образ служат не простые ассоциации между предметами мысли, а своего рода ассимиляция объектов посредством схем, выработанных тем или иным этнокультурным восприятием мира. Ассимилятивные образы становятся неязыковыми знаками для обозначения концептов. Они лишь сходны со словесными знаками, но образуют особую сферу речемыслительной деятельности – внутреннюю речь [Алефиренко 2003: 34].

Исследование текста с точки зрения способов отражения в нем определенного концепта входит в круг прежде всего лингвокультурологических проблем. Модели текста как сложного объекта лингвистического исследования в целом могут быть сгруппированы в три класса: структурные, коммуникативные и культурологические [Слышкин 2004: 11]. Народная сказка, разумеется, не может рассматриваться как зеркальное отражение действительности. Она преломляется через многие условности, присущие этому фольклорному жанру. Но выделить из нее черты, характерные для того или иного народа, представляется возможным.

В рамках направленного ассоциативного лингвистического эксперимента было опрошено 467 студентов волгоградских вузов. В его ходе задавался среди прочих следующий вопрос:

Какие ассоциации вызывает у вас слово *сестра*, употребляемое в русских народных сказках, и то же слово в общеязыковом употреблении? Есть ли разница между ними, если да, то в чем она заключается?

Ответы на него подтверждают, что обязательной составляющей русского этноязыкового сознания являются фольклорные образы, включающиеся в соответствующий слой структуры фольклорных концептов, и без них невозможно существование русской языковой личности. Ответы респондентов на последний вопрос позволяют структурировать фольклорные концепты «Мать», «Мачеха», «Сестра» и выявить некоторые их отличия от общекультурных.

При ответах на вопрос, связанный с концептом «Сестра», респонденты пытались отразить противоречия характера героини, связанные с ее различными ролями в сказке. С одной стороны, сестра может быть героиней положительной, и тогда она *добрая, помощница, работающая, ласковая, поддерживающая своих брата или сестру или страдающая от сводных или родных, но злых сестер*. С другой стороны, сестра может быть противопоставлена доброй героине, и тогда она *злая, завистливая, ленивая, мачехина дочка, коварная*. Респонденты фиксировали ситуации, в которых действуют сводные сестры (старикова и мачехина дочери), старшие завистливые сестры, которые вредят противопоставленной им младшей, сестра, которая заботится о младших, сестра, которую спасают братья.

Характеризуя фольклорный концепт (ФК) «Сестра», многие опрошенные называют противоречащие друг другу качества и оценки. Однако многие из них специально оговаривают, что все зависит от сказочного типа сестры. Таким образом, ФК «Сестра» на аксиологическом уровне близок общекультурному именно неоднозначностью оценок.

Таким образом, в сознании современных носителей языка ФК отделяются от общекультурных. Опрошенные признают, что образный и аксиологический уровни ФК предполагают однозначность оценок, что не характерно для общекультурного концепта.

Литература

- Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.
Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты. Волгоград, 2004.
Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление М., 1967.
Степанов Ю. С. Вводные статьи: Культура. Концепт. Константа // Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 13–78.

Интерпретация национально-культурного концепта 'желание' в лирико-философской прозе В. В. Розанова

Е. В. Алтабаева

Мичуринский государственный педагогический институт (Мичуринск, Россия)

Концепт 'желание', этнокультурное сознание, архетип, оптативность

Аннотация. В русском этнокультурном сознании формы глагола «хотеть» закреплены за концептуальным содержанием 'желание'. Рассматривается употребление в произведениях В. В. Розанова личных и безличных форм данного глагола в функции субстантивных. Анализ нового, ранее не подвергавшегося специальному исследованию аспекта интерпретации концепта 'желание' позволяет показать этнокультурную специфику субстантивных репрезентаций последнего.

В славянской национальной концептосфере особое место занимает концепт 'желание', принадлежащий к числу фено-

менов этнокультурного сознания славян [Алтабаева 2006]. В его содержании отражены определенные ментальные пред-

почтения личности и социума, детерминированные историческими, социально-экономическими, политическими, этнокультурными, индивидуально-личностными факторами. Особенности ментальной и языковой репрезентации 'желания' связаны с тем, что данный феномен следует воспринимать на фоне национально-культурных стереотипов, присущих нашему языковому сознанию, и, кроме того, толкование исследуемого концепта базируется на комплексном осмыслении неких характеристик, формирующих его содержание, – лингвокультурологических параметров. Для характеристики 'желания' как фундаментальной единицы славянского менталитета релевантны параметры *синтетичность, динамичность, интерпретационность*, предполагающие разную вербальную репрезентацию концепта.

Как этнокультурная специфика желания отражается в языке? На этот вопрос помогает ответить обращение к диахронному анализу содержания концепта 'желание'. По мнению Ю. С. Степанова, желание (хотение) есть не что иное, как состояние готовности к действию приобретения, хватания. На основании данных сравнительно-исторического анализа он заключает, что корень глагола *хотеть* восходит к индоевропейскому корню со значением «хватать», а отношения между глаголами *хватать* – *хотеть* являются специфически славянскими. В старославянском и русском языке они соответствуют одному общему значению – «состояние намерения, стремление обладать» [Степанов 2001: 431]. Таким образом, мы видим, что истоком современного понимания славянского концепта 'желание' оказывается ключевое понятие действия (особенно это очевидно при сопоставлении с *хотеть* древнерусского глагола *хытити*, обозначающего менее интенсивное действие, нежели *хватати, хватити*, и выражающего скорее свойство живых существ – «состояние, имеющее место внутри субъекта или в его отношении с внешней средой»). Тем самым есть основания утверждать, что семантика воли, волевых усилий (разной степени интенсивности), *волеизъявления* исторически заложена в содержании концепта 'желание'. Обратим в связи с этим внимание на номинацию концепта, данную Ю. С. Степановым, а именно: *ВОЛЯ (ХОЧУ)*. Использование вместо именной формы («Желание, хотение») глагольной формы 1-го лица отражает, по его мнению, введение в описание состояния хотения акта сознания того, кто испытывает данное состояние – «Я» [Степанов 2001: 430].

Лирико-философская проза В. В. Розанова – яркий пример отражения языком архетипических особенностей славянского этнокультурного сознания в той его части, которая связана с введением в описание состояния желания носителя этого состояния и акта осознания им этого состояния. В текстах произведений Розанова, при самом широком спектре средств представления оптативной (желательной) семантики, обращает на себя внимание немалое количество примеров нетрадиционного употребления личной формы глагола *хотеть* в качестве существительного: *Во всяком органе мы должны разячать аппетит и дар. Его «хочу» и его «могу».* Это о теле и о государстве (Моментальное). Соответственно личная форма оптативного глагола приобретает

в тексте все грамматические признаки существительного и, сообразно этому, выполняет функции подлежащего (— *Но это ваше «хочу» скверно*), дополнения (*Нигилисты принесли «волюшку», разгул и «хочу»*), определения (*Те же поступки по мотиву «любопытно» и «хочется»*), обстоятельства (*Я живу через его «хочу»...*) и даже сказуемого (*Он тускло поворачивает белма в ее сторону. Весь лень и «не хочю»*). Благодаря такому «преображению» форма 1-го лица получает в контексте субстанциональное значение и обрастает многочисленными распространителями, прежде всего атрибутивными, поскольку, как и обычное существительное, чаще всего употребляется в роли подлежащего и дополнения. Так, розановское *хочу* – «*Божеское*» и *могущественное, хорошее и всякое, пьяное и глупое, дерзкое и разбойное, железное и великое, народное и мировое* и т. д. Это не просто окказиональная субстантивация, но одна из стилизованных черт писателя, придающая идее желания статус самостоятельного субъекта человеческого сознания, живущего в авторской концептосфере своей, особой жизнью. Глагольная природа субстантивированного *хочу* позволяет предельно динамизировать, персонифицировать отражаемую в высказывании и тексте ситуацию: *А «Кутузов» и армия, битвы и вся механика войны, – только осязательно очертили этот узор народной души, в котором все дело, только были служебными и подчиненными великого народного: хочю!!* (Террор); *Никто не смеет вмешиваться. «Хочу».* – *Но это ваше «хочу» скверно.* – *Так разве я подрядился иметь одни хорошие «хочу». Всякие. Опять моя всеядность* (Сахарна).

Безличная форма глагола (*не хочется*) также проявляет у Розанова свою склонность к субстантивации: *Блаженно, если «хочется» сливается с «необходимо»...* (Сахарна); *Но «хочется» и «не хочется» всегда властнее «знаю» и «не знаю»* (Террор).

В. В. Колесов отмечает, что у Розанова «идея понимается и как противоположная вещи (“природе”), и как совмещенная с нею (в сознании)» и что все его творчество стало «раскрытием русских ментальных концептов, которые он находил у “простого народа”» [Колесов 2007: 211]. Если мысль о состоянии желания у носителей русского языка традиционно вербализуется средствами, совмещающимися с «природой» русского желания [Алтабаева 2002: 94–99], то в текстах Розанова отчетливо прослеживается тенденция противоречия грамматической предназначенности глагола желания его контекстному употреблению.

Литература

- Алтабаева Е. В. Категория оптативности в современном русском языке. М., 2002.
 Алтабаева Е. В. Концепт 'желание' в русском языке и русской культуре // Материалы XXXV Международной филологической конференции. 13–18 марта 2006 г.: В 3 ч. Ч. 2. Вып. 13. Русский язык и ментальность. СПб., 2006.
 Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб., 2007.
 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001.

О проекте словаря ключевых концептов русского национального сознания*

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия)

Словарь, ключевые концепты, русский язык

Аннотация. В докладе предлагается модель описания ключевых концептов в лексикографических параметрах, основное внимание при этом уделяется выявлению структурно организованного множества когнитивных признаков, составляющих ментальную сущность концепта, а также особенностей их лексической репрезентации.

Основная цель данного словарного проекта – реконструкция картины мира в совокупности категорий разного ранга и статуса, отображающих закономерности концептуализации мира, а также представление внутреннего устройства концептосферы русского языка как совокупности ключевых концептов русского национального сознания в лексикографических параметрах – в виде Лингвокультурологического словаря. Выявление базовых категорий и репрезентирующих их концептов осуществляется на основе синопсиса

идеографической классификации русской лексики, который рассматривается при этом как основной способ репрезентации категоризации мира, его концептосферы. Он представляет собой суммарное изложение результатов идеографического описания русских существительных, глаголов, прилагательных, синонимов, выполенного участниками проблемной группы «Русский глагол» и воплощенного в серии изданных толковых идеографических словарей. Макроструктура лингвокультурологического словаря отражает иерар-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00145а).

хию категорий синописа, что позволяет представить концептосферу русского языка, ее основных фрагментов, связанных с репрезентацией картины мира. Еще одна из основных задач словаря – моделирование ментальной сущности отдельных концептов и ее представление в лексикографических параметрах. Структура словарной статьи (микроструктура словаря) отдельного концепта включает следующие словарные зоны: 1) заголовочная единица, которая представляет собой имя-репрезентант концепта; 2) ментальные составляющие концепта в виде списка основных понятийных признаков, составляющих ядро концепта, а также совмещенных (склеенных) когнитивных признаков, ассоциативно-образных и национально-культурных компонентов; 3) лексические репрезентации когнитивных признаков концепта, среди которых разграничиваются: основные лексические репрезентации, комплексные совмещенные лексические репрезентации и устойчивые ассоциативно-образные репрезентации. Приведем в качестве примера основные словарные зоны и их частичное наполнение в словарной статье **ЗВУЧАНИЕ**.

Ментальные составляющие концепта

Живое существо (животное, человек, группа лиц), а также неодушевленный предмет или несколько предметов, музыкальный инструмент, явление природы могут издавать характерные звуки, различающиеся степенью звучания (громкие / тихие), длительностью (долгие / короткие), четкостью, высотой (высокие / низкие) и др., которые могут производиться при помощи голоса, различных предметов, ударами обо что-л., звуковыми устройствами, под воздействием чего-л. При этом звуки могут выражать определенное эмоциональное состояние кого-л. или эмоциональное отношение к кому-л., могут сопровождать различные физиологические процессы и состояния, различные физические действия: нанесения удара, повреждения, разрушения объекта, а также они могут являть собой исполнение музыкального художественного произведения. Образные ассоциации связаны с сопоставлением характера звуков, издаваемых человеком и животными, человеком и неодушевленными предметами, человеком, животными, неодушевленными предметами, и звуков, производимых природными объектами. Повторяющиеся, переменные и пр. звуки уподобляются перемещению чего-л. жидкого или сыпучего, мелкого, а резкие, громкие и сильные звуки – разрушительному действию, нанесению удара.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Основные когнитивные признаки концепта и их репрезентации

1. Звуки, издаваемые человеком при помощи голоса: *визг, визгливый, визжать, горланить, заливаться, крик, кричать, пение, петь, пищать, орать* и др.
2. Звуки, издаваемые при помощи музыкального инструмента (о человеке, группе лиц, оркестре): *барабанить, брэнчать, тренькать*.

3. Звуки, издаваемые при помощи различных предметов, ударами чего-л. обо что-л., звуковыми устройствами и т. п.: *греметь, грохот, звенеть, звон, звонить, звякать, свистеть, трезвонить, шебуришать, шелест, шелестеть, шуришать* и др.
4. Характерные звуки, издаваемые животным: *блеять, ворковать, гавкать, гоготать, жуужжать, каркать, квакать, клекот, кудахтанье, кукарекать* и мн. др.
5. Звуки, издаваемые при соприкосновении, столкновении чего-л. с чем-л. или под воздействием чего-л. (о неодушевленном предмете или нескольких предметах): *бить, брэнчать, дребезжать, скрежет, скрежетать* и под.
6. Звуки, сопровождающие явления природы: *бухать, греметь, гром, рокот* и др.
7. Мелодичные звуки, производимые игрой на музыкальных инструментах, в процессе исполнения какого-л. музыкального произведения: *грянуть, играть, свистеть, трубить* и др.

Совмещенные когнитивные признаки и их репрезентации

1. Звуки, издаваемые человеком, находящимся в каком-л. эмоциональном состоянии и выражающим это состояние: *вопить, вскрикивать, выть, присвистнуть* и др.
2. Звуки, сопровождающие внешние жесты, действия человека, выражающего ими эмоциональное отношение к кому-л.: *аплодисменты, цоканье, чмокать* и др.
3. Звуки, сопровождающие или выражающие какое-л. физиологическое состояние, процесс: *кряхтеть, сопеть, урчать, чавканье, чавкать* и др.
4. Звуки, сопровождающие физическое действие нанесения удара: *стучать, хлопать, щелкать* и др.
5. Звуки, сопровождающие физическое действие повреждения объекта: *трещать, хрумкать, хрустеть*.

Устойчивые ассоциативно-образные когнитивные признаки и их репрезентации.

1. Звуки человека, напоминающие характерные звуки (крики), производимые животными или неодушевленными предметами: *крякать, мычать, рычать, рвать* и др.
2. Звуки животных, напоминающие характерные звуки, производимые человеком или неодушевленным предметом: *ворчать, петь, трубить*.
3. Звуки, обычно издаваемые человеком или животным, приписываемые неодушевленным предметам: *визжать, жуужжать, стрекотать, хрипеть* и пр.
4. Характерные звуки, внезапно нарушающие тишину, уподобляемые действию острого предмета или силы, разрушающей что-л. целое: *раздирать, разрезать, разрывать, распарывать, рвать, сверлить*.
5. Характерные звуки (повторяющиеся, переменные и т. п.), напоминающие движение чего-л. жидкого или сыпучего: *катиться, литься, прокатиться, сыпать* и др.

Итак, словарная статья построена таким образом, что в лексикографических параметрах дает представление о левой структуре ментальной сущности концепта.

Семантические инновации в аксиологической лексике русского и польского языков

Е. Л. Березович, Л. А. Феоктистова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия)

Лингвокультурология, лингвистическая аксиология, семантическая инновация

Аннотация. В докладе прослеживается динамика культурно-языкового концепта «романтика» (и некоторых других, входящих с ним в одно тематическое поле) в русском и польском языках периода социализма и в постсоциалистическую эпоху, выявляются причины изменений семантики и коннотаций соответствующих слов, анализируется общее и национально-специфическое в организации концепта.

Языки стран социалистического лагеря объединялись в своеобразный «идеологический языковой союз», который управлялся общими законами не только создания и существования, но и распада [Седакова 2008: 429]. Общие закономерности наиболее очевидны в процессах входа и выхода из системы языка пластов лексики, обозначающей нарождающиеся и отмирающие реалии общественной жизни, феномены актуальной идеологии. Менее заметны (и менее изучены) они в семантике тех слов, которые не входят в «первый эшелон» злободневной идеологической лексики, но обозначают духовные ценности, значимые для многих поколений. В докладе будут проанализированы семантические измене-

ния нескольких слов такого рода, в том числе слова «романтика» (и родственных ему слов) в русском и польском языке периода социализма и в постсоциалистическую эпоху.

Высокая «аксиологичность» романтики (как мироощущения) в том, что она нацелена на поиск идеалов. И для русских, и для поляков романтика имеет особое звучание, поскольку связана с автостереотипами национальностей: русский – мечтатель-идеалист (ср.: «Настоящий русак у нас – беспечный романтик»; «Русский человек, а стало быть, блаженный, клинический романтик, безнадежный идеалист»); поляк – романтик-патриот, борец за национальную независимость [Бартмицкий 2005: 179] (ср.: «Wśród

czeskich „budzicieli” stereotyp Polaka romantyka walczącego o wolność był bardzo pozytywny»). Вероятно, в стереотипе поляка романтизм черта более устойчивая, особенно если учесть, что «культурные символы» Польши – Мицкевич и Шопен. Вместе с тем идеалы изменчивы и имеют историко-культурный подтекст: «Каждое время рождает свою романтику» (Д. Гранин). Эти изменения обуславливают смысловые модификации рус. *романтика* / польск. *romantyka* в изучаемый период.

Для русского и польского языков эпохи социализма характерна романтизация революций и войн, что проявляется в таких сочетаниях, как *революционный романтизм, романтика борьбы за свободу, за народ; romantyzm rewolucyjnych barykad, romantyka walk partyzantskich* и др.

Борьба продолжалась и в мирное время, когда нужно было восстанавливать народное хозяйство, отсюда *романтика труда, romantyzm pracy, романтика дня, трудовых будней* и т. п. (ср.: «Увлекательней, радостней, ярче Клокотанье в мартенах огня. Фронт работы! Какая ж иначе, Лучше этой, романтика дня»). Притягательной силой обладала та деятельность, которая связана с *романтикой странствий*, борьбой с природной стихией (профессия летчика, моряка, геолога, строителя дорог etc.), ср.: «У дорожников своя романтика труда. Они семьями кочуют с одного участка на другой. Прорубают просеки, срезают горки, заваливают овраги, строят мосты и устраивают кюветы»; «Czy osiąga was romantyka prawdziwych przygod – walka z żywiołem przyrody?»).

Особый оттенок появился в языковом образе романтики в 1960-е гг., во время «оттепели» в Советском Союзе, проникнутой *романтическими настроениями*, ожиданиями перемен. Новизна романтизма этого периода заключается, с одной стороны, в высвобождении личностного начала, с другой, в поисках того, что могло бы составить антитезу рутине повседневной «негероической» жизни. Эти мотивы наиболее ярко проявляются в бардовской песне, питавшей (как в России, так и в Польше) не одно поколение любителей «romantycznych ballad gitarowych, poezji, sztuki». За романтикой стоит намерение «жить километрами, а не квадратными метрами», она связывается со специфическим денотативным полем (костер, рассвет, дальняя дорога, песни под гитару etc.), предполагающим бытовую неустроенность и несовместимость с комфортом, ср. *романтика «анти-быта», romantyka przeciw nudzie codziennego życia*.

Некоторые из этих мотивов оказались подхваченными языком идеологии – и изучаемое слово вошло в арсенал «комсомольской» лексики. Яркое свидетельство тому – появление в «застойные» годы в России множества комсомольских и пионерских отрядов, молодежных лагерей, периодических изданий и пр. под названиями «Романтик» или «Романтики».

Постепенно из сферы трудовой деятельности романтика уходила в сферу проведения досуга – «ближний» (внутри страны), «самодетельный» туризм, который, как и странствия предыдущих эпох, предполагал уход от цивилизации и борьбу с природной стихией. Эта тенденция становится наиболее ощутимой в 1980-е гг.

В постсоциалистическое время в культурно-языковом сознании носителей русского и польского языков происходит «ревизия» романтизма – и существенным образом меняются коннотации, денотативное поле и сочетаемость изучаемых лексем.

Во-первых, усиливается негативная оценка *идеализма* и *созерцательности*, сопровождающих романтику, – зато повышается позитивная оценка *расчетливости, практичности* и *прагматичности*.

Во-вторых, романтика вытесняется из сферы «самодетельного» туризма в область туризма международного с присущим ему бытовым комфортом (ср. в ономастике: пансионаты в курортных городах «Романтика», пляжный набор «Романтика», пляжный лежак «Романтик» и др.). Смысловая ниша, образовавшаяся на месте прежней «неустроенной» *романтики*, в какой-то мере восполняется, с одной стороны, *экзотикой*, с другой – *экстримом*, который позволяет *выбросить адреналин*, испытать *острые ощущения* и т. п., ср. рекламу на сайте польской туристической фирмы: «Osoby zainteresowane sportem, wszystkich tych, którym romantyzm kojarzy się ze wspólnym przeżywaniem niecodziennych i pełnych adrenaliny sytuacji zapraszamy do Czech na sport i inne aktywne czynności, których doświadczenie wzmacni nasze uczucia i wzbogaci je o niecodzienne przeżycia».

В-третьих (и это наиболее заметно), актуализируется «любовный подтекст» романтики: «ужин на двоих (влюбленных)» – *романтический ужин (при свечах), romantyczna kolacja*; «путешествие влюбленных» – *романтическое путешествие, romantyczna przygoda* и др.

В-четвертых, язык рекламы порождает «овеществление» романтики: акцент переносится с чувствующего, романтически настроенного субъекта на весь мир товаров и услуг, которые способны вызвать в нем соответствующее настроение и чувства, отсюда стиль «романтика» («романтик» – с подчеркнуто «иностранным» ударением) в одежде, прическах, мебели, интерьере и пр.

Таким образом, на смену «неустроенной», «анти-бытовой» романтике прежних лет пришла новая, «антуражная» романтика, которая характеризуется установкой на старомодность (весьма не дешую и с претензией на изысканность) и призвана вызвать «женственно-любовные» ассоциации; ср.: «Этот диван в стиле романтик располагает к романтике, позволяет утопать в роскошной мягкости»; «Сделаем свадебные фотографии в стиле романтик и гламур»; «Wieszak romantyczny. Ażurowy wzór uzyskano przez laserowe cięcie arkusza cienkiej blachy. Sam w sobie jest bardzo dekoracyjny, dostępny w kolorach błyszczącym białym i czarnym». «Romantyczny sweterek. Romantyczne żaboty, falbanki i kokardy są ważnym elementem stylizacji w ramach wiktoriańskiego, romantycznego trendu». Эта «любовно-вещественная» семантика практически терминологизировалась, ср. классификацию мужской парфюмерии, которая делится на *дневную, офисную* и *романтическую* (вечернюю или ночную).

Сходство русских и польских инноваций в семантике слова «романтика» (как и ряда других слов, связанных с ним по смыслу) свидетельствует о вхождении языков бывших социалистических стран в новый «идеологический языковой союз» – глобальное, преимущественно англоязычное (или «англоцентричное») информационное пространство.

Литература

- Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
Седакова И. А. Распад «идеологических» языковых союзов: универсальное и специфическое // Славянское языкознание. XIV Междунар. съезд славистов: Доклады рос. делегации. М., 2008. С. 429–450.

Лингвокультурное пространство русского города (на примере г. Архангельска)*

Т. В. Винниченко

Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Языковая экология, лингвокультурология, эргонимика

Аннотация. В докладе будут рассмотрены интралингвистические характеристики рекламного текста г. Архангельска: фонетика, графика, лексика, синтаксис. Актуальность исследования связана с необходимостью изучения системы названий городских объектов и рекламного текста, образующих лингвокультурное пространство города.

Эргонимия города как специфический пласт лексики временного русского языка отражает все те коренные изменения, которые происходили и происходят в российском

обществе. Вследствие этих процессов на смену старым названиям городских объектов приходят новые. Ср.: «*Аптека № 116*» и аптечные центры «*Вита*», «*Алоэ*»; «*Цветы*» и

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-04-00188а «Исследование языковой картины мира северного крестьянина на материале памятников деловой письменности Подвinya XVI–XVII вв.».

цветочные салоны «Флора-дизайн», «Магия цветов»; «Магазин № 22» и магазины «Северный», «Петровский», «Сезон покупок». Демократизация номинативных процессов в области эргонимии позволяет говорить об актуальности изучения данной группы имен собственных.

Одним из средств конкурентной борьбы является выбор оригинального благозвучного запоминающегося покупателям названия. В настоящее время создание эргонимов осуществляется без опоры на какую-либо теоретическую базу. В лучшем случае номинаторами оказываются сотрудники многочисленных рекламных агентств, нередко не имеющие специальной подготовки, но чаще всего это сами владельцы, не всегда достигшие достаточно высокого культурного уровня. Актуальность настоящего исследования связана, прежде всего, с необходимостью изучения системы названий городских объектов и рекламного текста, образующих лингвокультурное пространство г. Архангельска, и цель его состоит в определении интралингвистических особенностей городских эргонимов и рекламного текста.

В сферу анализа включены, в первую очередь, собственно эргонимы г. Архангельска и рекламный текст, размещаемый

на улицах города (наружная реклама). В корпус анализируемых материалов включены названия торговых, развлекательных предприятий, товарные знаки, несущие в себе кроме чисто номинативной функции еще и значительный рекламный заряд, активизируя интерес потребителя, с одной стороны, и содержащие привлекательную лингвокультурную информацию, с другой. Автором собрано и систематизировано 300 наименований и рекламных текстов.

В докладе будут рассмотрены интралингвистические характеристики рекламного текста г. Архангельска: фонетика, графика, лексика, синтаксис. На фонетическом уровне рассматривается реализация приемов аллитерации, рифмовки, на уровне графики – использование в рекламных целях преднамеренных орфографических ошибок, графических выделений в слове, элементов старой и иноязычной орфографии. Лексические особенности рекламных текстов выражаются в использовании модальных операторов долженствования и возможности. На синтаксическом уровне анализируются приемы парцеллирования, сегментирования, антитезы, дана характеристика использования отдельных видов предложений (вопросно-ответных конструкций, номинативных предложений и т. п.).

Образ Европы и Европейского Союза в языковом сознании молодого поколения поляков, немцев и русских

Р. Гаваркевич

Щецинский университет (Щецин, Польша)

Компетенция к межкультурному общению, языковая картина мира

Аннотация. В докладе представим и проанализируем некоторые данные, полученные путем ассоциативного эксперимента, проведенного в Польше, Германии и России. Целью наших исследований есть определение и сравнение уровня знаний немецких, польских и русских студентов на тему своей страны (автостереотипы), а также других двух стран, с которыми их связывает длинная и сложная история и непростые проблемы настоящего.

Идущие в Европе интеграционные процессы со всей очевидностью показали, что современная концепция международных отношений не может рассматриваться лишь только на основе политики, экономики и бизнеса. В важных участниках происходящих в Европе перемен превратились так называемые «рядовые» представители всех наций, входящих в состав Европейского Сообщества. Каждая из них в отдельности принимает участие в политических играх и оказывает все более значительное влияние на принятие решений подконтрольными им национальными представителями в Европарламенте. Это привело к тому, что граждане всех стран ЕС почувствовали себя жителями единого континента и начали привыкать к отсутствию границ, единой валюте, единому рынку рабочей силы – словом, ко всему тому, что было задумано европейскими реформаторами. Однако в то же время мы столкнулись с множеством проблем, которые, как, например, серия неудачных попыток ввести единую Конституцию для Европы, строгий контроль миграции и трудоустройства иностранцев и ряд других, вызывают серьезные изъяны в проекте общеевропейского дома. Их источником является в основном конфликт интересов между «большими» странами из числа старожилов и «малыми» странами – новыми членами ЕС. Этот конфликт вызван, с одной стороны, естественной заботой о благополучии своей нации и страны, с другой – отсутствием четко сформированных норм сотрудничества и взаимопонимания. Это означает, что на передний план в исследованиях и анализе интеграционных процессов, вместе со специалистами в области политики и экономики, должны выйти и представители гуманитарных и общественных наук. Их основная задача – помочь разобраться, показать сходства и различия в культуре, менталитете, мышлении представителей всех наций, проживающих и взаимодействующих в современной Европе, путем описания и изложения взаимоотношений между человеком, языком, культурой и окружающим человеком миром.

Теперь уже представляется бесспорным, что без изучения картины мира – видения мироздания, характерного для того или иного народа, представления членов общества о самих себе и своих действиях, своей активности в мире, а также без изучения чужой культуры полное взаимопонимание между многими европейскими нациями невозможно.

Как пишет Е. И. Пассов, «взаимопонимание складывается помимо лингвистического еще из социологического, социокультурного, этнокультурного, аксиологического и психо-

логического аспектов, для обеспечения которых нужна главная предпосылка, основа взаимопонимания – культура, культурный фон, присвоение знания о культуре друг друга и отношение к ней, что и составляет менталитет, независимо от воли и сознания управляющий чувствами, словами, поступками» [Пассов 1999: 434].

Характеризующийся вышеприведенным качеством человек обладает особым видом предрасположения, которое К. Wielecki называет компетенцией к межкультурному общению [Wielecki 1995: 117]. Только человек, знающий определенную систему фактов иностранной культуры, т. е. имеющий опыт ее восприятия, анализа, сопоставления, оценки, в состоянии быть активным и надежным участником диалога культур, понимаемого как *процесс взаимодействия двух индивидуальностей, двух ситуативных позиций, двух менталитетов*.

Соглашаясь с приведенным выше, мы сочли целесообразным и интересным проведение исследований методом письменного анкетирования, предметом которых является национально-культурная специфика языкового сознания, понимаемого как *опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира*. Считаем, что наши исследования помогут, с одной стороны, как полякам, так и немцам и русским посмотреть на свои действия, свою активность в мире чужими глазами, с другой, доставят информацию об уровне знаний молодых представителей трех выбранных для исследований европейских наций в области общей европейской культуры и действительности, что в конечном итоге может способствовать более эффективному взаимопониманию и межкультурному общению.

Литература

- Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
- Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира / Ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000.
- Wielecki K. Kompetencje do komunikacji międzykulturowej: problemy polityczne i edukacyjne // Komunikacja międzykulturowa, zbliżenia i impresje / Red. A. Kopciak, L. Korporowicz, A. Tyszk. Warszawa, 1995.

Русские пословицы с семантикой побуждения в лингвокультурологическом аспекте

Г. Ф. Гаврилова, Л. В. Гриченко

Педагогический институт ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия)

Пословицы, антропоцентризм, национальный характер, духовные ценности

Аннотация. Статья посвящена анализу грамматических и лексических особенностей пословиц со значением побуждения в связи с выражением ими культурных, духовных и материальных ценностей русского народа.

Изучение пословиц, в частности с семантикой побуждения, в лингвокультурологическом аспекте, т. е. в единстве когнитивной деятельности и культуры, представляется особенно интересным и перспективным: здесь и проблема описания и реконструкции национального характера, и система ценностей народа, и имплицитно заложенный антропоцентризм, и проблема языковой концептуализации, и уникальные лингвокультурологические характеристики, и нормы коммуникативного поведения представителей русского этноса, позволяющие выявить то, что стоит и стояло за смыслом пословиц в поведении носителей лингвокультуры.

Особый интерес в аспекте описания лингвокультурологических характеристик исследуемых пословиц представляет формальная сторона пословичного изречения, в которой заложены и находят отражение стратегии поведения и особенности характера русского народа. Частое обращение к форме повествовательного предложения для выражения завуалированного, смягченного побуждения обусловлено некоторыми культурологическими факторами – требованием соблюдения в речевом поведении вежливости, тактичности, лояльности; реализацией стратегии бесконфликтности и терпимости.

Многообразие косвенных и скрытых форм выражения значения волеизъявления позволяет говорить о возможности двойной интерпретации пословицы; о возможном выборе адресатом (вторым лицом) повествовательного (афористического) или побудительного непосредственно обращенного к нему варианта, определяющего его дальнейшее поведение и создающего высокую вероятность коммуникативной удачи.

Кроме того, в коммуникативно-функциональном плане повествовательные и побудительные по форме пословицы являются полифункциональными. Реализуя общеназидательную, реактивно-оценивающую и косвенно (скрыто) выраженную интенцию побуждения, такие пословицы фактически совмещают в себе три разных значения: побуждения, содержащее прескрипцию к конкретному 2-му лицу и ориентированное на временной план будущего; афористическое общее назидание без определенной временной и адресной оценки; оценочное для характеристики действий какого-либо 3-го лица в прошлом. Полифункциональность пословичного изречения, ведущая к функционально-семантической синонимии форм, имеет глубокое положительное значение для достижения перлокутивного эффекта, создавая возможность выбора говорящим значения, обеспечивающего доброжелательные отношения с собеседником. Например, в пословице: *Чем сердиться, так лучше помириться* [Даль 1993] (далее пословицы цитируются по этому источнику) реализуются все три функции: побуждения, афоризма, оценки действий 3-го лица.

Несомненно, этнокультурная специфика народа находит свое отражение в лексическом содержании пословицы, позволяющем обнаружить неповторимую национальную окраску русского языка, связанную с исторической судьбой, культурой, традициями, обычаями и особенностями русского народа.

Наиболее значимой и частотной в пословицах со значением побуждения русского языка является лексика, связанная с хозяйством, бытом, религиозными, духовными, семейными и межличностными отношениями. Особенно четко этнокультурное своеобразие русского народа отражается в на-

именованиях членов семьи, родственных отношений (свекровь, сноха, муж, жена): *Дочку сватать – за матушкой волочиться*; *Прежде батьки в петлю не поспевай*; религиозных реалий (поп, попадья, дьякон, пастырь, монастырь, приход): *Со своим уставом в чужой монастырь не ходят*; в названиях домашних животных (кошка, собака, корова, свинья, конь): *Дареному коню в зубы не смотрят*; птиц (гусь, куры, цыплята, воробы): *Цыплят по осени считают*.

Лингвокультурологическое своеобразие лексики пословичного фонда русского языка заключается в высокой частоте употребления пословиц с зоокомпонентами, обильное переосмысление которых лежит в основе заложенной в их семантике антропоцентричности: *Без хвоста и ворона не красна*. *Гусь свинье не товарищ*. Большое разнообразие зоонимов, часто представлен не класс животных, а их разновидностей: *Старого воробья на мякине не проведешь*. *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*. Все это говорит об отражении пословицами с семантикой побуждения многообразия и многогранности жизни, быта, устоев русского народа.

Анализ лексического состава пословиц русского языка позволяет выделить основополагающие для русской культуры духовные и семейные ценности, определяющиеся набором основных концептов – добро, истина, правда, мужество, гостеприимство, вера в судьбу. Это проявляется в побуждениях к добрым, честным поступкам, запретах на злое, греховное, несправедливое: *Без правды жить – с белого света бежать*. *Береги платье снову, а честь – смолоду*.

Оценка, будучи универсальной категорией, представлена в большинстве пословиц, однако наиболее ярко оценочной маркированности проявляется в пословицах с зоокомпонентом, реализующими семантику запрета, в которых количественно преобладающими являются лексемы *конь, медведь, лиса, собака, свинья, волк*.

Положительная оценка *свиньи, лисы и волка* в пословичном фонде русского языка практически отсутствует: *С волками жить – по-волчьи выть*. *Посади свинью за стол, она и ноги на стол*; в то время как к *собаке и медведю* прослеживается двойное отношение, с явным преобладанием негативной коннотации и значения запрета: *Собака лает – ветер носит*; *Два медведя в одной берлоге не уживутся*. Требуемая определенных фоновых знаний участников коммуникации оценочная коннотация зоонимов обнаруживает несовпадение при сравнении с другими языками: *Love me, love my dog* – в английских пословицах к собаке обнаруживается положительное отношение.

Закрепленный пословицами с побуждением стереотип поведения и система ценностей отражают лингвокультурологическое своеобразие русских пословиц, которое обусловлено историей народа, географическим положением, образом жизни. Изменение вектора оценочной направленности часто связано с историческими, социальными или политическими изменениями и лежит в основе активного употребления пословицы, отсутствия обращения к ней или регулярности ее употребления в связи с возрождением реалий того, что обозначено номинациями: *Терпи, казак, атаманом будешь*. (Утраченная пословица вновь вошла в употребление в связи с возрождением казачества.)

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: В 3 т. М., 1993.

Нормирование процессов семантического развития у носителей русского языка

Р. Н. Гарипова

Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия)

Семантическое развитие, норма, патология, ассоциативный эксперимент

Аннотация. В работе обсуждается психолингвистический подход к установлению норм развития значения слова в индивидуальном сознании носителей русского языка через обращение к условиям патологии.

Проблема нормирования семантического развития в индивидуальном сознании рассматривается через обращение к

условиям, отличным от нормы. Такой подход обусловлен необходимостью выявить особенности процесса развития

семантики, которые стали привычными и незаметными в норме, но проявляются в контрасте с патологией. Подобное сопоставительное исследование позволяет уточнить закономерности организации и структурирования языкового сознания человека.

В качестве области отклонения был выбран такой вариант аномалии развития, как недоразвитие и его типичная модель – олигофрения в степени дебильности, так как эта наиболее легкая по степени и самая распространенная ее форма. Отметим, что вслед за Р. М. Боскис и Р. Е. Левиной [Боскис, Левина 2002] мы усматриваем в отклонении, возникшем в развитии, *определенное динамическое своеобразие*, а не стабильный, имеющий лишь негативную характеристику дефект вторичного, социального порядка. Основой данного положения служит идея Л. С. Выготского о сложной структуре аномального развития ребенка с дефектом. При анализе сложной структуры своеобразия развития человека с дефектом наблюдаются наряду с вторичными отрицательными симптомами и те, что возникают как результат положительных приспособлений аномального ребенка к социальной среде [Выготский 2003].

Материалом исследования являются данные свободного вербального ассоциативного эксперимента, проведенного с 400 умственно отсталыми детьми и взрослыми пяти возрастных групп (от 8 до 78 лет). В ходе эксперимента с аномальными испытуемыми было получено 12000 вербальных ассоциаций на 30 полисемантических слов-стимулов. Для сопоставления были использованы данные по норме (24512 ассоциаций) и патологии (600 ассоциаций), полученные другими авторами [Рогожникова 2000]. При сопоставлении материалов, полученных в полярных условиях интеллектуальной деятельности личности, становятся очевидными некоторые моменты, которые не проявляются в исследованиях, выполненных на материалах одного условия. При этом обнаруживаются факты общности и различия. В связи с этим основной задачей была проверка того, прослеживаются ли тенденции семантического развития, выявленные в условиях нормы и в условиях патологии, насколько и каким образом они схожи и / или отличны.

Проведенный анализ позволяет условно представить процесс развития значения слова у аномального индивида двухэтапным процессом построения системы значений в индивидуальном сознании, который предполагает формально-смысловую и конкретно-абстрактный переходы ассоциативных связей по мере развития умственно отсталого ребенка. Прогрессирующая динамика данного процесса наблюдается по мере направленного специального (коррекци-

онного) обучения, вне которого отмечается обратный, регрессирующий процесс. Семантическое развитие у умственно отсталых людей ограничивается в силу их недостаточной (по сравнению с нормой) перцептивно-когнитивно-аффективной переработкой многогранного опыта познания и общения. Данные положения укладываются в разработанную модель развития семантики слова в условиях патологии типа «Ассоциативный массив» [Гарипова 2007]. Прототипом создания модели послужила спиралевидная модель семантического развития Т. М. Рогожниковой [Рогожникова 2000].

На следующем этапе исследования планируется изучение развития семантики слова в условиях патологии, при которой у испытуемых наблюдается недостаточность работы сенсорных (зрительных и аудиальных) анализаторов. В основе работы лежит предположение о том, что, несмотря на схожесть итогов семантического развития у нормального и аномального человека в зрелом возрасте, индивиды с дефектами зрения и слуха идут к этому результату другим путем в отличие от зрячеслышащих. На это, в частности, указывает в своей работе L. Gleitman [Gleitman 2002], которая рассматривает проблему овладения значением глаголов зрячими и слепыми детьми. Интересен и тот факт, что сенсорный дефект создает тенденцию к выравниванию и эта компенсация совершается главным образом на путях социально-культурного развития ребенка. Глухие и слепые дети овладевают речью на основе других анализаторов, в частности зрительного и аудиального соответственно [Выготский 2003].

Решение этих вопросов будет способствовать углублению научных представлений о нормировании семантического развития слова и его функционировании в индивидуальном сознании человека.

Литература

- Боскис Р. М., Левина Р. Е. Аномальные дети // Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 437–464.
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Психология развития человека. М., 2003. С. 208–547.
- Гарипова Р. Н. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
- Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: Монография. Уфа, 2000.
- Gleitman L. The structural sources of verb meaning // Psycholinguistics. Critical Concepts in Psychology / Ed. G. Altmann. London; New York, 2002. P. 118–168.

Отражение языковой ситуации в художественной литературе России, Чехии и Болгарии

В. Гладров

Берлинский университет им. Гумбольдта (Берлин, Германия)

Языковая ситуация, формы существования этноязыка, разговорный язык

Аннотация. В докладе рассматриваются специфические черты и место разговорного языка среди других форм существования этноязыка на основе их отражения в языке художественной литературы в России, Чехии и Болгарии.

Понятие языковой ситуации передает взаимоотношение форм существования этноязыка, их функционирование в определенных коммуникативных ситуациях и установку носителей языка к отдельным подсистемам этноязыка (ср. [Jedlička 1978: 35–37]). В докладе я ставлю перед собой задачу рассмотреть специфические черты и место разговорного языка среди других форм существования этноязыка в России, Чехии и Болгарии.

Элементы разговорного языка адекватно и достаточно наглядно представлены в некоторых текстах художественной литературы последних двух десятилетий, хотя при этом необходимо учитывать, что средства разговорного языка в подобных текстах чаще всего выполняют и эстетическую функцию.

Для разговорного языка характерны следующие критерии, предложенные Е. А. Земской: непринужденность речевого акта, связанная с неофициальными отношениями между партнерами по коммуникации, неподготовленность общения и непосредственное участие собеседников в обще-

нии. Устная форма реализации разговорного языка, привлечение ситуации общения, использование невербальных средств выражения, таких как мимика, жестикация, и главным образом диалогическое протекание разговора со сменной ролей слушающего и говорящего являются дополнительными, факультативными признаками разговорного языка (ср. [Земская 1987: 12]).

При сравнении разговорного языка в России, Чехии и Болгарии можно выделить целый ряд особенностей языковой ситуации этих стран. В России средством коммуникации в ситуациях неофициального, неподготовленного и непосредственного общения служит некодифицированный литературный разговорный язык, в целом свободный от диалектизмов.

Языковая ситуация в Чехии характеризуется тем, что на большей ее территории в качестве разговорного языка используется обecná čeština, которая основывается на среднечешском интердиалекте и в значительной степени отличается от кодифицированного литературного языка особыми

фонологическими чередованиями и морфологическими формами. Однако обесná čeština не существует в чистом, статическом виде. Поэтому многие богемисты указывают на смешанный характер этой формы существования этноязыка (ср. [Hoffmanová, Müllerová 2000: 285]; [Daneš 1997: 14]; [Нещименко 2003: 212–214]).

В Болгарии в ситуациях неофициального, неподготовленного и непосредственного общения используется некодифицированный разговорный язык, обнаруживающий по сравнению с формой существования обесná čeština близость к литературному болгарскому языку, который, однако, в отличие от разговорного языка в России, не свободен от диалектных и интердиалектных влияний (ср. [Виденов 1994]; [Gutschmidt 2002]; [Nicolova 2000]).

Литература

Виденов М. Маркеры «разговорности» софийской речи // Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa / Hrsg. N. Reiter, U. Hinrichs, J. van Leeuwen-Turnovcová. Berlin, 1994.

S. 320–330 (Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin. Balkanologische Veröffentlichungen. 25).

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепции. М., 2003.

Daneš F. Situace a celkový stav dnešní češtiny // Daneš F. a kolektiv. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 12–24.

Gutschmidt K. Bulgarisch // Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Hrsg. M. Okuka. Klagenfurt; Celovec, 2002. S. 219–234 (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. 10).

Hoffmanová J., Müllerová O. Zur Variation von Schriftsprachlichkeit und Nichtschriftsprachlichkeit im heutigen Tschechischen // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1 / Hrsg. L. N. Zybатов. Frankfurt am Main, 2000. S. 283–303 (Linguistik International. 4).

Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978.

Nicolova R. Die Varietäten des Bulgarischen und die bulgarischen Printmedien nach 1989 // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1 / Hrsg. L. N. Zybатов. Frankfurt am Main, 2000. S. 263–281 (Linguistik International. 4).

Категория своевременности / несвоевременности в русском языке как фрагмент языковой картины мира

Т. В. Гоннова

Волгоградский государственный педагогический университет (Волгоград, Россия)

Темпоральность; функционально-семантическая категория; цикличность, одномерность и однонаправленность языка

Аннотация. Речь в докладе идет о категории времени (в частности, категории своевременности / несвоевременности) как одной из центральных категорий любого общества, воплощенной в языке.

Время – это одна из центральных категорий, составляющих основу мироздания. Последовательный порядок явлений и длительность как определения времени дают возможность охарактеризовать понятия «течение времени» и временные категории прошлого, настоящего, будущего. Выражение «течение времени» долгое время считалось мифом, метафорой, не имеющей реального смысла, иллюзией, не выдерживающей строгого анализа. Течение времени как последовательная смена событий в процессе существования связано с определенной временной структурой, с определенными отношениями между моментами времени, которые могут быть воплощены в языке.

Понятие времени выражается различными языковыми средствами, начиная с глагола как основного конструктивного элемента высказывания и кончая интонацией. Естественным поэтому является стремление лингвистов воссоздать такой важнейший фрагмент языковой картины мира, как темпоральность. Относясь к категориям, составляющим основу любого языкового сознания, категория времени является универсальной лингвокогнитивной категорией. Ее универсальность обуславливается внеязыковой действительностью, общими закономерностями ее отражения в языковом сознании людей (социума). И все же несмотря на универсальность категории темпоральности и на неугасающий интерес к ней со стороны представителей науки, в лингвистике до сих пор отсутствует описание некоторых элементов поля темпоральности, в частности категории своевременности / несвоевременности. Нельзя в связи с этим не согласиться с авторитетным мнением: «Разграничение и соотнесение семантических категорий, отражающих разные стороны идеи времени, позволяет более полно представить общую систему языковой интерпретации понятия времени» [Бондарко 2002: 540]. И это действительно важнейшая предпосылка актуальности и перспективности разработки функциональной грамматики.

Как известно, все в нашей вселенной взаимосвязано, в том числе очевидна связь языка с реальным временем: «Мы наделены внутренней стрелой времени... Время – это ключ к пониманию природы» [Пригожин 1985: 252]. Можно продолжить: время – это ключ к пониманию языка.

В философии отмечается существование двух основополагающих свойств реального времени – одномерности (линейности) и однонаправленности (необратимости). Эти свойства определяют и структуру естественного человеческого языка. Языковеды связывают циклическое время с космологическим сознанием, а линейность с историческим: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе

времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем историческое сознание, в принципе, предполагает линейное и необратимое время [Успенский 1989: 32–33].

В аспекте цикличности / линейности появляются, например, такие оппозиции, как **время / пора**. У Даля **пора** – это время, час, доба, година; срочное время, срок; удобное к чему-либо время (*Настала пора дождей. Да уж пора жать, косить. Пора б тебе переберестись!*). В Словаре синонимов понятие **своевременно** соответствует смыслу **вовремя** – «когда это нужно, в определенное время» (*Все устали: пора сделать перерыв или Хотя время делать перерыв, я думаю, мы можем еще немного поработать*). Но по наблюдению Яковлевой, **пора** не употребляется, в отличие от **времени**, с таким, например, глаголом, как **подойти** (*Подшло время прощаться*, но не **Подшла пора прощаться*). **Время** подчеркивает именно совпадение момента речи с запланированным сроком (*Бьет восемь часов. Время пить чай* – Н. Карамзин). **Пора** же может описывать и «просроченное» время (*Глядит – и видит, что пора // Давно уж ехать со двора* – А. Пушкин, ср.: **Давно время ложиться спать* [Яковлева 1994: 143]. С другой стороны, говорят и о том, что «**время и пора** в русском языке сейчас во многом взаимозаменяемы: *время любви – пора любви, время учебы – пора учебы*» [Мокиенко 1990: 14]. Яковлева говорит о том, что эти слова не являются «простыми смысловыми дубликатами», а «наличие в русском языке двух конкурирующих между собой показателей позволяет в номинативном употреблении описать принципиально различное понимание самого времени носителями русского языка, а в предикативном – выразить целый спектр значений, связанных с понятием “своевременность”» [Яковлева 1994: 143]. Однако трудно согласиться с мнением Яковлевой о том, что «если лингвограмматическое время не вызывает к себе никакого отношения (не допускает в свой адрес определений, не поддается квалификации), то “в жизни”, напротив, не мыслится вне эпитетов, проецирующих его в сферу человеческой деятельности, восприятия, оценки».

В заключение обратимся к справедливым словам ученого: «Одна из наиболее существенных сторон соотношения “временной порядок и темпоральность” заключается в том, что ориентация времени действия на момент речи или (при относительном времени) на другую точку отсчета осуществляется в рамках временного порядка. И точка отсчета, и время действия – это те “точки” и периоды, которые расположены на оси времени, т. е. занимают определенное место во временной последовательности. Момент речи вы-

ступает как центр, от которого идут “векторные линии” с одной стороны в прошлое – ближайшее и отдаленное, а с другой – в будущее» [Бондарко 2002: 536].

Литература

- Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002.
 Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М., 1990.

Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985.

- Словарь синонимов русского языка / Сост. З. Е. Александрова. М., 1976.
 Успенский Б. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. XXIII. Тарту, 1989.
 Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Стереотип как застывшая форма сознания

А. Р. Даирова

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)

Стереотип, гендерный стереотип, языковое сознание, ментальность

Аннотация. The article deals with category of gender and the problems of its reflection in language. Gender is analyzed from philosophical position as cultural concept, special attention is given to gender stereotypes reflected in language.

В настоящее время, когда в лингвистике весьма отчетливо проявляются антропоцентрические тенденции, учет человеческого фактора, играющего роль экстралингвистического компонента языковых преобразований, обуславливает активный интерес исследователей к гендерным стереотипам, функционирующим в языковом сознании этноса. Кроме того, несомненный интерес представляют также концепты *мужественность / женственность* как значимые элементы концептуальной системы.

Сознание людей играет важную роль в развитии и поддержании гендерной системы. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей (например, ярлыки *мужеподобная женщина* или *мужик*, а *ведет себя как баба* весьма болезненно переживаются людьми и могут вызывать не только стрессы, но различные виды психических расстройств). Ср.: *Раньше у Зиновьева был высокий, как бы женский, даже чуть визгливый голос. Теперь он говорил тихо, медленно, с трудом выговаривая слова. Старая баба! Всегда был бабой. И морда бабья. Даже умереть не может достойно* (А. Рыбаков). Данный пример достаточно ярко иллюстрирует отношение к мужчине, в характере и поведении которого проявляются женские черты, а именно слабость, мягкосердечие, жалость. Кроме того, нельзя не отметить нормативность гендерных стереотипов. Поскольку представления о том, каким должен быть настоящий мужчина (например, быть способным содержать семью), как должна вести себя в той или иной ситуации женщина, являются социально разделяемыми, реальные мужчины и женщины не могут с этим не считаться. Например, *Ты зачем такой нервный, Маши? Женщин должен быть тихий и ласковый!* (М. Арбатова); – *Ты очень грубо разговариваешь с девочками по телефону... Это очень некрасиво. Мужчина должен быть рыцарем* (Е. Дубровин); *Если ты пришел вечером домой, а там у тебя голодные дети и голодная жена – ты мерзавец. Неважно, почему. Разгружай вагоны, подвози людей, чини машины. Неважно, какое у тебя образование и кем ты был в предыдущей жизни* (В. Соловьев).

Самый распространенный стереотип связан с так называемой *женской логикой*. Считается, что женщины не способны мыслить логически, что они обладают особым мировидением, противоречивым, базирующимся на ощущениях и интуиции и непонятным мужчинам. Как правило, они совершают странные поступки, не поддающиеся логике, что порождает миф о непостижимости и загадочности женской души. Ср.: *Не слушает моя Ниночка! Вообразила черт знает что и в слезы. После слез истерика... Убеждал я ее, но ни к чему... Мужской логике никогда не совладать с женской* (А. Чехов); *Да, женщины – большая загадка* (А. Чехов); *Если по-бабьи рассуждать, то конечно... – вздыхает Никиткин, поднимаясь. – Конечно!* (А. Чехов); *Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* (посл.); *Нет ничего парадоксальнее женского ума: порядок доказательств, которым они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален...* (М. Ю. Лермонтов). В некоторых случаях говорится о превосходстве мужского интеллекта над женским, о неспособности женщин понимать философ-

ские рассуждения, абстрактные теории, концептуальную литературу и др., о поверхностном складе ума, разбирающемся только в ведении домашнего хозяйства, об узком кругозоре и т. д. Ср., например: *Так как предмет этой статьи составляет мужскую тайну и требует серьезного умственного напряжения, на которое весьма многие дамы не способны, то прошу отцов, мужей, околоточных надзирателей и проч. наблюдать, чтобы дамы и девицы этой статьи не читали* (А. Чехов); *Еще бы! У нее на руках дети, кухня, белье мужа, гости, моль в шубах, прием гостей, игра на пианино! Как много обязанностей и как мало работы!* (А. Чехов); *Есть две категории женщин: «ужас, какая дура» и «преlestь, какая глупенькая»* (М. Жванецкий); *...женщина умна, как курица, а умная женщина – как две курицы* (В. Курбатов); *Ничего ты не понимаешь. Ни-че-го! Глупая-а-а. Глупая ты. Дура... Эх, бабы! Ничего вы в жизни не петрите! Ничего не смыслите в колбасных обрезках! «Бабы дуры, бабы дуры, бабы бешеный народ. Как увидят помидоры, сразу лезут в огород!»* (Н. Коляда).

О парадоксальности женского ума и женского восприятия окружающей действительности говорит и следующее рассуждение, которое демонстрирует по меньшей мере ироничное отношение к слабому полу: *You may call your wife a silly cow on Tuesday and the only treasure in your lonely life on Wednesday. But you cannot explain to her on Wednesday that, when you called her a silly cow the day before, you really meant to say she was the only treasure in your lonely life. You may try, of course, but only eighty per cent of women will believe you!* (G. Mikes).

Говоря о гендерных стереотипах нельзя не отметить, что истоки оппозиции *мужское – женское* берут свое начало в древних религиозных и мифических концепциях, без которых невозможно понять истоки культурно-исторической мотивации слов. Согласно мифам женщина принадлежит миру низшему, дьявольскому. Также в соответствии с христианскими традициями все зло происходит от женщин, они связаны с нечистыми силами, поэтому не случайно, что в основе концепта *женщина* лежит мысль о том, что женщины наделены дьявольской хитростью и коварством, способным заставить мужчину сойти с праведного пути. Ср.: *А она с отчаянным упорством изо дня в день доказывала и на сцене, и на экране, и, думаю, в реальной жизни, что она и есть женщина страстная, роковая, непредсказуемая и стержневая. Ее многочисленные влюбленности и романы с мужчинами много моложе себя создали ей славу обольстительницы, чувственной ведьмы, обладающей секретом любовной ворожбы. Зря, что ли, ее сравнивали с булгаковской Маргаритой!* (Ю. Сушко); *Нет, баба, хитрей вашего бабьего рода на этом свете и твари нет! Настоящего ума у вас – ни божье мое, меньше, чем у скворца, зато хитрости бесовской – у-у-у! – спаси, царица небесная!.. Наведьмачила, паучиха!* (А. Чехов); *Ведьма и есть ведьма... Хоть ты и жена мне, хоть и духовного звания, но я о тебе и на духу скажу, какая ты есть...* (А. Чехов).

Особенности гендерной стереотипизации, отраженной в языке, свидетельствуют о ментальности, о месте и роли концептов *мужественности* и *женственности* в нашем сознании.

Ассоциативное направление в исследовании русской ментальности

Н. В. Дмитриук

Международный Казахско-турецкий университет им. А. Ясави (Шымкент, Казахстан)

Этнопсихоллингвистика, менталитет, языковое сознание, картина мира

Аннотация. Феномен ментальности способен проявиться в материалах ассоциативных экспериментов, зафиксированных в словарях ассоциативных норм, отражающих специфическую системность ментальных ценностей.

В настоящее время в языкознании вполне осознана активная, формирующая роль языка в отношении мыслительной деятельности, отчетливо выявлена определенная зависимость мышления (а точнее сказать – языкового сознания) от «духа народа» – от его психологии, ментальности, культуры.

Понятие «менталитет» вошло в отечественную научную парадигму сравнительно недавно, поэтому пока не имеет однозначного определения и характеризуется расплывчатостью. В узком смысле менталитет понимается как устойчивый склад ума, как понятие, близкое к немецкому *Weltanschauung* («мировидение»), что сближает его с понятием *картины мира*.

Темой и содержанием нашего исследования является категория «этноязыковой ментальности». В частности, мы занимаемся исследованием феномена русской ментальности, что имеет свою давнюю историю как разрабатываемая в философской, психологической и публицистической литературе тема специфики русского национального характера, «загадочной русской души», особенностей «русской национальной идеи», русской духовности. Серьезные размышления по этому поводу, диалоги и полемика отражены в обширной литературе, в статьях и полемических заметках русских философов, социологов, лингвистов и культурологов (см. работы Н. Ключевского, Н. Бердяева, М. Волошина, В. Соловьева, В. Розанова, М. Бахтина, о. П. Флоренского, Г. Флоровского, К. Касьяновой, К. Г. Мяло, Н. В. Уфимцевой и др.).

Неисчерпаемые проблемы, связанные с исследованием ментальности этноса, своеобразием его языкового сознания, особенностями национального характера, национальной психологии, способны прояснить результаты массовых ассоциативных экспериментов. Результаты исследований показали, что общность ассоциаций, их типичность и высокочастотность позволяют говорить о существующей общности *коллективного, массового* сознания этноса (хотя и с учетом индивидуальных ассоциаций у отдельных представителей исследуемых языков). Наличие этих общих ассоциативных связей между словами данного языка вытекает из социальной природы языка и обеспечивает адекватность понимания в процессе общения (иначе, если бы у всех носителей языка одно и то же слово ассоциировалось с совершенно разными представлениями, общение между людьми было бы затруднено).

По материалам проведенных свободных ассоциативных экспериментов стали создаваться словари ассоциативных норм разных языков. Весь набор ассоциаций на словостимул стали называть *ассоциативным полем*, а разнообразные отношения между всеми ассоциативными реакциями и стимулом – *ассоциативно-вербальной сетью* (АВС, по Ю. Н. Караулову). Ассоциативные словари моделируют языковое сознание лингвокультурной общности, в них отражается наивная языковая картина мира этноса и представлены черты национального характера. Сопоставление материалов ассоциативных словарей дает уникальные сведения о национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями разных этносов. В ходе исследования оказалось, что анализ ассоциативных материалов открывает реальную возможность выявить специфику *системности образов сознания*, т. е. в определенном смысле выявить, обозначить, определить *систему ментальных ценностей*. Такая система ценностей, наиболее значимых языковых концептов определяется через построение на основе обратных ассоциативных словарей *ядра* язы-

кового сознания (ЯС). Ядром языкового сознания той или иной этнической общности называется условно принятое число (от 10 до 100) наиболее значимых, активно функционирующих в сознании, актуальных в речемыслительной деятельности слов-концептов. Считается, что в ядро языкового сознания входят слова, имеющие наибольшее количество связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети.

В нашей работе русская ментальность исследуется сквозь призму русского языка, в частности – отраженная в образах сознания языковая картина мира, представленная в виде ассоциативно-вербальной сети и ядра языкового сознания русских.

В нашем исследовании мы предприняли попытку сопоставить в диахроническом и синхроническом аспектах образы сознания представителей русского лингвокультурного сообщества, проживающих в разном геополитическом пространстве (в частности, в России и в Казахстане) в разное время, по возможности, с учетом гендерной принадлежности.

Диахроническое сопоставление русской ментальности проводилось на материале русских ассоциативных словарей А. А. Леонтьева [Леонтьев 1977] и Ю. Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь 1994]. Представляется интересным исследовать трансформацию ядра языкового сознания русских в разные исторические периоды. Такая уникальная возможность у нас есть: словарь ассоциативных норм русского языка создавался А. А. Леонтьевым в 1970-е гг., а материалы русского ассоциативного тезауруса (РАС), отражают языковое сознание русских в переломный «перестроечный» период в России – в 1990-е гг.

Ограниченный объем публикации не позволяет нам привести полные сводные таблицы ядра языкового сознания русских в период «развитого социализма» и в эпоху перестройки, но необходимо отметить, что «тональность» восприятия мира и сама языковая картина мира к концу XX столетия у русских весьма помрачнела. Так, из «большого» ядра ЯС русских (100 слов) исчезли такие слова, как *красиво (красивый), надежда, надежный, правильно (правильный), праздник, партия, коммунизм, правда (правдивый), справедливость (справедливый, смысл, цель)*, но появились *деньги* (на 8 месте), *смерть* (на 23 месте), *грязь* (на 44-м), *мужик* (на 50-м), *страх* (на 51-м), *война* (на 73-м); слово *плохо* с 64 поднялось на 4 место, *дурак* с 80 на 9 место, *плохой* с 61 на 23, слово *боль* с 69 поднялось на 59 место, зато *умный* опустилось с 9 на 51 место, *сильный* – с 10 на 54, *счастье, солнце* – с 18 и 28 – на 63 и 64 место. Такие слова-концепты, как *человек, дом, жизнь, большой, любовь, работа* и др., остались примерно на тех же местах в «малом» ядре ЯС (см. [Уфимцева 2000: 44–54]).

Существующие совпадения и расхождения в лексическом составе и семантической структуре ядра ЯС русских периода 70-х и 90-х гг. XX столетия, несомненно, отражают трансформационные динамические процессы в формировании языковой картины мира русского этноса.

Литература

- Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
 Русский ассоциативный словарь – РАС / Под ред. Ю. Н. Караулова и др. М., 1994.
 Уфимцева Н. В. Сознание, слово, культура // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам. М., 2000. С. 44–54.

Представление о теле в русской лингвокультуре

К. В. Завьялова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Тело, ассоциации, культурный код, обряд, сказка

Аннотация. Тело в русской лингвокультуре представлено как объект гастрономического, сексуального и эстетического наслаждения. Кроме того, тело – это объект, подверженный разрушению (болезням, усталости, смерти). Названия современных средств для тела, соотносясь с гастрономическим культурным кодом, сохраняют взаимосвязь со славянскими обрядами, а по предписываемым им функциональным характеристикам они схожи с артефактами из волшебных сказок.

Для русской культуры характерно двойственное отношение человека к телу. «С одной стороны, это своего рода “апофатизм”: тело стремятся сделать незаметным, не привлекающим внимания. В связи с этим налагается запрет на любые “телесные” проявления, визуальные, одористические, акустические и под. С другой стороны, в особых ситуациях возможно привлечение внимания к телу, но в плане самоиронии: рискованные шутки, достаточно откровенные словесные (и не словесные) выражения» [Цивьян 2005: 38].

По данным русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь 2002: 652] наиболее частотными являются три типа ассоциаций со словом «тело»:

1) Тело как эстетический объект, достойный любования: нежное, обнаженное, молодое, мускулистое, стройное, роскошное, красота;

2) Тело как сексуальный объект: теплое, розовое, близость, чувство, желание, похоть, женщина, мужчина;

3) Тело как объект, подверженный разрушению: тяжелое, усталое, разбитое, замерзло, холодное, брэнное, болит, мертвое.

Мы проанализировали названия наиболее популярных средств, предназначенных для ухода за телом, и попытались объяснить их соответствие культурному коду, а также выявить их связь с древнерусскими обычаями, связанными с уходом за телом. В результате анализа мы получили следующие результаты.

1) Средства по уходу за телом, названия которых содержат наименования продуктов питания: сахар, сливки, молоко, морские водоросли, пиво для Синтии, оливковая ветвь, ваниль, коктейль, ванильный шейк, овсянка, любовный салат, голландский сыр, вишневый пай, миндальный пудинг, лимонадный крем, апельсин в шоколаде, миндально-кокосовые сливки, сочные фрукты, медовое лакомство, медовая вафля, зефир, манго, конфетка, сливочная карамель.

Преобладание названий сладких продуктов связано с тем, что в русском лингвокультурном сообществе «сладкий» воспринимается как наиболее положительный признак. «Как и его окказиональные синонимы “сахарный”, “медовый”, сладкий выступает как самая позитивная оценка всякого рода пищи» [Кабакова 2005: 67].

Использование в названиях слов «молоко», «мед» и производных от них активизирует положительные коннотации, связанные с гастрономическим кодом культуры, «в котором продукты питания несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [Большой фразеологический словарь... 2005: 466]. В русской лингвокультуре с молоком связано представление о достатке и благополучии. «Мед» и «молоко» также восходят к образу райской страны с медовыми / молочными реками и кисельными берегами.

«Мед», «молоко» и «сахар» использовались славянами для специальных ритуалов – для обрабатывания тела младенца: посыпания его сахаром, обмывания парным молоком и купания в воде с медом, чтобы ребенок рос красивым и всеми любимым [Кабакова 2001].

2) Средства по уходу за телом, названия которых апеллируют к эротической и сексуальной сферам: розовые объятия, нежное прикосновение, страсть, желе желаний, тропический рай, соблазн, лоби себя, свадьба, медовый месяц,

удовольствие, наслаждение, шелковое белье, обнаженная леда, марокканский массаж, французский поцелуй, миндальный поцелуй, шоколадный поцелуй, секс-бомба, секс в душе.

Данные названия соотносятся с представлением о теле как о сексуальном объекте и как предмете красоты и любования. Основное предназначение данных средств – погрузить человека в мир неги и блаженства.

Частое использование слова «поцелуй» (шоколадный, миндальный, французский) восходит к словосочетанию «сладкий поцелуй»: «...и женские и мужские уста иначе как сахарными в фольклоре, да и не только в фольклоре, не называются» [Кабакова 2005: 70].

В названиях «медовый месяц», «желе желаний», «шоколадный поцелуй», «миндальный поцелуй» эротические и вкусовые ощущения образуют единое целое.

3) Средства по уходу за телом, названия которых апеллируют к физическим метаморфозам: юная кожа, реинкарнация, магия, реабилитация, эликсир, воскрешение, живая вода.

По функциональным характеристикам названия восходят к артефактам из волшебных сказок, помогающим герою вернуть себе молодость, здоровье, красоту или получить дополнительную силу (молодильные яблоки, живая и мертвая вода, молоко, мази животного и растительного происхождения).

4) Средства по уходу за телом, восстанавливающие физические силы, обладающие успокаивающим действием: победы бурю, не волнуйся, золотые сны, сладкие сны, колыбельная, баю-бай.

Данные названия соотносятся с представлением о теле как об объекте, подверженном разрушению. Основное назначение данных средств – расслабление и восстановление тела с помощью сна. В волшебных сказках «состояние сна, как и состояние смерти, наступает в результате применения специальных операторов: сонного зелья, булавки, заговоренного яблока, его наводит Кот-Баюн, волшебные гусли» [Новик 1975: 214].

Таким образом, названия современных средств для тела, соотносясь с гастрономическим культурным кодом, сохраняют взаимосвязь со славянскими обрядами, а по предписываемым им функциональным характеристикам они схожи с артефактами из волшебных сказок.

Проведенный анализ показал, что тело в русской лингвокультуре представлено как брэнный объект, подверженный разрушению (болезням, усталости, смерти), и как объект гастрономического, сексуального и эстетического наслаждения.

Литература

- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.
- Кабакова Г. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002.
- Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975.
- Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.
- Тело в русской культуре: Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М., 2005.

Что такое *хорошо* и что такое *плохо* в языковом сознании молодежи Латгалии (на материале ассоциативного эксперимента)

Э. С. Исаева

Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)

Языковое сознание, ассоциативный эксперимент

Свободный ассоциативный эксперимент давно известен и широко используется в лингвистике. Нами проводился сво-

бодный эксперимент с целью выявления специфики содержания ассоциативного поля слов-стимулов *хороший*, *плохой*

в языковом сознании определенной группы социума. В эксперименте принимала участие молодежь Латгалии – учащиеся общеобразовательных средних школ, гимназий и лицеев, а также студенты I и II курсов высших учебных заведений города Даугавпилса. Для 424 участников эксперимента (262 женщины и 162 мужчины) русский язык является родным, возраст испытуемых – 18–23. В процессе эксперимента респондентам было предложено 2 слова-стимула *хороший, плохой*, на которые они должны были реагировать любой словесной реакцией. Испытуемым предлагалось записать первую пришедшую им в голову реакцию (слово, словосочетание) на слово-стимул. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциации, в том числе и единичные. Было получено около 868 ассоциативных реакций русских респондентов. Из всех наименований было смоделировано ассоциативное поле слов-стимулов *хороший, плохой* в языковом сознании молодежи.

На основании проведенного эксперимента и анализа ассоциативного поля были сделаны следующие выводы.

1. Параметрическая линия различий представлена в языковом сознании респондентов антонимической цепочкой. Шкала оценочных признаков четко прослеживается в значениях общеоценочных адъективных, адвербиальных, фразеологических синонимов:

хороший → неплохой – добрый – лучший – отличный → нормальный ← отвратительный – худший – злой – нехороший ← **плохой**

2. Интенсивность и экспрессивная окрашенность реакций в ассоциативном поле свидетельствует о высокой актуальности соответствующих слов-стимулов в языковом сознании изучаемой социальной группы:

- **хороший**: спаситель, ангел, лапочка, чистый, чудный, классный,
- **плохой**: враг, лживый, болото, гадость, ничтожный, мерзкий.

3. В процессе развития языкового сознания индивидуальный опыт освоения мира соотносим с процессами усвоения социальных установок и ценностей. В первую очередь мо-

лодежь оценивает явления действительности, имеющие непосредственное к ней отношение. Во вторую очередь актуализируются связи с культурно-социальными установками. Данные ассоциативного эксперимента указывают на освоенность, но невысокую актуализированность социальных и общественных норм у молодежи.

4. Оценочные стимулы *хороший, плохой* активизируют в сознании молодых людей круг понятий и явлений, входящих в сферу повседневного существования. Но анализ слов-реакций в ассоциативных полях позволяет выявить оценочные характеристики, которые охватывают сферу их морально-эмоциональной деятельности, область внешних явлений действительности, а также сферу взаимодействия с социумом.

5. Положительная оценка слов-стимулов *хороший, плохой* значительно менее разнообразна и менее актуализирована, чем негативная.

6. Слова-стимулы *хороший, плохой* обнаруживают связь

- с количественной оценкой: *плохой* оценивается как 'маленький, недостаточный, маленькие глазки', а *хороший* как 'большой, огромный, солидный' и т. п.

- с качественной оценкой: *хороший* – заботливый, приятный, благородный, ласковый, нежный, чистый, ценный; *плохой* – чужой, дерзкий, жестокий, безобразный, низкий, лживый, скользкий, вредный и т. п.

7. По данным анализа слов-реакций линии конкретизации слов-стимулов частично совпадают по направлениям аспектуализации основного значения лексем:

- а) (не) отвечающий требованиям функционирования системы: хороший / плохой слух (зрение);
- б) (не) отвечающий требованиям профессиональной пригодности: хороший / плохой работник (учитель, ученик);
- в) (не) отвечающий требованиям морали: хороший / плохой человек (друг, поступок, мальчик, сосед);
- г) (не) приятный: хорошие / плохие вести (тишина, запах);
- д) (не) отвечающий требованиям в количественном отношении: хороший / плохой заработок;
- е) (не) отвечающий требованиям в качественном отношении: хорошая / плохая жизнь (обед, здоровье, сон, отдых).

Глагольная деривация в русле русской и японской языковых картин мира

Ю. Канэко

Университет Иватэ (Мориока, Япония)

ЯКМ, семантическая доминанта, глагольная деривация

Аннотация. В работе с функционально-семантической точки зрения на ономаσιологический аспект словообразования проводится сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира русского и японского языков, связанных с выражением сложных понятий глагольного действия. Особое внимание при этом обращается на поведение «семантической доминанты» каждого языка в сфере внутриглагольного словообразования.

В последние годы активно изучаются славянские языковые картины мира (ЯКМ) на фоне других, чаще всего западноевропейских языков. При этом в работах по ЯКМ рассматривается в большинстве случаев конкретный лексический состав исследуемого языка, хотя уже не раз отмечено, что предметом анализа ЯКМ могут служить и грамматические конструкции, и словообразовательные компоненты [Роль словообразования... 1988], [Wierzbicka 1992]. Последние, как отмечалось у Е. С. Кубряковой, создавая особые ономаσιологические категории, обретая семантическую насыщенность и прозрачность, прагматическую значимость, служат важными «координатами» в ЯКМ, изучение чего поможет нам конкретно видеть влияние языка и ЯКМ на творческую деятельность человека в сфере познания и преобразования мира [Кубрякова 1988: 171–172].

ЯКМ ярко репрезентируется в виде типичных для языкового сознания данного этноса «фундаментальных идей» (А. Вежицкая), «ключевых концептов» (А. Д. Шмелев и др.), «семантических доминант» (Е. В. Падучева), которые имеют особую значимость на разных уровнях этого языка, т. е. обладают некой системностью в данном языке в целом. Подобная «доминирующая семантика» имеет ряд характеристик, в частности: а) высокую степень «разработанности» данной семантической сферы в языке; б) высокую частотность употребления этих смыслов в данном языке; в) меньшую степень интенциональности их выражения в речи; г) проблему их непереводаемости на другие языки, в кото-

рых релевантная семантика не имеет такой же значимости, как в исходном языке. Следовательно, если в языке та или иная семантика (шире – семантическая сфера) считается «кандидатом» на такой особый статус, то можно проверить ее достижимость с помощью названных выше характеристик.

В результате исследований пришли к выводу [Канэко 2005], что в функционально-семантической категории аспектуальности русского языка концепт «ПРЕДЕЛ» можно считать своего рода семантической доминантой, тогда как в японском языке важную роль играет идея «СТАБИЛЬНОСТИ» ситуации. Итак, продолжая наше исследование, мы предполагаем, что и во внутриглагольных словообразовательных системах сопоставляемых нами языков можно бы также обнаружить «доминантность» семантической сферы «ПРЕДЕЛ» в русском языке в сравнении с японским языком. Надо сразу отметить, что в русском языке разбита внутриглагольная аффиксация, тогда как производные глаголы японского языка образуются путем сложения двух простых глаголов. Однако, несмотря на различие в словообразовательных способах, дериваты обоих языков в функционально-семантических отношениях значительно чаще соотвечают друг другу.

В результате текущего анализа, по нашему предположению, ожидаются конкретные следующие феномены.

1) В русском языке сложные понятия глагольного действия разрабатываются, дифференцируя разные его «моменты» в его протекании во времени (например: начало, конец,

момент перемены и т. д.). В японском же языке, наоборот, для сложных глаголов характерна семантическая разработка в сфере процессуального значения (например: *наки-сакэбу* 'рыдать', букв. плакать + кричать; *номи-аружу* 'пить по разным местам', букв. пить + ходить).

2) В русском языке преобладают словообразовательные форманты, дифференцирующие пределы действия, а не процесс. В японском языке – больше формант, дифференцирующих процесс действия, а не его предел.

3) Когда глагольный дериват в русском языке существует как одновидовой, то он в большинстве случаев совершенного вида (СВ), который грамматически обеспечивает семантику предела (например: фазовые дериваты). Когда дериват существует как видовая пара, то в актуальном значении употребляется чаще всего дериват СВ.

4) Производные глаголы в русском языке нередко употребляются вместе с обстоятельством, которое подробно описывает состояние актанга в момент достигнутого предела действия. К тому же такие обстоятельства в сравнении с японским языком отличаются разными языковыми способами и выразительностью содержания, другими словами, хорошо разработаны.

5) В переводческой практике обнаруживается тенденция к интерпретации состояния или процесса, описываемого в оригинале художественной литературы, как предела действия в ее русском переводе.

По поводу соотношений между словообразовательными формантами и видовой характеристикой в русском языке всем известно, что подавляющее большинство префиксов перфективизирует исходный глагол НСВ, модифицируя простое, начальное действие дополнительным лексическим значением. Префиксальные глаголы с пространственным значением существуют как видовые пары и употребляются в актуальном значении (*Дети вошли / входят в зал; Нина нарисовала / нарисовывает глаза; Мальчик подклеил / подклеивает страницу бумагой*). Многие дериваты со значением интенсивности, однако, уже содержат в себе семантику «состояние достигнутого предела», их нельзя употребить в актуальном значении (**Мама [сейчас] заговаривается; *Бабушка, ты пережариваешь рыбу!*).

Литература

- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей. М., 2005.
 Канэко Ю. Начинательность в системе аспектуальных значений в русском языке в сравнении с японским языком. Опыт сопоставительного анализа языковых картин мира: Кандидатская диссертация. Токийский гос. ун-т., 2005.
 Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
 Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постолова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
 Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford, 1992.

Проявление особенностей русского языкового мышления при интерпретации текста (на материале экспериментальных данных)

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Взаимодетерминированность языка и языкового мышления, русское языковое мышление, типы языковой личности, вариативность интерпретации текста

Аннотация. В докладе доказывается положение о том, что доминантные свойства языка и доминантный тип русского языкового мышления находятся в отношениях взаимодетерминации и проявляются в процессе интерпретации текста.

Языковое мышление имеет разные формы своего бытия и способы проявления, варьирование которых имеет как наднациональный, так и национальный характер, отражающий, с одной стороны, специфику национального языка, а с другой – доминантные характеристики языковой личности.

В философских и лингвистических работах осмысление особенностей русского языкового мышления, в том числе обыденного метаязыкового и лингвистического, осуществляется через установление его детерминированности природно-историческими [Бердяев 1990], социокультурными условиями существования народа [Вежбицкая 1996]; [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]; [Колесов 2004]; [Сепир 1993], а также взаимодетерминированности языка и языкового мышления [Зубкова 2006]. Доминантные свойства языка, проявляющиеся на разных участках его организации и функционирования, коррелятивны доминантным типам языковой личности в сфере языкового, метаязыкового и лингвистического мышления, проявляющимся на шкале «чувственно-интуитивное – рационально-логическое», «целостное – дробно-аналитическое», «авторитарное – узуальное» и сложным образом взаимодействующим, тяготея при этом к первому из названных полюсов [Голев 2006].

Все сказанное имеет прямое и непосредственное отношение и к речевым произведениям как результату ментально-креативной деятельности, осуществляемой языковой личностью посредством использования языковых единиц и языкового строя в целом.

Речевое произведение потенциально имеет множество смыслов, которые реализуются при его функционировании в коммуникативном процессе, т. е. каждое языковое выражение обладает потенциалом его полиинтерпретативного функционирования. Процесс смысловой реализации осуществляется на этапе встречной мыслительной деятельности адресата-интерпретатора, которая по своей природе есть не столько рецепция, т. е. механическое обратное действие декодирования замысла автора, сколько креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста. Процедура реализации смысла и как ее результат – вариативность содержа-

тельных диктумно-модусных характеристик речевого произведения в целом и высказывания в частности – обусловлена сложным взаимодействием инвариантных и вариативных лингвокогнитивных моделей в процессе рецептивно-интерпретационной деятельности: и типом языкового мышления адресата (национально-языковой фактор), и его личностно-индивидуальными особенностями (языко-личностный, или лингвоперсонологический фактор).

Задача нашего исследования состоит в подтверждении гипотезы о том, что при восприятии (семантизации) текста разные типы субъектов-интерпретаторов проявляют склонность к реализации холистического (целостного) или элементаристского (дробно-аналитического), чувственно-интуитивного или рационально-логического принципа, подчиняются авторитарному или узуальному характеру восприятия содержания, отражая тем самым доминантные характеристики русского языка в целом.

Верификация этой гипотезы осуществляется методом лингвистического эксперимента, сущность которого заключается в том, что испытуемому предлагается прочитать текст и ответить на вопрос: «Что хотел сказать автор объявления?» Материалом для эксперимента является следующий рекламный текст: *Курс «Английский одним прыжком льва» (Lion Leap English). Хотите овладеть английским языком профессионально и быстро?! Всего 12 занятий! Подготовлена английской речи с необходимым набором всей оперативной грамматики и лексики. Занятия обеспечивают изучающим уровень – upper intermediate, что соответствует 3-му курсу языкового вуза. Подробная информация по телефону: 8-926-833-4748.*

Целостность и членимость текста, его диктумно-модусное содержание, лексический и грамматический строй, письменная форма функционирования объективно предполагают по крайней мере две разнонаправленные стратегии восприятия его смыслового содержания, соответствующие двум традиционно существующим психокогнитивным моделям рецептивного речевого поведения: языкового доверия (*Все, что напечатано, истинно*) и языкового скепсиса (*Не верь написанному*). Причем разновекторность этих мо-

делей не исключает, а зачастую предполагает их сложное пересечение.

Как показывают результаты эксперимента, обе модели рецептивного речевого поведения реализуются в процессе интерпретации содержания исходного текста. Если ориентироваться только на количественные данные, то преобладает теоретический рецептивный скепсис, воплощенный в элементаристском, авторитарном, эмоционально-чувственном подходе. При этом практическое рецептивное поведение часто противоречит «теоретической программе», свидетельствуя о диалектичности русского языкового сознания. Это проявляется, например, в таком восприятии, как *Автор хотел привлечь внимание людей, которые не знают, что за 12 занятий выучить английский на уровне профессионализма невозможно. Хотя я лично из-за интереса туда бы сходила*. Т. е. осознаваемый, рефлексированный рецептивный скепсис взаимодействует с интуитивным нерефлексированным рецептивным доверием. Если же учесть качественные

показатели (уровень развития языковой личности), то следует говорить о доминировании принципа языкового доверия, воплощаемого в реализации холистического рационально-логического узуального подхода.

Литература

- Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 Голев Н. Д. Лингвоперсоналогическая гипотеза языка // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 20–28.
 Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
 Зубкова Л. Г. Языковое и лингвистическое мышление // Антропoтекст-1. Томск, 2006. С. 154–174.
 Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Растительный код традиционной культуры (этнолингвистический и лингвогеографический аспект)

В. Б. Колосова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Этноботаника, фитонимика, мотивировочные признаки, принципы номинации

Аннотация. В докладе рассматриваются признаки растений, которые послужили основой для их номинации в разных славянских языках. Эти же признаки становятся основанием для связи растений с теми или иными персонажами библейской мифологии. Кроме того, прослеживаются связи между названиями растений, фольклорными текстами о них и использованием этих растений в календарных обрядах, народной магии, медицине.

В докладе растительный код традиционной культуры рассматривается в рамках этноботаники (как раздела этнолингвистики) и включает в себя народную фитонимику, фольклорные тексты о растениях и их использование в обрядах, народной магии и медицине. В качестве причины, лежащей в основе символизации растения и формирования его семиотического статуса, рассматриваются объективные признаки растений: их цвет, запах, вкус, место произрастания, форма отдельных органов и т. д. Эти признаки служат основанием для метафорических названий растений, для этиологических легенд об их происхождении, а также для поверий об их связи с теми или иными мифологическими персонажами.

Так, цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus* L.), растущий вдоль дорог, получил польское диалектное название *podorożnik*; в то же время место обитания обусловило его использование в лечебной магии: на Покутье его отваром обмывали изуроченного человека, выливая затем жидкость на дорогу [Paluch 1989: 65]. В чешской традиции этот locus породил целый комплекс поверий и обусловленных ими магических действий. Оттого что цикорий растет возле дорог, как бы ожидая кого-то, происходит народное название *čekanka* – от чеш. *čekat* ‘ждать’. С ним связана легенда о девушке по имени Чеканка, которая «убивает себя в отчаянии на могиле своего возлюбленного», а после смерти превращается в растение цикорий, получившее ее имя [Софрий 1990: 41]. Поэтому цикорию приписывалась способность привлекать любовь: считалось, что цикорий, выкопанный в Великую пятницу или в день св. Петра, вызывает любовь у того, кто его коснется. Чешские девушки рвали его «на счастье в любви», произнося особый приговор, а потом сорванный цветок клали за пазуху. Если от тепла тела он расцветал, девушка надеялась на свое счастье [Sobotka 1879: 252–253].

Цвет лепестков цикория обусловил белорусский фитоним *сукенка Маці Боскай* и связанное с этим фитонимом предание: «...цветки такого небесного цвета появились тогда, когда по каменной дороге шла богородица и подол ее голубого платья цеплялся за придорожные растения, после чего они расцвели цветами того же цвета, что и платье» [Салавей, в печати]. С этим же растением связан мотив хождения Христа по земле; св. Петр отгонял детей от Христа стеблем цикория, говоря: «Геть з дороги, а то покуштуете мого батизжа!», а потом бросил его на землю. Мальчики подняли его и назвали Петровым батоном. «А так как цветы этого растения напоминают по своей форме кисточку, то и пастушки стали с тех пор украшать свои кнуты махорка-

ми (кисточками) из кожи». Кроме того, ему приписывается и способность охранять поля от вредителей: «Св. Петр, идя по полям, хлещет бурьянкой – тогда жучки и мушки улетают и не смеют портить хлеба; где он кинет стебель, там он и принимается; и где он растет – насекомые не портят хлеба» [П. И. 1891: 113–114]. В сжатом виде эти легенды отразились в фитонимах укр. *непрів батіг, непріві батогі* [Анненков 1876: 97].

Для первоцвета (*Primula* L.) в первую очередь отмечено раннее появление, отразившееся в русских, украинских, польских фитонимах. Восприятие первоцвета как весеннего цветка отразилось в украинской юрьевской обрядности, а также во фразеологии: выражение «топчу ряст; дай Боже топтаты и того году дождагы» – пожелание дожить до следующей весны; пословица «вже йому рясту не топтаты» относится к безнадежным больным [Маркевич 1860: 6–7]. Форма соцветия – кисть желтых цветков, напоминающая связку ключей, – обусловила названия бел. *Святога Пятра ключыкі* [Раслінны свет 2001: 162], чеш. *petrklič, Petrův klíč*, пол. *klucze ś. Piotra*, луж. *klucze pětř zoty*, связывающие первоцвет с именем св. Петра, – это ключи, которыми он открывает весну [Анненков 1876: 273]; [Sobotka 1879: 273].

Подорожник (*Plantago* L.), обычно растущий вдоль дорог, получил диалектные названия, образованные от корней *дорог- / дорож-, пут-, троп-* [Алешина, Вендина 2007: 540–541]. Отсюда, вероятно, возникла уверенность и в его способности помогать путникам: «Натри ноги подорожником и никогда не устанешь, ходя пешком» [Терещенко 1848 (5): 93], или: «А кто пойдет в путь, возьми ее с собой; какая болезнь в пути учинится, пить с водою – поможет; того ради сльвет Попутник» [Самолечение... 1884 (№ 46): 441]. Множество продольных жилок также обусловили целую группу соответствующих названий, например *семижилник*, и представление о воздействии растения на человека: «Если семижилник пить, будешь сильным – семижилным» [Коновалова 2000: 181]. Наиболее разнообразны подобные фитонимы в болгарских диалектах, например: *жилавец, жиловляк, пятажилли*, а также целая группа фитонимов, связанных с лексикой прядения и тканья [Героу 1975–1978, 1: 83; 4: 27; 5: 400]; [Ахтаров 1939: 239–241].

Поскольку почти повсеместно в народной медицине листья подорожника прикладывают к ранам, возникли фитонимы *ранник, опорез-трава* [Алешина, Вендина 2007: 544], укр. *поранник, поризник* [Анненков 1876: 259] и др. Применение для остановки кровотечения обусловило названия *кровавик, кровехлѣб, кровопой* [Алешина, Вендина 2007: 544].

В разных славяноязычных ареалах семиотизируются разные характерные особенности растений. Так, для подорожника мотивировочный признак «произрастание вдоль дорог» реализуется с наибольшим разнообразием корней в русских говорах, в то время как в болгарских диалектах широко отражено наличие жилок, а в сербских – форма листьев. Все славяне широко используют подорожник при лечении целого ряда заболеваний, однако в южнославянской фитонимике это обстоятельство не отразилось, в отличие от других групп, особенно восточнославянской.

Литература

- Алѣшина Л. М., Вендина Т. И. Карта № 2 ЛСЛ 145 Подорожник // Лексический атлас русских народных говоров. Ч. 2. СПб., 2007. С. 539–549.
- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1876.
- Ахтаров Б. Материалы за български ботаничен речник. София, 1939.
- Геров Н. Речник на българския език. Ч. 1–6. София, 1975–1978.
- Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Маркевич Н. А. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.
- П. И[ванов]. Из области малорусских народных легенд // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 110–132.
- Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Минск, 2001.
- Салавей Л. Сукенка Маці Боскай // Беларуская міфалогія. Выд. 3 (в печати).
- Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 40. С. 385–386; № 41. С. 395–396; № 42. С. 405–406; № 43. С. 414–415; № 44. С. 423–424; № 45. С. 430–431; № 46. С. 441–442.
- Софрућ П. Главније билье у народном веровању и предању код нас Срба. Београд, 1990.
- Тереценко А. И. Быт русского народа. Ч. 5. Простонародные обряды. СПб., 1848.
- Paluch A. «Zerwij ziele z dziewięciu miedz...» Ziołolecznictwo ludowe w Polsce w XIX i początku XX wieku. Wrocław, 1989.
- Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice // Novočeská bibliothéka. Číslo XXII. Praha, 1879.

Концепт «служение» и средства его выражения в русской языковой картине мира*

М. Н. Коннова

Российский государственный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Когнитивная лингвистика, история, концепт, служение

Аннотация. Рассматриваются исторические особенности формирования и лексические средства выражения концепта «служение» в традиционной русской картине мира.

Языковая картина мира является выражением познавательной деятельности народа, «компрессией общественного опыта»; ее специфика обусловлена историческими, географическими, культурными факторами объективного мира [Вендина 1998: 22], и целостное ее изучение возможно лишь в рамках междисциплинарного подхода, при тесном взаимодействии филологии и истории культуры. Целью настоящего доклада является исследование одного из ключевых концептов традиционной русской картины мира – концепта «служение» – на примере текстов, связанных с именем великого русского флотоводца, ныне прославленного и в лике святых – адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Традиционное для русской картины мира понимание сущности воинского служения наиболее ярко выражено в тексте воинской присяги, которую в 1766 г., после окончания Морского корпуса, принимал мичман Федор Ушаков. Составленная императором Петром I, присяга была неизменной до 1917 г.

Структура присяги, начинающейся и оканчивающейся призыванием имени Божьего, свидетельствует, что основой воинского служения в России всегда была вера: «Аз, Федор Ушаков, обещаюсь и клянусь *Всемогущим Богом*, пред *Святым Его Евангелием*... В чем да поможет мне *Господь Бог Всемогущий*. В заключение же сей моей клятвы целую *слова и Крест Спасителя* моего. Аминь».

Анализ текста присяги позволил выявить ключевые характеристики концепта «служение»: а) **‘верность’**: «Я... обещаюсь и клянусь *Всемогущим Богом*, пред *Святым Его Евангелием*, в том, что хочу и должен *Его Императорскому Величеству... верно и нелицемерно служить*»; б) **‘самопожертвование’**: «*служить не щадя живота своего, до последней капли крови*, и все к высокому *Его Императорского Величества Самодержавству*, силе и власти принадлежащая права и преимуществ... по *крайнему разумению, силе и возможности*, исполнять»; в) **‘честность’**: «*все по совести своей исправлять* и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды *против службы и присяги не поступать*»; г) **‘постоянство’**: «*Его Императорского Величества государства* и земель *Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах* и в прочих воинских случаях, храброе и сильное чинить сопротивление и *во всем стараться споспешествовать*, что в *Его Императорского Величества верной службе* и пользе государственной всяких случаях касаться может... От команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, *никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, сле-*

довать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит».

В служении адмирала Ф. Ф. Ушакова выделенные характеристики выразились во всей своей полноте, подтверждением чему явилось глубокое всенародное почитание на протяжении почти двух веков и прославление в лике святых Русской Православной Церковью в 2001 г.: «Феодор Ушаков... был выдающимся государственным деятелем. Вся его жизнь была отдана России. Он преданно служил благу своего народа, державному достоинству своей Родины. И вместе с тем он всегда оставался *человеком глубокой веры во Христа Спасителя*, строго приверженным православным нравственным началам, человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви. Именно это *гармоничное сочетание личной праведности и ревностного общественного служения* и стало главным побуждением к прославлению Федора Ушакова Церковью Христовой» (Патриарх Алексий II).

Сопоставление текста тропаря святому воину Феодору Непобедимому с высказываниями наших современников, участвовавших в торжествах прославления, – адмиралов флотов и православных церковных иерархов – позволило выявить следующие когнитивные характеристики концепта «служение» (материалы приводятся по книге [Архистратиг... 2006]:

а) **‘мужество’**: «*Державе Российской архистратиг непобедимый явился еси, агарянскую злобу ни во что же вменив и разорив*» (фрагмент тропаря святому); «...Черноморский флот под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова продемонстрировал лучшие боевые качества российских моряков – *беззаветную отвагу, любовь к Отечеству, товарищество и взаимовыручку, умение решительно и искусно бить врага*...» (Главнокомандующий ВМФ России адмирал В. Масорин);

б) **‘бескорыстное милосердие’**: «...*ни славы мирския, ни же богатства взыскаю, но Богу и ближнему послужил еси*» (фрагмент тропаря); «Реформатор Российского флота, он постоянно заботился о людях, помогая обездоленным и страждущим питанием, одеждой, деньгами. Его *христианская натура* проявилась в общении с подчиненными и сослуживцами. Моряки почитали его, как родного отца, и знали: где Ушаков – там победа» (Начальник Главного штаба ВМФ России адмирал В. Кравченко);

в) **‘вечная слава’** – адмирал Ушаков, не искавший земной славы, приобрел славу вечную, став первым флотоводцем, причисленным к лику святых: «...*Основоположник новой маневренной тактики парусного флота* Федор Фео-

дорович Ушаков стал *непобедимым флотоводцем*, одержав *славные победы* в морских сражениях... В настоящее время российские моряки *свято чтут и хранят традиции флота, заложенные святым праведным адмиралом Ф. Ф. Ушаковым*. На каждом из флотов и на Каспийской флотилии есть иконы с частицей святых мощей нашего адмирала» (Главнокомандующий ВМФ России адмирал В. Масорин).

Настоящее исследование текста показало, что ключевыми характеристиками концепта «служение» в традиционной русской картине мира являются вера в Бога и верность

Отечеству, проявляющиеся в самопожертвовании, беззаветной отваге, милосердию к ближним, честности и постоянстве. Именно эти качества составляют основу современных традиций Российского флота и залог ее вечной славы России.

Литература

Архистратиг державы Российской. 2-е изд., доп. Саранск, 2006.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Расширение номинативного поля концепта (на материале русскоязычных газетных текстов Украины)

И. Н. Кошман

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Вариативность, концепт, номинативное поле, украинское вкрапление

Аннотация. На материале печатных СМИ Украины рассматривается расширение номинативного поля концепта. Отмечается, что этот процесс свидетельствует о наличии специфических особенностей в концептосфере носителей неисконного варианта русского языка.

1. Э. Сепиру принадлежит наблюдение, что «языки могут распространяться далеко за пределы своей первоначальной родины, захватывая территории новых рас и новых культурных зон» [Сепир 1993: 186]. Отправной точкой рассуждений является представление о том, что современный русский язык можно представить как некоторую совокупность форм существования языка, функционирующих не только в метрополии, но и за ее пределами. Ю. Н. Караулов выделяет в числе языковых вариантов, составляющих «русский язык современности», неисконную русскую речь – русскую речь в странах СНГ [Караулов 1991: 9]. Разнообразное национальное окружение и специфическая языковая ситуация в каждой из стран обуславливают разнообразие неметропольных вариантов русского языка. Признание вариативности русского языка принципиально важно не только для выявления лексико-семантических, грамматических и функционально-стилистических особенностей каждого из вариантов – на фоне, прежде всего, современного русского литературного языка, но и для описания концептосфер разных – исконного и неисконных – вариантов.

2. Современная русская речь Украины может рассматриваться в качестве одного из неметропольных вариантов русского языка. Одним из ярких показателей этого варианта является введение в тексты украинских вкраплений разных типов. Этот процесс обусловлен, прежде всего, государственным статусом украинского языка и существенным расширением сферы его функционирования в последние десятилетия – активным использованием в официально-деловой сфере, изучением в учебных заведениях разных типов и заметной активизацией в средствах массовой информации.

3. Тематические группы украинских конструкций, вводимых в русские тексты, разнообразны. Это наименования собственных исторических реалий (*боротьбист, злука, Руїна*), актуальные номинации – ключевые слова (*громада, Майдан, мова, західняк*), лексические единицы, обозначающие аутентичные национальные реалии (*ватра, витинанка, кептар*), «осколки» бюрократического языка (*дозвіл, подання, указівка*) и прецедентные единицы разных типов (*Каменярь, Кайдаш; у своїй хаті – своя правда; хіба ревуть воли, як ясла повні*).

4. Принципиально важно в данном случае положение о том, что «концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации» [Попова, Стернин 2007: 66]. Активное функционирование украинских единиц в русских текстах СМИ приводит к тому, что список единиц, вербализирующих концепт, увеличивается, – расширяется номинативное поле концепта. Например, наряду с вербализирующими концепт «руководитель» русскими лексемами *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо*, власть и имущество и т. д. [Попова, Стернин 2007: 68] в русских текстах СМИ Украины в качестве номинаций используются также украинские вкрапления: *Тогда любой сельский «вийти» или мэр любого*

городка присутствовал на празднике, что было само собой разумеющимся (Г 2007. № 8); *Бесперспективность постоянного многолетнего раздвоя многочисленных «гетманов» и «гетманчиков» понятна уже практически всем, кто из последних сил все еще интересуется партийной жизнью политического «истеблишмента»* (Г 2006. № 39); *Пусть люди изберут другого голову, способного работать* (ЗН 2007. № 39); *Вот я – словно кошевой у запорожцев, которого могут избрать, а могут переизбрать, и у него полномочия только на решительные действия в момент боя* (ЗН 2008. № 25); *А вы никогда не задумывались, почему многочисленные указы, постановления, законы, подготовленные и подписанные нашими «очільниками», зачастую не просто не выполняются, но и тут же отменяются, дополняются, корректируются и т. п.?* (УЦ 2007. № 18); *И восстанавливать страну после всего того, что натворили наши депутаты и «урядовці», будем мы – простые украинцы* (К 2007. № 4); *«Поскольку было сказано, что все старые «посадовці» должны уйти, я как честный человек написал заявление», – признался он в разговоре с одним из наших коллег* (ЗН 2005. № 18); *Мы раньше не видели, чтобы «керивник» так работал* (Б 2002. № 45); *Но до рационального и наиболее эффективного использования исторической памяти украинского народа нашим «керманичам» еще ой как далеко* (К 2008. № 2); *Проблема в том, что у «бело-голубых» «можновладців» Луганщины нет ни ресурсов, ни, главное, желания создавать медийные проекты* (М 2007. № 23).

5. Номинативное поле концепта «руководитель», «воссоздаваемое» на материале русских текстов Украины, позволяет выявить специфические черты, присущие всем базовым структурным компонентам концепта. В частности, единицы *війт, гетьман, голова, кошевой* – не только маркеры украинской национальной специфики: они вносят существенные изменения в формирование образного компонента концепта. Эти же единицы обуславливают появление в интерпретационном поле концепта идеи о выборности руководителей, что в свою очередь формирует представление о непостоянстве власти, зыбкости положения и, как следствие, постоянном соперничестве. Эти признаки находят подтверждение в паремиях: *Если украинцы будут и дальние мыслить категориями «дві булави – три гетьмани», велика вероятность того, что украинскую молочную отрасль монополизуют иностранные компании* (Б 2007. № 42); *Причину же напряженности в политикуме Владимир Литвин обрисовал афоризмом: «Проблема в том, что у нас только одна должность Президента и только одна должность премьер-министра». Где два украинца – три гетмана?* (М 2008. № 13).

Использование украинских единиц *високопосадовець, керівник, керманич, кошевой, можновладець, очільник, посадовець, урядовець* преимущественно как номинаций с отчетливо выраженной экспрессивностью – как средства выражения негативной оценки – вносит свой вклад в формирование оценочной зоны концепта «руководитель».

6. Таким образом, расширение номинативного поля концепта, видимо, является показателем того, что концептосфера неметропольного варианта обладает существенным своеобразием. Иноязычные вкрапления, «расширяющие» номинативное поле концепта, маркируют специфические признаки, принадлежащие разным структурным компонентам концепта.

Литература

- Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Сенир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Пожеланията и клетвите като част от националната самобитност и култура

Л. Крумова-Цветкова

Българска Академия наук (София, България)

Пожелание, клетва, добро, зло, наказание

Анотация. В этом исследовании рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте пожелания и клятвы как часть языкового богатства народа, в которых воплощается представление и концептуализация о понятиях добро и зло. Они исследуются на базе двух дискурсивных реализациях – фольклорной и бытовой. Делается семантико-функциональный и структурный анализ пожеланиям и клятвам в болгарском языке с некоторым сопоставлением с русским и польским.

Глобализацията в съвременния свят несъмнено води до тесни връзки между езиците, до увеличаване на интернационалната лексика, до еднаквяване на процесите в езика. Всеки един език обаче, като важен елемент на съответната националност, трябва да запази своята самобитност, своя национален характер. Част от езиковото богатство на един народ са пожеланията (благословиите, честитаянията, поздравите) и клетвите, по-голямата част от които са съставна част от фолклорното наследство. В тях е възпелена народностната представа за понятията **добро** и **зло**, те представят народностната им концептуализация, отразяват народопсихологията, носят част от националната култура и мировъзрение.

Пожеланията и клетвите са тясно свързани помежду си. И в едните, и в другите намират отражение, от една страна магическите заклинания на първобитната епоха, от друга – основните религиозно-християнски представи на християнската религия – християнската представа на човека за създателя и владетеля на вселената. С други думи, основават се на зависимостта на човека от висшите сили при езичеството и Господ Бог при християнството. С първата е свързана първоначалната поява на тези словесни умотворения, с втората – характера на формата им.

Активно създаване на пожелания и клетви е свързано с определени периоди от историята на съответния народ. В българския език активното им създаване е в патриархалното общество, времето до началото на XX в.

В доклада пожеланията и клетвите се изследват на базата на две дискурсивни реализации – фолклорна и битова. Анализират се в лингвокультурологичен аспект. Изследването им не може да се осъществи само синхронно. Тъй като това е една категория, която: 1. Заема значително място в патриархалното общество и 2. Претърпява съществено развитие през годините, описването ѝ може да бъде успешно при съчетаване на исторически и съвременен аспект.

На конкретен семантико-функционален и структурен анализ се подлагат българските пожелания и клетви, като се извършват известни съпоставки с руски и полски. Проследяват се езиковите и стилистични средства, характерни за

тези словесни формули. Характеризират се символите на доброто и злото.

Разглежда се съвременната роля на пожеланията и клетвите. В миналото благословиите, като вид пожелания, са имали значителна роля като част от семейно-религиозната обредност. Произнасяли са се на годехи, сватби, кръщенета, сурвакане, коледуване. Съпровождали са празничните ритуали, веселия и трапези. Днес ролята им е доста ограничена – ритуалната им функция е сведена по-скоро до битова. Благословиите са отстъпили място на кратките пожелания. Крайната точка на функционално-семантичната промяна е превръщането на пожеланията в поздрави. Клетвите са претърпели също така семантико-прагматична промяна. Много от тях са претърпели десемантизация и са придобили междуметен характер. От средство за порицание, наказание, те са станали семантично изпразнени от съдържание и натоварени само с експресия.

Езикът на пожеланията и клетвите е, от една страна, средство за постигане на комуникативната цел на говорещия, от друга страна – извор на богата езикова и културна информация, представяща картината на света на българина (славянина) най-вече от XIX век. Анализът на пожеланията и клетвите е един вид реконструкция на неговото митологично съзнание.

Обобщават се следните основни особености на пожеланията и клетвите като част от националния език и култура:

1. Те са затворена система. Предават се от поколение на поколение. Макар и да се наблюдава количествено редуциране, системата се характеризира с известна устойчивост.

2. Системата им е структурно организирана. Създават се по определени модели. Системата им е семантично организирана. Съществуват основни концепти, върху които се изграждат.

3. Разкриват наивното митологично езиково съзнание на българина (славянина) от миналото, нравствените му устои и ценностната му система.

4. Представят картината на света на патриархалния човек. Част са от националната самобитност и култура.

Усилията в изследването са насочени към разкриване и анализиране на всички тези особености на пожеланията и клетвите.

Признаковые имена и национальная культура в материалах ассоциативных словарей

Т. И. Крыга

Киевский славистический университет (Киев, Украина)

Признаковые имена, ассоциат, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативно-вербальное поле

Анотация. Осуществлен сравнительный анализ признаковых имен-ассоциатов в ассоциативно-вербальном поле **жизнь** на материале русского, славянского, сербского и украинского ассоциативных словарей.

Последние десятилетия лингвистическая наука изучает язык не как формальную статическую систему, а пытается выявить механизмы ее функционирования в неразрывной связи с особенностями отображения окружающего мира в сознании человека и процессом концептуализации знаний.

Язык органически связан с культурой, образуя ее фундамент, своеобразный внутренний базис. Национальные особенности каждого этноса, черты его материальной и духов-

ной культуры эксплицитно воплощены в лексических единицах. Антропоцентрический подход позволяет обнаружить те знания, которые транслируются национальным языком каждому члену этнического сообщества. Познание своей собственной культуры возможно только при сравнении с чужой культурой, поэтому основным методом исследования специфики языкового сознания стали контрастные сопоставления овнешненных языковыми средствами образов язы-

кового сознания одной культуры с образами языкового сознания другой культуры.

На современном этапе распространенным подходом в исследовании семантики лингвистического явления (в частности, лексической семантики), ее связи с национальным сознанием, национальной культурой считается изучение вербальных ассоциаций совокупного носителя языка. Одним из наиболее распространенных методов выявления национально-специфических особенностей языкового сознания, овещения образов сознания является ассоциативный эксперимент, во время которого респондентам предлагают различного типа стимулы, чтобы вызвать соответствующие реакции. Полученные в ходе эксперимента ассоциативно-вербальные поля (далее АВП) слов-стимулов и ассоциативно-вербальная сеть (АВС) позволяют исследовать этнокультурную специфику языкового сознания, а сопоставительный анализ позволяет увидеть сходства и различия в самых устойчивых представлениях этносов об устройстве окружающего мира.

Данное исследование проводилось на материале Русского ассоциативного словаря (РАС) [Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова 1994], Славянского ассоциативного словаря (САС) [Уфимцева, Черкасова, Караулов, Тарасов 2004], Украинского ассоциативного словаря (УАС) [Мартінек 2007] и Ассоциативного словаря сербского языка (АССЯ) [Пипер, Драгићевић, Стефановић 1995].

Для анализа использовано ассоциативно-вербальное поле стимула **жизнь**, входящего в ядро языкового сознания русских, белорусов, болгар, сербов и украинцев.

Признаковое имя в работе рассматривается как нарицательное словесное обозначение предметов в широком смысле этого слова, являющееся показателем отношения к миру, оценки усредненного носителя русской, белорусской, болгарской, сербской и украинской культур. В ассоциативных словарях роль признакового имени выполняют ассоциаты, слова-реакции на определенные стимулы.

Жизнь во всех культурах признается высшей ценностью. Анализ ассоциативно-вербальных полей (АВП) стимула **жизнь** во всех названных словарях показал богатство представлений усредненного носителя славянских культур о жизни. Межязыковое сопоставление АВП этого стимула выявило больше сходств, чем различий, в содержании образа «жизнь». Основными семантическими группами признаковых имен-ассоциатов являются:

- ассоциаты, указывающие на движение во времени: *путь, река, дорога, короткая, вечность, долгая, быстротечная, длинная, вода* и т. д. (САС; русский вариант); *кароткае, вечнае, вечнасць, вада, кароткачасовае, бяжыць* (САС; белорусский вариант); *довге, коротке, вічне, вічність, мить, швидкоплинне, шлях, вода, розвиток, безкінечність, довга дорога, скороминуле, не стоїть, пливе, починається* и т. д. (САС; украинский вариант); *кратък, дълъг, вечен, миг, вечност, краткост, безкраен, безкрайност, дълголетен* и др. (САС; болгарский вариант); *вечност, река, пут, вода,*

догубечност, кратко, крај, почетак, почетак и крај, развијање (АССЯ); *довге, коротке, дорога, мить, вічне, вічність, швидкоплинне, безкінечність* (УАС); *долгая, короткая, короткая, дорога, длинная, прошла, продолжается, вечность, идет, начинается, вечная, долговечная* и т. п. (РАС);

- ассоциаты, обозначающие оценку жизни – положительную и отрицательную окраску. Все частотные реакции совпадают во всех языках. К ним относятся такие признаковые имена, как *прекрасная, красивая, хорошая, счастливая*; у русских и белорусов в САС встречается еще *сказка*; у белорусов и украинцев в САС – *радостная*; у белорусов в САС жизнь еще и *цікавае*; у болгарских респондентов – *сладък, като на кино*; у украинцев в САС – *безтурботне, вільне*; у сербов – *најважније*. Признаковые имена-реакции с отрицательной коннотацией представлены меньшим количеством: *трудная, тяжелая, плохая* (во всех словарях), *дерьмо, собачья* – у русских и *скапан* (прогнивший) у болгар. Кроме того, у болгар, украинцев, русских выделяются ассоциаты, описывающие образ жизни: *ноцен* (ночной), *луд* (сумасшедший, буйный), *весел* (у украинцев – *веселе*; у русских – *веселая*);
- признаковые имена, обозначающие *жизненные ценности* (*смерть, радость, счастье, любовь, свет, Бог, работа, свобода*; у украинцев – *мир, цінність*); *природные источники жизни* (*вода, земля, огонь*);
- признаковые имена-ассоциаты, обозначающие *средства существования* (*деньги*).

Сопоставительный анализ признаковых имен АВП стимула **жизнь** выявил значительное сходство представлений о жизни, об отношении к жизни русских, белорусов, болгар, сербов и украинцев, а также немногочисленные культурно-специфические реакции в ассоциативных полях болгар, украинцев и сербов. Совпадающие у всех признаковые имена-ассоциаты АВП стимула **жизнь** характеризуются стереотипностью, свидетельствующей о сохранении в сознании респондентов – представителей славянских народов – элементов древней славянской культуры: еще древние славяне ассоциировали **жизнь** с дорогой, путем, рекой, подчеркивая ее движение.

Результаты анализа показали, что наивысшая ценность – образ жизни – у представителей славянских народов преимущественно имеет положительную окраску.

Литература

- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994.
- Мартінек С. В. Український асоціативний словник: У 2 т. Т. I. Від стимулу до реакції. Львів, 2007.
- Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.
- Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

Етнокультурний потенціал правосуб'єктних маркерів українських сімейно-обрядових пісень

С. Т. Лавриненко

Измаильский государственный гуманитарный университет (Измаил, Украина)

Правосуб'єктний маркер, українська народна пісня

Аннотация. Етнокультурные коннотации правосубъектных маркеров украинских семейно-обрядовых песен отражают национальные представления о традиционной украинской моногамной, преимущественно нуклеарной, патрилокальной / вирилокальной семье, реализуя информативность сферы родственных, имущественных, трудовых прав конкретных субъектов.

Однією з центральних проблем сучасної лінгвістики є дослідження мовної об'єктивності національного культурного простору.

Фольклор дає надзвичайно багатий матеріал для осмислення специфіки народного світосприйняття у найрізноманітніших аспектах. Адже фольклорне слово функціонує не просто як номінація з одним або кількома лінгвістичними значеннями, а як концепт – вмістилище узагальненого культурного змісту, що дає підстави вважати згадану мовну одиницю ментальною константою.

В українських родинно-обрядових піснях весільного, родильного та поховального циклів наявні етноседеми сфери

права, носіями яких є, зокрема, номінації суб'єктів, що визначають: хто має право випікати весільний коровай, завивати гільце, плести вінок для нареченої, готувати комору, кому можна величати новонароджене немовля, хто буде споряджати людину в останню дорогу тощо.

Доюрідичні архетипи весільних пісень мають плазмовий характер, пов'язуються з перебільшенням правових можливостей учасників обряду: молодих називають князем та княгинею, серед гостей є бояри, старости, маршалок, хорунжий, які мають права віддавати розпорядження, описувати майно, купувати й продавати. Назви весільних чинів співвідносяться з уявленнями про гіпертрофовану правову

нарацію. Правові архетипи, що описують чи пояснюють окремі дії весільної драми та передають настрої її учасників (сум батьків, що донька їх покидає; жаль молоді за ріднею та дівочкою свободою; непевність і тривогу за майбутню долю і т. ін.) відтворюються етномаркованими номінаціями суб'єктів, які фіксують зміни станів конкретних осіб у кондіціонально-сиркумстантному режимі: наречена стала молодію; змінилося коло прав членів родини, з якої пішла дівчина; сама жінка втратила одні права, здобула інші, й надалі коло її можливостей змінюватиметься в залежності від визначених весіллям обставин.

Родильні пісні, пов'язані з поповненням сім'ї, мають на меті забезпечити новонародженому та його матері добре здоров'я, відповідний психологічний стан, адаптацію до нових умов існування, тому архетипні уявлення сфери права відтворені у них в ідеалізованій формі. У величальних піснях немовляті через побажання щасливої, багатодолі, фізичної досконалості, майбутнього вдалого одруження, представлено правові ідеї щодо оптимальних природно-соціальних можливостей нової людини, пов'язаних з її унікальністю й самоцінністю, широким стартовим потенціалом, невідчужуваністю прав. Правові ремінісценції родильних величальних пісень, звернених до матері, баби-повитухи, куми, інших родичів, стосуються сфер сімейного та майнового права.

Пісні, що супроводжують похоронну обрядовість, повинні відігнати від покійника злу силу, яка начебто зазіхає на його душу, та задобрити померлого, щоб він у своєму загробному житті сприяв живим родичам, а не шкодив. В основі голосінь лежать стародавні уявлення про те, що померлий продовжує існувати у невідомому далекому краю, та його зв'язок з оточенням, у якому він перебував до смертної години, триває. У текстах поховальних пісень простежуються відлуння сімейного права (родина посиротіла, втратила одного з членів) а також майнового та трудового права (не стало працівника на полі, опори у господарстві, родині загрожує зубожіння, зменшення статків). Для святочних голосінь, які пов'язуються з ушануванням померлих родичів на поминальні свята, властива постфактична гіперболізація правового потенціалу покійного.

Ядро правосуб'єктних індексацій у всіх типах родинно-обрядових пісень складають номінації, в основу яких покладено ознаки спорідненості: «Дякую тобі, мамо, що будила мене рано, // ...Дякую тобі, тату, за твою веселу хату, // ...Дякую тобі, сестро, що чесала косу чесно, // ...Дякую тобі, брате, що приводив хлопців в хату...» «Пливи, косо, до свекора просто, // Та послухай, що свекор говоре». «Мо-

лодая Оксаночка до батенька йде». «Оце тії чоботи, що зять дав, // А за тії чоботи дочку взяв». Носії правових рефлексій досить часто позначаються за ритуальними ролями, які дешифрують характер людських взаємин: «Усі дружечки по лавах сили, // А Галочка на посаді». «В неділю рано до сонця // Сіла Ганночка у віконця, // Всі гадочки перегадала // Дружечку позбирала». «Та ходила ж я, подруженьки, // У сад по воду, // Найшла собі товариша // Чесного роду». Онімо-позначені суб'єкти права родинно-обрядових пісень є носіями перспекцій правових етосів, що мають проєкцію у сферу правовідносин: «Де ти, де ти, Наталочко, // Де ходила, // Що ти собі Іваночка // Полюбила?» «Що Митричко вербицю зрубає, // А Маруся росу позбирає». «А в Іванька коник вороненький, Перескочить гай зелененький, // А в Марусеньки ще вороніший, // Перескочить ще й зеленіший». Формування правових смислів спирається на взаємодії осіб, тому у родинно-обрядових піснях представлені мовні позначення колективної правосуб'єктності: «Не ти, доню, нам докучила, // Докучили твої подруги». «Нехай люди подивляться, // Чи пара мені». «Дякую вам, сусіди, що прийшли ви на весілля». «Грайте музики, як грали, // Ми вже й Галочку й убрали».

Таким чином, правосуб'єктні маркери обрядових пісень відтворюють доюрідичні енграми українського фольклору, передконцептуальність яких полягає у плазмовій нерозчленованості народно-правових уявлень, архетипів, символів, детермінованих етнічно та історично. Провідними ознаками правосуб'єктних індексацій є амбівалентність (здатність реалізувати протилежну оцінність) та медіанність, що виявляється на міжцикловому рівні. Основними підставами етнокультурної маркованості правосуб'єктних номінацій в обрядових піснях виступають антропні риси, соціальні ознаки, ситуативні параметри носіїв традиції. Національні конотації правосуб'єктних маркерів українських родинно-обрядових пісень віддзеркалюють інформативність сфери сімейних, майнових, трудових стосунків. Перспективи дослідження пов'язуються з вивченням етнокультурного потенціалу правосуб'єктних маркерів у необрядових піснях українського народу.

Література

- Арутюнова Н. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
 Воронай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис: У 2 т. К., 1991.
 Жайворонок В. Українська етнолінгвістика: Нариси. К., 2007.
 Українські народні пісні / Упоряд. В. Єсипка. К., 2003.

Лакунарность в языковом представлении соотносительных концептов (русский концепт ЧЕРНЫЙ и чешский ČERNÝ)

Л. А. Лебедева

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Лингвокультурный концепт, межкультурные и межъязыковые лакуны

Аннотация. Сопоставление концептов ЧЕРНЫЙ и ČERNÝ позволяет обнаружить межъязыковую и / или межкультурную лакунарность в их понятийной и образной структурах при совпадении ценностной составляющей.

Русская лексема *черный* и чешская *černý* являются именами лингвокультурных концептов в русском и чешском языках, и их первичные – цветовые – значения, сформировавшиеся еще в праславянском языке, казалось бы, свидетельствуют об отсутствии межъязыковой лакунарности на концептуальном уровне. Однако при рассмотрении соотносительных концептов ЧЕРНЫЙ – ČERNÝ как сложных полиструктурных и полиарусных конструкторов, имеющих по меньшей мере три константы – понятийную, образную и ценностную, обнаруживаются лакуны.

Общими в понятийной структуре концептов ЧЕРНЫЙ и ČERNÝ являются, по данным толковых словарей [Словарь... 1984], [Slovník... 1978], следующие значения: 1) цвета сажи, угля; напротив. *белый* (черная краска, черная борода – *černá barva, černé vlasy*); 2) темный, более темный по сравнению с обычным цветом (черный от загара, черный как цыган – *černý jako cikán*) // темный, полностью лишенный света (черная ночь – *černá noc*) // темнокожий (как признак расы) (черная раса – *černé plemeno*); 3) перен. отрица-

тельный, плохой (*черная сторона жизни – černý skutek*); 4) мрачный, безрадостный, тяжелый (*черные думы – černé myšlenky*) // связанный с трудностями, невзгодами (о времени) (*черный день – černý den*); 5) в знач. суц. черная, темная одежда (*дама в черном – dáma v černém*); 6) неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный (о работе, труде и т. п.) (*черная работа – černé řemeslo*).

В чешском толковом словаре у слова *černý* отмечено и переносное значение «запрещенный, недозволенный, подлежащий штрафу, тайный, нелегальный»: *černý obchod* (букв. черная торговля), *černý trh* (букв. черный рынок), *černé mzdy* (букв. черные зарплаты), *černý pasažér* (букв. черный пассажир, соответствующее русскому просторечному *заяц*), *černá vysílačka* (букв. черная радиостанция «нелегальная радиостанция»), *černé zásoby* (букв. черные запасы «тайные накопления») и др. Это значение активизировалось и в русском речевом обиходе, где наряду с сочетаниями *черный рынок, черная торговля* появились сочетания *черный нал*

«наличные денежные средства, полученные незаконным путем», *черный рейдер* «незаконный захват собственности», *черный копатель* «тот, кто производит незаконные раскопки на месте сражений Великой Отечественной войны с целью поиска оружия», *черный археолог* «тот, кто производит незаконные археологические раскопки», *черный работодатель* «тот, кто принимает на работу без законного оформления и выплачивает работнику “серую” (скрываемую от налогов) зарплату» и др. Хотя и в чешских, и в русских сочетаниях представлена сема «незаконный», но не совпадают языковые ее реализаторы, представляющие разные денотаты.

Сопоставление образной (фразеологической) составляющей концептов ЧЕРНЫЙ и ČERNÝ также позволяет выделить межъязыковые и межкультурные лакуны. Среди устойчивых сочетаний слов отметим как полные лексические и семантические совпадения (*черный кофе* – *černá káva*, *черный хлеб* – *černý chleba*, *черные металлы* – *černé kovy*, *черные очки* – *černé brýle*, *черный юмор* – *černý humor*, *черный ящик* – *černá skříňka* и др.), так и расхождения, которые, однако, не всегда являются показателями культурных лакун. Межъязыковые расхождения могут быть лексическими и /или семантическими. При несхождении лексического состава устойчивые сочетания являются эквивалентными, если совпадают обозначаемые ими денотаты: *černá listina* – *черный список*, *černé pivo* – *темное пиво*, *černé uhlí* – *каменный уголь*, *černá kronika* – *криминальная хроника*, *černá ovce* – *паршивая овца* и т. д.

Расхождения в семантике при совпадении лексического состава сочетаний – свидетельство межъязыковой омонимии: *черный лес* «лиственный лес» и *černý les* «темный, дремучий лес»; *черное золото* «нефть» и *černé zlato* «каменный уголь» (для обозначения нефти в чешском языке используется перифраза *černá krev země*, что в буквальном переводе значит «черная кровь земли»). Однако расхождения в семантике формально совпадающих устойчивых сочетаний – отнюдь не свидетельство межкультурной лакунарности, это лакунарность межъязыковая, обусловленная различиями в традициях вербализации одних и тех же реалий, традициях наименований, сложившихся у разных этносов. Ср. также чешские перифразы *černý batalion* (букв. *черный батальон*) «шахтеры, горняки», *muž v černém* (букв. *человек в черном*) «судья по футболу», *černé jahody* (букв. *черные ягоды*) «черника», *černý kašel* (букв. *черный кашель*) «кок-

люш». Как видно из примеров, межъязыковая лакунарность такого рода легко элиминируется языковыми средствами переводящего языка, поскольку в языковом сознании коммуникантов (при достаточном владении чужим языком) не возникает невербализованных денотативных «пустот». Что касается лингвокультурных лакун, они всегда являются языковыми «пустотами», которые могут быть заполнены лишь пространными описаниями, содержащими сведения энциклопедического характера (ср. русск. *черное духовенство*, *черные земли*, *черная буря*, *черная сотня* и др.).

Ценностная составляющая концептов ЧЕРНЫЙ и ČERNÝ может быть представлена в виде шкалы, где на нулевой отметке находятся прямые – цветовые – значения имен концептов (*черная краска* – *černá barva*), к которым примыкают употребления прилагательных в составе зоологических или ботанических терминов (например, *черный дятел*, *черная смородина*, *черная редька* и *černý kos*, *černý bez*, *černá ředkev*), а также в составе общеупотребительных клишированных сочетаний (типа *черный хлеб*, *черный кофе* и *černý chleba*, *černá káva*) или в составе фразеологических единиц типа русской *записать черным по белому* или чешской *je to černé na bílém*. Положительные оценки практически не представлены, так как в аксиологическом пространстве славянской языковой картины мира *черный* обычно не только выступает как средоточие негативных оценок в применении к реалиям действительного мира (*черная работа* и *černé řemeslo*), но и используется для обозначения отрицательных свойств и эмоциональных состояний человека (*черная неблагодарность*, *черная тоска*, *черная измена*, *черная зависть* и *černý nevděk*, *černé myšlenky*, *černé svědomí*), а также для обозначения всего темного, непознанного сознанием человека (*черная магия* и *černá magie*).

Межкультурная лакунарность является следствием неоднородности этнического сознания и культуры носителей русского и чешского языков и проявляется в ходе межкультурной коммуникации через лакунарность языковых единиц, вербализующих концептуальные пространства в каждом языке.

Литература

Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньев. Т. IV. М., 1984.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1978.

Межъязыковые фразеологические корреляты и языковая картина мира

А. М. Мелерович

Костромской государственной университет (Кострома, Россия)

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Фразеология, структурно-семантическая модель, инвариант, концепт

Аннотация. Сопоставление межъязыковых фразеологических коррелятов в составе фразеосемантических полей в родственных и неродственных языках показывает универсальность основных структурно-семантических моделей фразеологизмов, выявляет универсальные концепты, в которых сконцентрированы познания, отражается диалектика мировосприятия, мышления.

К важнейшим проявлениям семантической и структурно-семантической общности языков на фразеологическом уровне принадлежат межъязыковые фразеологические корреляты, среди которых выделяются межъязыковые аналоги и эквиваленты. Последние обладают общим структурно-семантическим инвариантом.

Представляя собой определенным образом организованные единства содержания и формы, структурно-семантические инварианты ФЕ и их типы являются структурно-семантическими, фразеологическими моделями языка.

Структурно-семантические инварианты ФЕ и их типы, прогнозирующие те или иные виды трансформаций, представляют собой особые разновидности порождающих моделей, функционирующие в сфере речевого употребления ФЕ. Порождающий характер данных моделей обусловлен тем, что в них заложен конструктивный принцип образования ФЕ, их семантических и структурно-семантических вариантов, детерминирующий соотношения и способы соединения означаемого и означающего в составе внутрифразового контекста.

Как показали исследования фразеологической моделируемости на межъязыковом уровне, на материале ряда язы-

ков, структурно-семантическая моделированность во фразеологии представляет важнейшее проявление изоморфизма, подтверждаемого структурным параллелизмом и параллелизмом семантической двуплановости (ср., например: русск. и белорусск. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*; полск. *Лучше воробей в горсти, чем канарейка на крыше*; англ. *Птица в руке стоит двух в кустах*; исп. *Лучше одна птица в руке, чем сто летящих*; лат. *Лучше воробей в руке, чем гусь в облаках*).

В работах Д. О. Добровольского, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, А. Д. Райхштейна, В. М. Савицкого, Т. Н. Федулковой и др. рассматриваются структурно-языковые и экстралингвистические факторы, формирующие изоморфизм значения и формы ФЕ, устанавливается специфика проявления изоморфизма ФЕ в межъязыковом плане на разных уровнях их структурной организации. Так, показано, что изоморфизм структурно-семантических модификаций ФЕ реализуется в параллелизме механизмов трансформаций значения и формы ФЕ, в процессах переноса наименований; изоморфизм структурно-семантической моделируемости находит выражение в параллелизме характера межкультур-

вой соотносительности элементов строения эквивалентных ФЕ. Структурно-семантические инварианты ФЕ, фразеологические модели представляют собой категориальные единицы языка, продуцирующие свои особые системы трансформаций, способные структурировать отдельные участки текста или текст в целом. См., например: *Всем дается бочка меда, Бочка дегтя, день и тьма; Каждый – сам себе тюрьма, Каждый – сам себе свобода* (В. Шефнер. Другу в блокнот). В стихотворении В. Шефнера представлен афоризм, содержащий обобщающее умозаключение. *Мед и деготь* здесь сопоставлены с перифразирующими их символами *свет и тьма*. Этот перифраз содействует расширению смыслового содержания противопоставленных в контексте пословицы символов, созданию обобщенного представления о том, что каждому человеку суждено испытать нечто положительное и отрицательное, «увидеть свет и тьму», быть самому источником своих радостей и бед.

В когнитивном аспекте структурно-семантические модели ФЕ могут трактоваться как концепты, инвариантные когнитивные структуры. Сопоставление межъязыковых фразеологических коррелятов, фразеосемантических полей в родственных и неродственных языках [В. М. Мокиенко (1989), О. Я. Корнилов (2003), Oxana Wildmann (2000) и др.] показывает универсальность основных структурно-семантических моделей фразеологизмов, паремий, выявляет универсальные концепты, в которых сконцентрированы познания, мудрость, отражается диалектика человеческого мировосприятия, мышления. Такова, например, фразеология, связанная с концептами *судьбы, любви, краха и возмездия* и др. Универсальность подобных концептов не исключает их национальной, региональной самобытности. Необходимо четко отграничивать концептуальную универсальность многих фразеологизмов и пословиц от их формально-языковой (геср. компонентной) национальной маркированности. Так, ФЕ *родиться в сорочке* восходит к суеверным представле-

ниям о том, что ребенок, родившийся в оболочке, представляющей собой околуплодный пузырь, будет счастливым. Несмотря на универсальность подобных представлений, отразившуюся во фразеологии ряда языков, выражение со словом *сорочка (рубашка)* – национально специфическое, исконно русское. *Сорочка* – русская мужская рубашка с косым воротом. Национальной маркировкой ФЕ может стать сама их структура – например, рифма или ритмическое созвучие в русском языке (*рожки да ножки, ни слуху ни духу, взятки гладки* и под.), не воспроизводимые средствами других языков. Разграничению интернационального и национального служит детализированный языковой анализ ФЕ, предполагающий учет таких важных лингвистических параметров, как ареал ФЕ и наличие семантических параллелей в разных языках; структурно-семантическая моделируемость фразеологических параллелей и изоглосс; частотность употребления ФЕ на ареальном континууме и иерархия ее вариантов по данному параметру; последовательность структурной динамики ФЕ в пространственной проекции; относительная хронология функционирования ФЕ в русском языке в соотношении с другими языковыми зонами [В. М. Мокиенко (1982, 1985)]. Общность семантических процессов в сфере фразеологии, ее системной организации в языках мира, наличие межъязыковых инвариантных структурно-семантических типов фразеологизмов сочетается с национально-языковой и национально-культурной самобытностью языковых фразеологических систем. Во фразеологии в наибольшей степени отражена неповторимость образных систем национальных языковых картин мира. Специфика национального мировосприятия передается семантической структурой ФЕ, главным образом – единством ее основных составляющих: фразеологического значения и внутренней формы, образной основы, в которую инвариантное значение ФЕ кодируется языковым сознанием.

Словоформа «однако» как образная и понятийная составляющая концепта «противоречие» (на примере информационно-аналитической передачи «Однако» М. Леонтьева)

М. Г. Милютин

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск, Россия)

Телевизионный дискурс, концепт «противоречие»

Аннотация. В статье проанализирована словоформа «однако» как образная и понятийная (информационно-содержательная) составляющая концепта «противоречие» в телепередаче М. В. Леонтьева «Однако», выявлены основные типологические характеристики указанного концепта.

Когнитивно-дискурсивное изучение тех или иных языковых феноменов является актуальным для современной лингвистики, поскольку, по мнению Е. С. Кубряковой, языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, когда оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации [Кубрякова 2004: 16].

Достаточно полно на сегодняшний день изучены и описаны (в рамках когнитивно-дискурсивного подхода) многие художественные и национально-культурные концепты, в меньшей степени, как представляется, подвергались анализу политические концепты телевизионного дискурса. Между тем научный интерес к изучению сущности и феноменологии политического дискурса неуклонно растет. В связи с этим интересным для интерпретации объектом являются мини-тексты информационно-аналитической телевизионной передачи «Однако», которую ведет М. Леонтьев. Небезынтересно отметить, что эта телепередача уже оказывалась предметом лингвистической рефлексии с точки зрения осмысления основных характеристик языковой личности говорящего (в дипломной работе «Языковые личности современных тележурналистов (на примере М. Леонтьева, ведущего телепередачи «Однако»)» был проведен контент-анализ особенностей речи тележурналиста).

Показалось любопытным заняться поисками когнитивного аналога, репрезентантом которого является языковая форма «однако», являющаяся названием, объединяющим цикл телепередач (мини-текстов) на острые политические темы в единое целое. Не менее интересной представляется и попытка объяснить причину выбора именно такой «упаков-

ки» (метафора Е. С. Кубряковой) для искомого концептуального содержания. В результате анализа удалось прийти к следующим выводам.

1. С помощью словоформы «однако» вербализуется коммуникативно релевантная в условиях публицистического оценочно насыщенного и полемического по своему характеру дискурса часть концепта «противоречие».

2. Словоформа «однако» является в первую очередь образной составляющей (когнитивной метафорой) концепта «противоречие».

3. Словоформа «однако» является когнитивной метафорой, поскольку используется в знаковой функции, т. е. является наиболее подходящим знаком-символом, синкретично совмещающим в себе с точки зрения лексической и грамматической семантики значения сразу трех частей речи: противительного союза, вводного слова и междометия, которые в толковом словаре представлены следующим образом: «Однако 1. союз. Употребляется для присоединения предложения или членов предложения со значением противопоставления, несоответствия предшествующему и ограничения предшествующего (близок по значению союзу «но»). 2. вводное слово. Тем не менее, все же, все-таки. *Думаю, все будет в порядке, но будьте, однако, осмотрительны.* 3. межд. (с восклицательной интонацией). Употребляется для выражения удивления, недоумения, возмущения и т. п. *Его недавно избрали в академики. – Однако!*» [Современный толковый словарь... 2001: 444].

4. Можно усмотреть стоящий за словоформой «однако» перцептивный образ яростно спорящего человека, полемиста.

5. Концепт «противоречие» типологически может быть отнесен к вербализованному (регулярно овнешняемым) универсальным (ср. его соотносительность с одним из риторических топосов – топосом «противоположное») концептам-понятиям.

6. Информационное содержание (понятийный слой) концепта «противоречие» близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова в таком его объеме, которому наиболее соответствует четвертое словарное значение: «возражение» [Современный толковый словарь... 2001: 647].

7. Плотность номинативного поля концепта «противоречие» достаточно велика, даже если опираться только на данные толковых словарей и словарей синонимов; указанное поле составляют следующие признаки: «противоположность», «несовместимость», «возражение», «антипод», «контраст», «полярность», «антитеза», «расхождение», «конфронтация», «антагонизм», «полемика» (особенно если учитывать буквальный перевод греч. слова *polemikos* – воинственный, враждебный).

8. Концепт «противоречие» дает о себе знать на всем семантическом пространстве мини-текстов анализируемой передачи; способы его вербализации (помимо основного – словоформы «однако») различны: **лексический (семантический)** 1) на уровне одной лексемы – «парадоксально», «конфронтация», «несоизмеримый», «вывернутый», «противодействие» и др.; 2) на уровне ряда лексем а) языковая

антонимия – «существовать» / «исчезнуть», «холодная война» / «холодный мир» и др.; б) контекстуальная антонимия – «не законопроект, а вымогательство», «чрезвычайный саммит ЕС» / «пустышка» и др.; **лексико-грамматический** – «однако»; **тропический** – антитеза, постоянно усиливаемая гиперболой; **стилистический** – диссонанс лексики нейтральной и экспрессивно окрашенной, лексики, имеющей ярко выраженную положительную оценку и ярко выраженную отрицательную оценку – «И никаких иллюзий и соплей», «Суть позиции Брауна – заставить Москву с этими “реалиями” примириться» / «Суть позиции умеренных – не нарваться, не будить лихо, пока тихо»; **антонимическая игра на противоречии прямого и переносного значений слова** – «Не было общих ценностей... Европа не готова к санкциям против России и боится их. Потому что это может повредить ценностям. То есть самым что ни на есть конкретным материально-денежным» (приводимые примеры извлечены из текстов от 2 сентября, 30 сентября и 8 октября, размещенных на официальном сайте телепередачи «Однако» <http://www.ru/news/leontiev/129768>).

Литература

- Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
Современный толковый словарь русского языка / Автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001.

Концепт «женщина» и изменения в лексико-фразеологическом поле «Наименования лиц женского пола» на рубеже XX–XXI веков

И. А. Морозова

Борисоглебский государственный педагогический институт (Борисоглебск, Россия)

Концепт, репрезентация (объективация), лексико-семантические новации

Аннотация. Охарактеризованы изменения в сфере наименований лиц женского пола на рубеже XX–XXI вв., на основе проанализированных средств репрезентации выявлены новые когнитивные признаки концепта «женщина», отмечены актуализированные в настоящее время признаки.

Концепт «женщина» относится к числу коммуникативно релевантных концептов и имеет объемный корпус языковых средств, репрезентирующих его, иными словами – обширное номинативное поле, отдельные фрагменты которого неоднократно становились объектом рассмотрения ученых-лингвистов. Однако комплексного исследования номинативного поля данного концепта пока не проводилось, не изучены средства объективации концепта последнего времени, к их анализу мы и обратились.

В качестве источника исследования нами были использованы лексикографические издания под редакцией Г. Н. Склярской: «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» (2001) и «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (2006).

Изменения, происходящие в лексико-фразеологическом поле «Наименования лиц женского пола», можно разделить на 3 группы: появление новых слов; перегруппировка пластов активного и пассивного словаря; стилистические преобразования.

I. Появление новых наименований (самый масштабный процесс) осуществляется тремя путями.

1. Образование неологизмов.

В составе производных слов последнего времени немало наименований женщин, которые в структурном отношении можно подразделить на две группы: простые и составные. В количественном отношении преобладает первая группа, в ее состав входят номинации, образованные по традиционным продуктивным словообразовательным моделям с помощью суффиксов «женскости» *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-ш(а)*, *-ушк(а)*, *-их(а)* на основе исконно русских слов (*телохранительница*, *богачиха* [разг.], *богачка* [разг.], *бомжиха* [разг.], *бомжовка* [разг.] и др.) и на основе заимствованных существительных мужского рода (*бизнесменка* [разг.], *бизнесмена* [разг.], *букерша*, *юристка*, *боксерша*, *каратистка*, *наркоманка* [мед., криминал.] и др.). Группа составных наименований лиц женского пола немногочисленная. Данные слова появились в результате сложения заимствованного и исконно рус-

ского элементов (*поп-дива*, *рок-звезда*, *секс-звезда*, *интер-девочка*).

2. Внешние и внутренние заимствования.

Среди внешних заимствований встречаются наименования женщин, образованные способом сложения в языке-источнике (*бизнесвумен* / *бизнес-вумен* [коммерц.], *бизнес-леди* / *бизнеследи* [коммерц.] и др.) или путем калькирования (*модель*, *деловая леди*, *первая леди*). В качестве примера внутренних заимствований приведем популярное слово *вамп* английского происхождения, которое из жаргона перешло в разговорный стиль литературного языка.

3. Семантические изменения: расширение значения (*вампирша*, *дальнобойщица*, *диссидентка*, *рокерша*, *сестра* и др.), сужение значения (*выдвиженка*, *коммунистка*, *матушка*, *предпринимательница*, *святая* и др.) и переосмысление – некоторые наименования женщин *лагерница*, *лишенка*, *диссидентка* лишились негативной политической оценки; слова *госпожа*, *гувернантка*, *капиталистка*, *прислуга*, *сутенерша* утратили идеологические приращения негативного плана» (Н. С. Валгина.); появление новых сем также характерно для наименований женщин, относящихся к тематическим группам «рыночная экономика», «бизнес» (*кооператорша*, *коробейница*, *модель* и др.).

II. Перегруппировка пластов активного и пассивного словаря включает, с одной стороны, актуализацию устаревшей лексики, с другой стороны, пассивизацию лексики, ранее относившейся к активному словарному запасу.

В настоящее время возвращаются в активное употребление многие слова дореволюционной эпохи, которые в советский период относились к устаревшей лексике: наименования женщин по отношению к религии, религиозному культу (*буддистка*, *игуменья*, *инокиня* и др.); наименования женщин по роду деятельности (*ведунья*, *целительница*, *чиновница* и др.); наименования женщин по социальному статусу (*госпожа*, *казачка*, *лицейстка*); наименования женщин по взглядам, мировоззрению, принадлежности к учениям (*феминистка*); наименования женщин по месту жительства (*петербурженка*, *питерка*, *санкт-петербурженка*).

Пассивизация охватывает номинации, отражающие социальный уклад советской эпохи (*звеньевая, лимитчица* [разг.], *лишенка, наставница, общественница, юнатка* и др.), начальный этап «перестройки» (*кооператорша* [разг.]).

III. Стилистические преобразования характеризуются двумя направлениями: 1) стилистической нейтрализацией (*стриптизерша, феминистка*) и 2) стилистическим перераспределением (*коммунистка, комсомолка*).

Итак, полученные нами сведения позволяют дополнить состав номинативного поля концепта «женщина» лексическими и фразеологическими единицами конца XX – начала XXI в. Исследуемый концепт в настоящее время в своем содержании приобретает новые когнитивные признаки и видоизменяет уже имеющиеся. В последнее время появились новые области профессиональной востребованности женщин: в первую очередь, бизнес, где женщины часто выступают в роли организаторов, руководителей (*бизнес-леди, менеджера, предпринимательница, работодательница, фермерша* и др.). Представительницы слабого пола продолжают осваивать «мужские» виды деятельности не только в профессиональном (*дальнобойщица, компьютерщица, телохранительница* и др.), но и спортивном (*боксерша, ка-*

ратистка, кёрлингистка и др.), криминальном мире (*вымогательница, террористка, шахидка* и др.).

В настоящее время женская часть населения, как и мужская, может открыто исповедовать различные вероучения и выполнять религиозные обряды (*адвентистка, исламистка, лютеранка* и др.; *богомолка, паломница, молитвенница* и др.), отстаивать свои взгляды, убеждения (*демократка, феминистка, яблочница* и др.).

Актуализировались и получили более широкое распространение в сознании современных носителей языка признаки, характеризующие традиционные женские занятия: индустрию моды (*визажистка, модель, фотомодель* и др.), связь с потусторонними силами, целительство (*ведьма, дунья, шаманка; врачевательница, знахарка, травница* и др.), воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, в том числе в чужих богатых семьях (*гувернантка, прислуга, экономка*).

Таков далеко не полный перечень когнитивных признаков концепта «женщина», которые на рубеже XX–XXI вв. получили языковую объективацию в русской концептосфере, т. е. оказались значимыми и коммуникативно востребованными в данный исторический период.

Фитоморфный код культуры как средство отражения уровня интеллекта (сопоставительный анализ)

А. К. Мырзашова

Казахско-русский международный университет (Актобе, Казахстан)

Языковое сознание, картина мира, фразеологическая семантика, фразеологическое моделирование мира, концепт

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается специфика отражения интеллекта в фитоморфном (растительном) коде культуры на материале сопоставительной фразеологии русского и казахского языков.

В фразеологической теории наблюдается интензивный рост исследований, посвященных глубинному анализу отражения когнитивной сферы человека в языковом сознании. Как справедливо замечено в работе Ю. Н. Караулова, «обращение лингвистики к сознанию носителя языка, т. е. включение в исследовательский процесс “языковой личности”, это не дань моде, а насущная необходимость, которая диктуется общенаучной тенденцией к учету сознания наблюдателя...» [Караулов 2005: 178].

В семантическом пространстве фразеологии конкретного языка выявляется специфика структурной организации концептов и их отражения в языковой картине мира. В этой связи представляется интересным изучение интеллекта человека и специфики его отражения в языковом сознании. Как показал материал исследования, фразеологическая семантика наиболее специфична и культурно маркирована, что позволяет выявить особенности мировидения, отражающиеся в использовании различных кодов культуры.

Интеллект как особый феномен человеческой сущности, имеющий универсальный, общечеловеческий характер, находит весьма своеобразное отражение в фразеологическом моделировании мира. Это проявляется в избирательности конкретных образных средств и различных объектов окружающего мира, представляющих собой определенную систему кодов культуры. Так, например, сопоставительный анализ показал, что в русской фразеологии характеристика интеллекта человека, а именно – человека, имеющего низкий уровень интеллекта – *неграмотный, тупой, глупый, не соображающий, плохо соображающий* и т. п., отражается в основном средствами фитоморфного (растительного) кода культуры. В казахской фразеологии, напротив, отсутствуют фитоморфные объекты. В казахском языке наблюдается частое употребление объектов телесного (соматического) и антропного (собственно человеческого) кодов культуры. Специфика казахской фразеологии описывается подробнее ниже.

В русском языке фразеология данного семантического фрагмента характеризуется употреблением большого количества фитоморфных наименований, а именно – наименований дерева и связанных с ним объектов: *дуб, береза, ель, сосна, пень, дубина, пробка, сад*; а также *солома, белена, мякина*.

Образ глупого, тупого отождествляется с объектом, изготовленным из дерева или другого материала, имеющего

растительное происхождение. Этот образ характерен для русской фразеологии. Носители русской культуры при характеристике глупого человека средствами фразеологии сравнивают *голову* (как пространство, где протекает мыслительная деятельность, и вместительность ума, интеллекта – умственного духовного начала человека), точнее ум и интеллект с фитоморфными объектами, или описывают ее (голову) через качественные характеристики объектов растительного мира. Например: *пень березовый, пень илем, дуб дубом, дубина стоеросовая, голова соломой набита; еловая голова, дубовая голова, садовая голова, мякинная голова* и др.

Следует заметить, что идентичный образ человека с интеллектуальными ограничениями в казахской фразеологии находит совершенно иное вербальное выражение. Фитоморфные наименования отсутствуют во фразеологии целого семантического поля, отражающего когнитивную деятельность человека (имеется в виду собственно мыслительная деятельность, характеризующаяся как положительной, так и отрицательной коннотацией). В казахском языке фразеологическое моделирование образа глупого человека осуществляется посредством активного употребления языковых средств, входящих в систему соматического, антропного, гастрономического, цветового кодов культуры.

Так, в отличие от носителей русской культуры казахи чаще сравнивают глупого человека: 1) с вареной головой: *пiскен бас* ‘недалекий человек’ (где компонент *пiскен* – *вареная* – соотносится с гастрономическим кодом культуры); 2) с пустой грудной полостью: *бос кеуде* ‘безмозглый, бесполовый’; 3) с ухом, которое может вбирать ум или быть «дырявым», из которого вытекает ум, ср.: *құйма құлақ* ‘понятливый, смысленный’ (букв.: вибрающее ухо) и *ақпа құлақ* ‘непонимающий, несообразительный’ (букв.: вытекающее ухо); русским эквивалентом последнего является фразеологизм *дырявая голова*. Насыщенность фразеологии данного семантического поля соматическими наименованиями объясняется этнокультурными факторами: казахи занимались не земледельческим, а животноводческим хозяйством, следовательно, им хорошо знакомы наименования всех частей тела (анатомические знания), поскольку все вплоть до внутренностей животного они использовали для пищи, не говоря о голове животного: она варилась в особых случаях, подавалась почетному гостю (чаще аксакалу – уважаемому старцу, либо хозяину дома), после чего голова разделялась (употреблялись даже мозги) и передавалась из рук в

руки сидящим за накрытым дастарханом. Этот ритуал существует и сегодня.

Интересно заметить, что для носителей казахского языка *мякинная голова* и *дубовая голова* – это человек с «застывшими мозгами»: *көк ми* ‘глупый, бестолковый’ (букв.: *синие мозги*). В казахско-русском фразеологическом словаре данные устойчивые единицы приводятся как адекватные эквиваленты. Использование казахами цветообозначения *көк* неслучайно: этот цвет имеет сакральные и национально обусловленные смыслы в цветовом коде казахской культуры.

В обоих языках изучаемая фразеология употребляется в грубо-просторечной и грубо-фамильярной формах. В русской языковой картине мира образ глупого человека моделируется в основном фразеологизмами с фитоморфным компонентом, хотя такие деревья, как *дуб*, *береза*, имеют

особую национально-культурную значимость в системе русского культурного пространства.

Культура каждого этноса накладывает яркий отпечаток на языковое мировосприятие и моделирование конкретных фрагментов окружающей действительности. Их изучение, в частности сопоставительное описание, раскрывает специфические черты каждого национального языка, особенно когда исследование касается наиболее идиотического пласта лексики.

Литература

Караулов Ю. Н. «Осознание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей. Калуга, 2005.

Польская языковая категоризация растительного мира (на материале названий цветов)

Л. В. Непоп-Айдачич

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Этнолингвистика, языковая картина мира, языковая категоризация, названия цветов, польский язык

Аннотация. Автор реконструирует фрагмент польской языковой категоризации растительного мира, изучая место, отведенное в ней общему понятию *kwiat* – рус. *цветок* и названиям некоторых цветов, напр. *bodziszek* (рус. *герань*), *iglica* (рус. *аистник*), *pelargonio* (рус. *пеларгония*), *konwalia* (рус. *ландыш*), *kokoryczka* (рус. *купена*) и др. Сопоставление научной и языковой категоризации растительного мира позволяет сделать выводы об их сходстве на уровне видов и несовпадении на уровне классов, подклассов и родов.

На отличие языковой категоризации мира от научной неоднократно обращали внимание многие лингвисты и философы. Е. Баргминский и С. Небжеговская подчеркивали, что фасетная структура этнолингвистического описания растений зависит от того, к какой «наивной» категории (напр., цветок, лекарственное растение, сорняк, растение) их причисляют говорящие [Bartmiński, Niebrzegowska 1998].

В Ботаническом словаре *kwiat* (рус. *цветок*) определяется как «орган, характерный для семенных растений...» [Słownik botaniczny 2003: 442]. Лексикографические источники и фольклорные записи (см. наши предыдущие работы) позволяют говорить о функционировании в польском языковом сознании многоуровневой, отличной от научной категории *kwiat*. Ее дефиницию схематически можно представить так: *kwiat* – {наилучшая (→ к.) и самая прекрасная (→ к.) ароматная (→ к.) часть (→ к.) растения (→ к.) белого (→ к.) / красного (→ к.) / желтого цвета, различной формы (→ к.), в которой расположены половые органы (→ к.), которая появляется перед плодом (→ к.), цветет в определенный период (→ к.) в течение короткого промежутка времени (→ к.), с которой пчелы собирают мед, которая может использоваться в качестве украшения (→ к.)} (→ к.). Обозначение (→ к.) символизирует использование лексемы *kwiat*, при котором актуализируется черта цветка, расположенная в схематической дефиниции перед ним. Фигурные скобки перед обозначением (→ к.) указывают на функционирование определенной таким образом лексемы *kwiat* также в значении, мотивированном совокупностью названных черт.

Мы установили, что польское слово *konwalia* используется для названия растения *Convallaria majalis* (рус. *ландыш*), а изредка – *Polygonatum* (рус. *купена*, иначе пол. *kokoryczka*) [Непоп-Айдачич 2007. Стереотип конваліі...]. Факт взаимного перенесения названий растений *Convallaria* и *Polygonatum* становится понятным из-за их внешнего сходства. В научной классификации купена также причисляется к ландышевым. Тем не менее языковые данные свидетельствуют, что под названиями *konwalia* и *kokoryczka* бытуют разные представления о двух обособленных растениях. Анализируемые названия не являются эквивалентами и не могут заменять друг друга в текстах. Более того, согласно этнографическим данным купена воспринимается носителями польского языка не как цветок, а как лекарственное растение. В научной же классификации категория *лекарственное растение* отсутствует.

Сопоставляя место герани в польской языковой и научной картине мира, мы установили, что они существенно отличаются. В польской языковой категоризации растений не существует понятия, которое соответствовало бы разря-

ду гераниецветных (*bodziszkowce*). Научный класс гераниевых (*bodziszkowate*) в польском народном мировосприятии соотносится с названиями *bodziszek* или *czaple noski*. В ботанической классификации нет подклассов гераниевых, в языковой же картине мира, как свидетельствуют флоронимы, они есть. Это подкласс, объединяющий аистник (*iglica*) и герань (*bodziszek*), а также подкласс *gerania*, к которому относятся герань (*bodziszek*) и пеларгония (*pelargonio*). Как видно, в языковой категоризации эти два подкласса накладываются друг на друга на уровне рода герани (*bodziszek*). Понятия, соответствующие научным родовым терминам аистник (*iglica*), герань (*bodziszek*), пеларгония (*pelargonio*), передаются в народной номенклатуре рядами синонимических лексем [Непоп-Айдачич, в печати. Польский...].

Таким образом, в польской языковой картине мира функционирует многоуровневая категория *kwiat*, представляющая совпадающее с научным ее понимание как части растения, и не присущее науке видение цветка как растения, включающего в себя соответствующую часть, и имеющего эстетическую функцию, а также как сложного многогранного символа.

В языковой категоризации растительного мира выступает отсутствующая в науке категория лекарственных растений, представленная растениями, применяемыми с лечебной целью. В зависимости от того, какая функция растения выступает в сознании носителей языка на первый план, одно и то же растение может причисляться к различным категориям: к цветам или к лекарственным растениям и под.

Рассмотренные нами примеры позволяют говорить о существовании в польском языковом образе растительного мира категорий, отсутствующих в научной категоризации, а также о несовпадении представлений о категориях, присутствующих в научной и языковой системах. С нашей точки зрения, необходимо рассматривать языковую категоризацию растительного мира как своеобразную систему, формируемую под влиянием представлений о нем и его функциях носителей языка, тогда как научная категоризация является схемой, призванной формировать представления говорящих об этом мире.

Литература

Непоп-Айдачич Л. В. Стереотип квітки в польській мові та культурі (на матеріалі словників польської мови). Частина 2 // Київські полоністичні студії / За ред. Р. П. Радишевського. Т. IX. Європейський вимір української полоністики. Київ, 2007. С. 493–500.
Непоп-Айдачич Л. В. Стереотип конваліі в польській мові та культурі // Етнолінгвістичні студії: Збірник наукових праць / За ред. П. Гриценка, В. Конобродської. Житомир, 2007. С. 102–121.

- Henon-Aйдачич Л. В.* Стереотип квітки в польській мові та культурі (на матеріалі фольклорних польської мови). Частина 1 // Вісник Харківського університету. Серія: філологія. 2008. № 787. Вип. 52. С. 63–67.
- Henon-Aйдачич Л. В.* Польський мовний образ герані // Мовні та концептуальні картини світу. Київ (в печаті).
- Henon-Aйдачич Л. В.* Риси польського мовного образу квітки, представлені в стереотипних мотивах (на матеріалі фольклорних записів О. Кольберга). Частина 1 // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Київ (в печаті).
- Henon-Aйдачич Л. В.* Риси польського мовного образу квітки, представлені в стереотипних мотивах (на матеріалі фольклорних за-

- писів О. Кольберга). Частина 2 // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Київ (в печаті).
- Henon-Aйдачич Л. В.* Стереотип квітки в польській мові та культурі (на матеріалі фольклорних записів О. Кольберга) // Мовні і концептуальні картини світу. Київ (в печаті).
- Bartmiński J., Niebrzegowska S.* Profile a podmiotowa interpretacja świata // Profilowanie w języku i w tekście / Pod red. J. Bartmińskiego, R. Tokarskiego. Lublin, 1998. S. 211–224.
- Językowa kategoryzacja świata / Pod red. R. Grzegorzczkovej i A. Pajdzińskiej.* Lublin, 1996.
- Profilowanie w języku i w tekście / Pod red. J. Bartmińskiego, R. Tokarskiego.* Lublin, 1998.
- Słownik botaniczny / Red. A. i J. Szwejkowsy.* Warszawa, 2003.

Анімалізм в структурі фразеологічних одиниць української та російської мов як засіб відображення картини світу

А. О. Огар, С. І. Луців

Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка (Дрогобич, Україна)

Фразеологізм, анімалізм, еквівалент, соответствие, унікалія

Анотація. В статті розглянуті та класифіковані фразеологічні одиниці української та російської мов з компонентом-анімалізмом; встановлено також, що сфери найбільш улюблених в їхніх складах анімалізмів збігаються.

Дедалі частіше у сучасній лінгвістичній думці мову та мовні явища розглядають у їхньому стосунку до народу-носія. Під такий погляд потрапляють також фразеологічні одиниці, які тлумачать, окрім іншого, як знакову репрезентацію інтегрованого етносвідомості світу, що виявляється передусім у значенні фразеологізмів.

Фразеологізми – це ще й конотативно навантажені номінативні одиниці. Проте конотація не є підтвердженням їхньої факультативності, а лише витворює специфіку цих одиниць: на відміну від слів та словосполучень фразеологізми не просто називають реалії світу, а роблять це образно, тобто в їхній семантичній структурі конотативні елементи не менш, можливо, навіть більш вагомими, ніж концептуальні.

Отже фразеологічні одиниці як оригінальні засоби відображення і пізнання світу є продуктом як абстрактно-логічної, так і емоційно-оцінної діяльності людини [Жуков 1986: 27]. Це і визначає їхню цінність як елементів мовної картини світу.

Значення фразеологізмів певним чином пов'язане зі значеннями їхніх компонентів, хоча цей зв'язок не завжди чітко простежується.

Якщо поділити усі фразеологічні одиниці на співвідносні та неспіввідносні з вільними словосполученнями, то стає очевидно, що фразеологізми першої групи вміщують слова, які вживаються переважно у своєму первинно-номінативному, вихідному значенні. Це, зокрема номени домашніх та диких тварин, птахів, риби, комах. Вони найвиразніше презентують внутрішню форму фразеологізму. Розвідку присвячено зіставному аналізу українських та російських фразеологічних одиниць з компонентами-анімалізмами (анімалізм, у нашому розумінні, – це назви тварин, птахів, риби, комах).

Анімалізм як складники фразеологічних одиниць відображають багатовікові спостереження представників етносу за зовнішнім виглядом і поведінкою тварин, передають їхнє ставлення до них, що відповідно виявляється у мові народу. Особливо показовою з цього погляду є частотність слів-анімалізмів у складі фразем.

Аналіз компонентної структури зафіксованих словниками фразеологізмів [Вовнова і др. 1987]; [Фразеологічний словник... 1999] дозволив встановити наступні ієрархії. В українській мові у складі фразеологізмів найчастіше трапляються такі анімалістичні компоненти: собака (47), муха (27), вовк (20), кінь (16), коза (12), віл (12), миша (12), свиня (12), курка (12), півень (11), кіт (10) тощо. У російській мові ця частотність виглядає так: собака (пес) (18), муха (14), кот (кошка) (8), коза (козел) (7), курица (6), волк (5), ворон (ворона) (5), конь (4), корова (4), мишь (3), свинья (3) тощо.

Резюмуючи, варто наголосити, що у фразеологічних одиницях домінують назви тих тварин, з якими найчастіше доводиться мати справу у побуті представників певної національної спільноти. Так, в обох мовах зовсім немає фразеологізмів з анімалізмами, скажімо, *жирафа*, *пантера*, *кобра*; лише у двох фразеологізмах відзначено анімалізм

слон (*слон на вухо наступив, робити з мухи слона*), а такі тварини, як лев та крокодил, увійшли у фраземікон обох мов завдяки сполукам: *крокодилячі сльози / крокодильи слезы, левова частка / львиная доля*. Трапляється, проте, що в одній з мов є фразеологізми з компонентом-анімалізмом, а у фраземіконі іншої його немає. Так, у російській є фразеологізм *реветь белугой*, українці ж цієї риби своєю увагою не вшанували.

Загалом українські та російські фразеологічні одиниці співвідносяться як повні еквіваленти, часткові еквіваленти, нееквівалентні відповідники й фразеологічні унікалії [Алефиренко 1990: 161].

У повних еквівалентах, або тотожностях, збігаються і будова, і значення: *ганятися за двома зайцями – гоняться за двумя зайцами; битися як риба об лід – биться как рыба об лед; кіт наплакав – кот наплакал* тощо.

У частині обстежуваних фразеологізмів української та російської мов виявляються функціонально несуттєві розбіжності, які зводяться до невідповідності їхнього компонентного складу. Ці розбіжності, можна думати, постали з таких причин: 1) компоненти фразеологізмів утворені від різних спільнослов'янських коренів; 2) в одній мові закріпився старослов'янське, а в другій – східнослов'янське; 3) в одній мові закріпився питомий, а в іншій – запозичений елемент; 4) фразеологізми уміщують співвідносні компоненти, які перебувають у певних лексико-семантичних відношеннях. Такі фразеологізми часто називають частковими еквівалентами: *лякана ворона й куца боїться – пуганая ворона и куца боится; мудрі, як змії, і лагідні, як голуби – мудрые, как змеи, и кроткие, как голуби*.

Нееквівалентними відповідниками (міжмовними фразеологічними синонімами) називають одиниці, що мають приблизно однакову семантику, але різну будову: *на муху з обухом – на комара с рогатиной; в'юном зиватися – извивается ужом; далеко куцо до зайця – далеко кулику до Петрова дня*.

Фразеологічні унікалії – це безеквівалентні одиниці, структурно і семантично притаманні лише одній мові. Таких фразеологізмів з компонентом-анімалізмом нами в досліджуваному матеріалі не виявлено.

Семантика фразеологізмів з анімалізмами в обох мовах здебільшого збігається. Скажімо, кінь є символом працьовитості, характеру, сили, здоров'я, віку, а також символом товару.

Зіставлення фразеологізмів з анімалістичним компонентом української та російської мов дає підставу до висновку, що в них домінують повні еквіваленти й нееквівалентні відповідники; значна частина обстежуваних одиниць відзначається схожістю в предметно-понятійному й образному аспектах.

Література

- Алефиренко Н. Ф.* Сравнительно-сопоставительное изучение фразеологии русского и украинского языков // Проблемы межпредметных связей в условиях билингвизма: Тезисы доповідей. Дрогобич, 1990. С. 160–161.

Жуков В. П. Русская фразеология: Учебное пособие для вузов. М., 1986.

Вовнова Л. А. и др. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.

Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. К., 1971.

Фразеологічний словник української мови / Укладачі В. М. Білоноженко, В. О. Винник та ін. Кн. 1–2. К., 1999.

Концепты библейского истока в славянской и мировой культуре.

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет (Саратов, Россия)

Библия, концепт, прецедентная ситуация

Аннотация. В экспликации концептов Библейского истока отмечаются как универсальные, так и национально-культурные смысловые кванты. Библейские концептосферы способствуют осознанию славянской этнодуховности как неотъемлемой части общего евразийского культурного пространства.

Текст Библии неоднократно становился объектом пристального филологического анализа. В качестве исходных и основных единиц анализа выбраны прецедентный феномен и концепт – минимальная мыслительная единица, к которой может быть сведена прецедентная ситуация. Концепт представляет для нас интерес в первую очередь как многослойное образование, имеющее как понятийный уровень, так и культурные слои, в том числе образный и символический.

При рассмотрении библейских текстов мы стремились с максимальной полнотой проследить путь от познания предметной сферы, отраженной в Библии, к воплощению этой реальности в слове и тексте. Предметно-тематическая классификация библейской лексики выполняет функцию подосновы концептуального анализа и помогает раскрыть понятия о материальных и духовных ресурсах народа, явившегося создателем Библии, на базе выделения ряда тематических групп.

Концепты библейского истока формируются в рамках соответствующей прецедентной ситуации, образуя ее когнитивную матрицу. При чрезвычайной неоднородности этих концептов можно отметить универсализм их экспликации, а также национально-культурные смысловые кванты. Приведем примеры.

В восточнославянских языках семантические сдвиги, затронувшие семантику номинанта концепта «содом», выдвинули на первое место значение «шум, беспорядок»; метонимическое значение, восходящее непосредственно к библейской ситуации (грех определенного рода, которому предавались жители Содомы), также сохранило свою концептуальную значимость, что отчетливо видно при анализе гнезда производных слова содом. Таким образом, лексема «содом» вербализует как концептосферу «беспорядок», так и концептосферу «грех, разврат».

В русской, в особенности в диалектной речи зафиксировано огромное количество употреблений слова-имени концепта. По данным словаря Даля эти употребления не связаны с концептуальной основой «грех», т. е. непосредственно с библейской ситуацией, ср. *Это не дом, а содом; За содомом гостей не останется поглотать и костей; Слышь, в кабаке содомят как!* (= шумят) и т. д. В украинском: *Біля Наумишиної хати – содом. Вогонь обхопив стодолу, стіжки, перекинувся на хату* (М. Коцюбинский). *Доки балакаємо, уже може з Князівки содом та гоморру зробили* (А. Головка). Ср. также в белорусском: *Содом. Разг. Гармидар, вэрхал, садом*.

Этот семантический процесс не затронул западноевропейские языки, включая западнославянские. Концепт «содом» сохранил более четкую связь с генерировавшей его библейской прецедентной ситуацией, поэтому в толковании значения номинанта актуализирована сема «грех, греховность», ср. в польском *Sodoma i Gomora – 'siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności'*. В поэтическом тексте К. И. Галчинского *jeden z Sodomy i Gomory (один из Содомы и Гоморры, один из содомлян) – 'грешный, слабый человек'* («Notatki z nieudanych rekolekcji parayskich»).

В английском *Sodom – 'a sinful wicked place'*. Производные (англ. *sodomy* и т. п.) также характеризуют один из тяжчайших грехов.

При рассмотрении ключевых концептов ситуации «Руфь» (Книга Руфь) нетрудно заметить, что истоки зарождения

новых концептосфер («трудолюбие», «скромность») генерируются микроситуацией «Руфь, собирающая колосья». По количеству прецедентных обращений и значимости для художественного дискурса ее можно сравнить с ситуацией «Иона в чреве кита» (Книга пророка Ионы. Характеристики Руфи как *скромной, кроткой* имеют опосредованную ассоциативную связь с библейским претекстом (*Руфь, собирающая колосья – трудолюбивая – скромная*), однако эти концепты находят вербализацию в художественной картине мира разных авторов, что подтверждает их универсализм. Можно лишь отчасти согласиться с предположением С. Тер-Минасовой о том, что, «чтобы уяснить смысл <...> отрывка из рассказа Д. Х. Лоуренса («Jimmy And The Desperate Woman»)), нужно иметь обширные фоновые знания: знать, что в данном обществе включается в понятие «женственной женщины», уметь разобраться в литературных и библейских аллюзиях (обусловленность культурой данного говорящего коллектива)» [Тер-Минасова 2004: 32]. Приведенные Лоуренсом прецедентные имена *Tess of the D'Urbervilles, wistful Gretchen, humble Ruth gleaning an aftermath* обладают, по нашему мнению, неодинаковой степенью прецедентности; при этом *Руфь (Ruth)* во всех европейских языках подходит под определение *womanly woman* и может быть охарактеризована (и в ряде текстов характеризуется) как *скромная (humble) и кроткая*:

Не нянькины сказки, а полные смысла прямого ведутся у Иовы беседы. Читает она здесь из Плутарха про великих людей; говорит она детям о матери Вольфганга Гете <...> читает и про тебя, кроткая Руфь, обретшая себе, ради достоинств души своей, отчизну в земле чуждой (Н. Лесков. Островитяне)

Вифлеем – жизнь, воздух, солнце, плодородие; его тесно насыпанные по холмам палевые кубы смотрят на восток, на солнечно-мглистые дали Моавитских гор, от которых некогда пришла кроткая прамактерь Давида Руфь (И. Бунин. Иудея).

Анализируя библейские образы в творчестве Мауриция Шимеля, И. Лисек также подчеркивает, что Руфь в поэме «Идиллия» («Sielanka») можно охарактеризовать как женщину, отличающуюся *смирением, кротостью, молчаливостью (pokora, cichość)* [Lisek 2000: 197].

Установление внутренней динамики и исторических судеб концептов и прецедентных феноменов библейского истока в филологической традиции – сама по себе чрезвычайно важная и актуальная проблема. Ее решение позволяет рассмотреть значительный пласт лексики под новым углом зрения в парадигме библейской прецедентности, глубже осмыслить закономерности эволюции внутренней формы библейских концептов на русской почве, их роль в формировании литературных языков, отчетливее увидеть органическую связь лексики с исходными концептами библейского истока и в конечном итоге – лучше понять специфику славянской этнодуховности как неотъемлемой части общего евразийского культурного пространства, ориентированного на библейскую концептосферу.

Литература

Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

Lisek J. «Dziadowie moi!»: O postaciach Biblijnych w poezji Maurycego Szymła // Studia Judaica. 3. 2000. Nr 2(6).

Об отражении этнокультурного сознания в славянской онимии (хрононимы русского, украинского и болгарского языков)

К. В. Першина

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Оним, хрононим, референт, признак номинации

Аннотация. Рассматриваются принципы проприальной номинации отрезков времени в русском, украинском и болгарском языках.

Имена собственные, как и имена нарицательные, возникают в рамках определенного этнокультурного сознания. В каждом классе онимов (антропонимах, топонимах, эргонимах и др.) так или иначе отражается характер осмысления соответствующей этнической общностью природы именуемого референта. Включенность именуемого референта в определенное концептуальное поле известным образом ограничивает и направляет выбор признаков номинации, лексической производящей базы, словообразовательных ресурсов.

Хрононимы (проприальные именование отрезков времени) вербализуют один из ракурсов восприятия человеком времени – его дискретизацию, осуществляемую в рамках конкретной календарной или летосчислительной системы. Иначе говоря, с помощью хрононимов носители языка начинают определенные компоненты восприятия астрономического и исторического времени. Данное предназначение хрононимов носит универсальный, общечеловеческий характер. Отмеченное переживание времени отражается в структуре хрононимов анализируемых языков путем введения в нее существительных *день, вечер, неделя*, названий дней недели (*суббота, воскресенье* и др.), месяцев. Ср.: рус. *Михайлов день, Сустретьев день, День Победы, Васильев вечер, Лазарева суббота, Вербное воскресенье, Светлая неделя, Восьмое Марта, Первое Мая*; укр. *Великдень, Казанський день, День Шахтаря, Щедрий вечір, Вербна неділя, Чистий четверг, Перше Травня*; блг. *Никулден, Йордановден, Бабинден, Международен женски ден, Велика събота, Бъдни вечер, Страстната седмица, Първи май*.

В хрононимах, в отличие от апеллятивных обозначений отрезков времени (типа *вечер, сутки, месяц, год*), реализуется / актуализируется представление о единственности, неповторяемости данного отрезка времени либо в рамках годового круга (рус. *Новый Год*, укр. *Маланка*, блг. *Сурва*), либо на линии исторического времени (рус. *Античность*, укр. *Середньовіччя*, блг. *Освобождението*).

Во всех трех языках референтами хрононимов выступают одни и те же отрезки астрономического времени: сутки – рус. *День Победы, Яблочный Спас*, укр. *Восьме Березня, Друга Пречиста*, блг. *Нова Година, Гергьовден*; недели – рус. *Страстная*, укр. *Великодня*, блг. *Сирница*; другие промежутки времени, превышающие сутки, – рус. *Святки*, укр.

Петрівки, блг. *Трифунци*; вечера – рус. *Васильев вечер*, укр. *Щедрий вечір*, блг. *Бъдни вечер*. Хрононимы, связанные с историческим временем, делятся на две группы: а) отражающие общеевропейский масштаб членения исторического времени – рус. *Античность, Средние Века, Ренессанс*; укр. *Античність, Середні Віки, епоха Відродження*; блг. *Критомикенската епоха*; б) отражающие членение исторического времени в пределах национальной истории – рус. *Смута*, укр. *Коліїщина*, блг. *Възраждане*.

Хрононимы во всех трех языках свидетельствуют о том, что дискретизация времени в процессе его переживания человеком органически объединена с качественным наполнением выделяемых отрезков времени. Отбор качественных характеристик времени определяется религиозно-мировоззренческими и культурно-цивилизационными факторами. Так, хрононимы, дискурсной средой которых является народный календарь, отчетливо и последовательно отражают, с одной стороны, земледельческий характер культур трех народов, а с другой стороны, христианское литургическое освящение течения времени. Указанное обстоятельство обуславливает структурную двукомпонентность значительной части хрононимов: первый компонент отражает место отрезка времени в литургическом круге, а второй – в годовом. Соотнесенность отрезка времени с литургическим кругом выражается путем использования в качестве производящих единиц агонимов, а соотнесенность с годовым кругом – путем использования апеллятивов, обозначающих различные состояния природной среды или те или иные стадии хозяйственной деятельности. Ср.: рус. *Евдокия-плющича, подмочи порог, свистунья, весновка, замочи подол; Марья-зажги снега, заиграй овражки, пустые щипы; Еремей-распрягальник, повесть сетево*; укр. *Глиkerія-гречкосійка, Пантелеймон-паликоп, палій, Пархом-теплогрій*; блг. *Трифон Зарезан, Южници-Верижници*. Подобные хрононимные единицы более характерны для русского языка.

Наряду с отмеченными двукомпонентными названиями наблюдаются и такие, в которых эксплицируется только один вид соотнесенности: а) с литургическим кругом – рус. *Крещение, Богоявление*; укр. *Перший Снас, Друга Пречиста*; блг. *Йордановден, Опроцението*; б) с годовым кругом – рус. *Соловьиный день*, укр. *Блискивиці*, блг. *Запалена неделя*.

Семантическая история слова-концепта *красота* как отражение этнокультурного сознания (на материале русского языка)

М. В. Пименова

Владимирский государственный гуманитарный университет (Владимир, Россия)

Ментальность, слово-концепт, аксиология, диахрония

Аннотация. В докладе представлена отражающая этнокультурное сознание русского народа семантическая история слова-концепта *красота*.

Под **этнокультурным сознанием** (или ментальностью) мы вслед за В. В. Колесовым понимаем мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Основной единицей ментальности большинство исследователей признает **концепт**, однако многочисленные определения данной лингвистической единицы или отождествляют ее с тем или иным существующим термином (**понятием, значением, смыслом, этимолом, словом**), или представляют при помощи образного выражения – метафоры («**ступок культуры**»). Подобные дефиниции, на наш взгляд, не дают представления о месте данного феномена в языковой системе.

Мы понимаем концепт как **единицу эмического уровня** (сопоставимую с фонемой, лексемой, морфемой и др.), ко-

торая на этическом уровне репрезентируется при помощи сигнификата (содержания и объема понятия), лексического значения и внутренней формы слова (способа представления внеязыкового содержания).

«Дописьменной историей концепта», по образному выражению Ю. С. Степанова, является этимон, а слово-концепт представляет собой конечную форму развития этимона и, соответственно, предельную форму развития концепта.

Рассмотрим семантическую историю слова-концепта *красота*, отражающую мирозерцание русского народа в формах родного языка.

Праслав. *krasa, как отмечает О. Н. Трубачев, является не имеющим прямых соответствий в других индоевропейских языках отглагольным именем, восходящим к праславянским глаголам *krēsiti ('оживлять, освежать, воскрешать') и *kresati ('высекать искру, создавать огонь'). Этимон *kras-

ассоциируется с положительными признаками, связанными с природной таксономией дискретных объектов (возобновление и поддержание жизни). Образованное при помощи суффикса *-ota* праславянское общее имя **krasota* сохраняет синкретичное значение этимона, выступая в значениях, выражающих различные мелиоративные свойства: 'прекрасный, хороший, милый', 'красота, прелесть', 'наслаждение', 'украшение, гордость' и под.

В древнерусских переводных и оригинальных памятниках на синтагматическом уровне (в рамках минимальных единиц текста – синтагм, при помощи которых осуществляется, с одной стороны, сужение и конкретизация лексического значения, с другой стороны, расширение его лексического выражения) существительное *krasota* эксплицирует разнообразные аксиологические значения.

Так, в сочетании с абстрактными существительными слово *krasota* эксплицирует общеоценочное значение, например: «и оубо иудѣомъ, и знамении показание. *заповѣди красота* на пагоубоу» [ПНЧ 1296: 163 об.]. Кроме того, анализируемая единица актуализирует частную оценку сублимированного типа: свойство положительного нравственного чувства. Например: ('достоинство, добродетель') «нъ паче намъ си *духовная красота*, праздници святии, веселяще вѣрныхъ ср(д)ца, и душа освящающе» [КТур XII, сп. XIV: 25]. Существительное *krasota* выражает также частнооценочное значение сенсорно-психологического типа: свойство мелиоративного эмоционального состояния. Например: ('доставляющий радость, удовольствие') «погубить *м(о)литвѣною красоту* помѣние гнѣвное» [Изб 1076: 56].

В значительном количестве контекстов *krasota* выражает сублимированное значение эстетической оценки. Например: ('красивая, привлекательная внешность') «и всѣ (х) [жен] *красоту* възложити на едину. та будетъ ему жена» [ЛЛ 1377: 27 об. – 986]. *Krasota* в сочетании с предметными существительными (*стѣны, вѣнецъ, церковь, храмъ*) и с глагольными формами (*украши, устройи* и под.) на синтагматическом уровне эксплицирует эстетическую оценку объектов, созданных руками человека. Например: ('украшение, предмет украшения'; 'украсить') «Домъ Божии великии святии Его прѣмд(р)ти създа... юже всякою *красотою оукраси*» [Илар. Зак. Благ.].

Исследователи отмечают, что слово *krasota* / *krasa* использовалось в значении эстетической оценки во всех славянских языках, причем это значение остается основным для большинства славянских языков и в наше время, ср.: болг. *krasota*, сербохорв. *krasota*, чеш. *krása*, польск. *krasa*, в.-луж. *krasa*, н.-луж. *křasa*, белорус. *krasá*, укр. *krasota*.

В русских диалектах слово *krasota* выражает не аксиологические («признаковые»), а различные дескриптивные («предметные») значения, связанные, главным образом, со свадебным обрядом: *krasota* – 'головной убор девушки, невесты в виде повязки из парчи, расшитой золотом, с позументами и лентами' (Яросл., Печор., Приангар.), *krasnaia krasota* (Север., Вост., Ленингр.), *krasota* (Иркут., Новг.).

В XVIII–XIX вв. осуществляется постепенное формирование на парадигматическом уровне родовых понятий. За словом *krasota* закрепилось указание на свойства объекта с точки зрения частной оценки – эстетического идеала. Родовые наименования для прочих понятий, выражаемых словом *krasota* в донациональный период, сформировались на основе других корневых групп: общеоценочное значение закрепилось за прилагательным *horosii*; сублимированное этическое значение – за существительным *dobrota*; сенсорное эмоциональное значение – за существительным *radost*.

В современном русском языке слово *krasota* выражает положительное значение эстетической оценки ('свойство по значению *krasivii*', 'совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; все красивое, прекрасное' и под.). Однако в устойчивом сочетании (т. е. на синтагматическом уровне) слово *krasota* сохраняет прежнее значение этической оценки – *душевная красота*, а в функции междометия, выражающего восхищение, удовольствие, – значение эмоциональной оценки («Погуляли, искупались. Красота!»). Кроме того, слово *krasota* в современном русском языке может выступать не только в мелиоративном, но и в пейоративном значении в составе сочетания *vo vsei krasote (krase)* – 'перен. с обнаружением подлинного вида, со всеми недостатками (ирон.)' и *dla krasoty* – 'без особой надобности, в качестве украшения'.

Литература

- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 268.
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: В 10 т. М., 1988–1991. Т. 4.
Словарь русских народных говоров. Л., 1965–2004. Вып. 15.
Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965. Т. 5.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. и доп. 4-е изд. М., 2003. Т. 1.
Степанов Ю. С. «Слова», «Понятия», «Вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Этимологический словарь русского языка: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–23. М., 1974–1995. Вып. 12.

Языковая картина мира и языковое пространство в диалоге «язык – культура»*

Е. Ю. Позднякова

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

Языковая картина мира, языковое пространство, культура, языковое сознание

Аннотация. Языковая картина мира как объединяющее понятие, языковое пространство – как его часть, некоторая форма активации языковой картины мира, являют в совокупности часть семиосферы и входят в поле действия культуры, отражают взаимосвязь «язык – культура».

1. Язык, являясь наиболее важным продуктом культуры, властвует над мышлением, а различные языки заставляют своих носителей по-разному конструировать реальность. Этот тезис говорит о том, что язык уже в своей структуре содержит элементы, глубоко специфичные для мироздания конкретного народа. По Л. Витгенштейну, язык налагает логическую «сетку», которая детерминирует определенный способ конструирования картины мира в сознании. Этой «сеткой» является способность сознания к репрезентации, которая обуславливает разное восприятие мира у разных людей и у разных народов. Еще В. фон Гумбольдт указывал на то, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый (говорящий) по-своему ее создает...» [Гумбольдт, 1985: 349], в языке отражается определенная, характерная для каждого народа языковая концептуализация мира, спе-

цифичная для каждого языка и обуславливающая особенности культуры данного народа.

2. Язык не просто отражает действительность: для человека, пользующегося языком, весь мир заключен в языке – «бытие, которое может быть понято, есть язык» (Х.-Г. Гадамер). Человека не существует вне языка, «язык – это дом бытия» (Хайдеггер), но также человека не существует вне времени и пространства, причем эти категории оказываются неразделимо связаны, «спаяны» между собой. По мнению Л. Б. Лебедевой, «пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две опоры. Это, во-первых, субъект сознания – “я”, всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него» [Лебедева 2000: 93].

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-2572.2008.6.

3. Соотношение реального (объективного) пространства и языкового пространства не является таким простым, как кажется на первый взгляд. При осмыслении высказывания важен способ восприятия мира, а не действительное положение вещей – «пространство и время релятивизированы вглядом говорящего на мир» [Апресян 1995: 639]. Многие исследователи называют антропоцентричность одним из основных свойств пространства: «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак 1998: 670], что характерно и для языкового пространства.

4. Картина мира связывает язык и сознание, возникая в процессе репрезентации человеком окружающей действительности, она выражает специфику его бытия, его взаимоотношений с миром. Картина мира, эксплицированная средствами языка и отраженная в языковом сознании его носителей, – это языковая картина мира. Исходя из вышесказанного, определим языковое пространство как форму построения единой языковой картины мира, существующей в языковом сознании носителей языка, складывающейся из совокупности речевых произведений-текстов и образного поля, выступающих как часть действительности, ориентированная прежде всего на понимание, и одновременно как коммуникативная реализация отношения человека к миру.

5. Языковое пространство как «пространство предметов и смыслов» (по В. П. Зинченко) существует в языковом сознании говорящих. В широком понимании языковое пространство предстает как некая объективная «форма существования языка», зафиксированного в устных и письменных произведениях горожан, т. е. в языковом материале. В более узком понимании языковое пространство включает в себя образ реального пространства, существующий в языковом сознании носителей языка. Языковое пространство, с одной стороны, – это пространство существования языка, с другой – отражение реального пространства в языковом сознании говорящих.

6. Если исходить из тезиса о том, что языковая картина мира – это вербализованный образ мира, это картина мира, запечатленная в основных своих фрагментах в языке – языковых единицах, словах, значениях, текстах и пр., то можно признать, что языковое пространство является частью некой общей языковой картины мира. Языковое пространство и языковую картину мира объединяет то, что они релятивизированы позицией говорящего субъекта, отсюда вытекают их общие черты – антропоцентричность, коммуникативность и пейоративность. И языковое пространство, и языковая картина мира существуют в языковом сознании говорящих, а основной формой их объективации являются тексты. Тексты же являются неотъемлемой частью культуры.

7. Ю. М. Лотман рассматривает культуру в целом как текст, однако подчеркивает, что это «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов» [Лотман 2001: 72]. Все пространство культуры Ю. М. Лотман объединяет в семиосферу – «и результат, и условие развития культуры». Семиотическое пространство включает в себя и пространство языка (языков), и пространство культуры. И языковое пространство, и языковая картина мира погружены в семиотику культуры. Языковая картина мира как объединяющее понятие, языковое пространство – как его часть, некоторая форма объективации языковой картины мира, являют в совокупности часть семиосферы и входят в поле действия культуры, отражают взаимосвязь «язык – культура».

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995.
 Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
 Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
 Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
 Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001.

Концептуальные смыслы компонента *кровь / кроў* в русской и белорусской фразеологии

С. М. Прохорова

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Концептуальный смысл, концептуализация, профилирование компонентов фразеологизма

Аннотация. Предлагается профилирование концепта *кровь / кроў* в русской и белорусской фразеологии.

Фразеология является одной из основных частей наивной картины мира. Концептуализация выявляется через профилирование концепта – компонента фразеологизмов.

Предметом рассмотрения являются фразеологизмы с компонентом *кровь / кроў* в русском и белорусском языках. Этимологи считают слово *кровь* (форма вин. п. ед. ч. от *кры*) общеславянским словом индоевропейского характера.

Количество фразеологизмов с компонентом *кровь / кроў* в русских и белорусских словарях примерно равное, фразеологические словари русского и белорусского языка приводят около 40 фразеологизмов (белорусские – 35, русские – 34 и 39, толковый академический словарь в словарной статье *кровь* – 40). Материал извлекался из словарей: [Лепешаў 1993]; [Фразеологический словарь русского языка 1967]; [Фразеологический словарь русского литературного языка 1997]; [Словарь современного русского литературного языка 1956].

Почти все приведенные в словаре белорусские фразеологизмы полностью совпадают с русскими как по значению, так и по структуре.

В составе русских и белорусских фразеологизмов с компонентом *кровь / кроў* развиваются следующие концептуальные смыслы:

1. Основная жидкость в организме, наличие которой поддерживает жизнь: *лить (проливать) кровь / ліць кроў, пить кровь / піць кроў, обливаться кровью / аблівацца кроўю, умываться (умыться) кровью / умывацца кроўю, кровь льется (прольется) / кроў льецца (пральецца)*. Значения этих фразеологизмов связаны с жизнью или смертью, жизненными испытаниями, ранениями и т. п. В нескольких фра-

зеологизмах компонент выступает в основном значении ‘кровь’: *до последней капли крови / да апошняй кроплі (каплі) крыві, кровь из носа (носа) / кроў з носа*.

2. Жидкость: *кровь кипит (закипает) в жилах / кроў кіпіць (кіпела) у жылах; кроў закіпела (закіпае) у жылах; кровь леденеет / кроў ледзянее; кровь стынет в жилах / кроў у жылах стыне (застыла)*. Значения таких фразеологизмов связаны с эмоциями, чувствами, внутренней силой.

3. Кровь как часть природы, в т. ч. море: *кровь отхлынула от лица / кроў адхлынула (адышла, адліла) ад твару – ‘побледнеть’; кровь прилила к лицу / кроў прылівае (прыліла) да твару – ‘покраснеть’; наливать (налиться) кровью / налівацца кроўю – ‘сильно покраснеть’*. Значения фразеологизмов связаны с сильными эмоциями.

4. Огонь: *кровь горит / кроў гарыць у жылах*. Значение связано со страстями.

5. Живое существо, самостоятельно существующее в человеке: *кровь играет / кроў іграе (зайграла); кровь бросилась в голову / кроў кінулася (ударыла) у твар; кровь ударила в голову / кроў ударила у галаву*. Значения связаны с внутренней жизнью человека – с сильными волнениями, переживаниями и т. п.

6. Родственные узы, происхождение: *своя кровь / свая кроў; кровь от крови / кроў ад крыві; голубая кровь / блакітная кроў*. Сюда же можно отнести *кровь за кровь* в значении ‘месть’ в оппозиции своей – чужой.

В рассматриваемых языках можно, раздражаясь, *портить себе (кому-л.) кровь / псаваць (каму) кроў*; о человеке здоровом, с хорошим цветом лица говорят *кровь с молоком / кроў з малаком*.

И в русском и в белорусском языке *потом и кровью / по-там и крою* характеризуются тяжелый труд, тесно связаны *кровь и плоть / плоть и крою*.

В русском языке больше фразеологизмов с концептуальным смыслом *родственные связи: родная кровь, по крови, древней крови, царской крови*, в т. ч. о животных: *чистой крови (чистых кровей), породистой крови*; компонент *кровь* принимает смысл *национальность: в ком-то течет кровь*; *кровь* может уподобляться чернилам: *писать кровью сердца*, реке или ключу, фонтану: *кровь льется (течет) рекой, ключом*; больше фразеологизмов со смыслом *живое существо: кровь заговорит (заговорила), кровь играет в жилах, кровь разыгралась (расходилась)*. Не встретились в белорус-

ском языке фразеологизмы *малой кровью; на крови*. Отличает белорусский язык от русского фразеологизм *заливаць кроў за скуру*. Но большинство фразеологизмов в двух языках совпадает.

Литература

- Лепешаў Г. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Минск, 1993.
 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
 Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. М., 1997.
 Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; Л., 1956.

«Хлеб-соль» в славянской языковой и культурной традиции

К. В. Пьянкова

Уральский государственный университет (Екатеринбург, Россия)

Славянская этнолингвистика, диалектология, традиционная культура

Аннотация. В докладе на материале славянских языков и народной культуры рассматривается предметный и вербальный комплекс «хлеб-соль». Ставится вопрос о знаковом статусе этой пары в обряде и вербальных текстах, изменении смысловой наполненности этого образа в зависимости от формы воплощения (предметная или словесная), семантических отношениях внутри комплекса.

Образ «хлеба-соли» является одним из наиболее популярных и заметных маркеров традиционной восточнославянской культуры, хотя, несомненно, встречается и в народных верованиях, медицине, семейных, сельскохозяйственных и скотоводческих обрядах западных и южных славян. Несмотря на, казалось бы, ясную символику «хлеба-соли», представляются не до конца решенными вопросы о знаковом статусе этой пары в обрядовых и вербальных текстах, форме воплощения, в которой существует «хлеб-соль» (предметный или словесный комплекс), изменении смысловой наполненности этого образа в зависимости от формы воплощения, а также семантических отношениях внутри комплекса.

Хлеб и соль (как предметы) могут функционировать в обряде в следующих вариантах:

- наряду с другими предметами, обладающими подобными или «взаимодополняющими» функциями (при этом хлеб и соль не выделены из предметного ряда). Например, на Гомельщине для защиты ребенка от нечистой силы в колыбель клали хлеб, соль, уголек и кусочек железа;
- наряду с другими предметами, но семантически им противопоставляясь и приобретая общее для пары значение. Например, в одном полесском гадании на крест кладут соль, хлеб, уголь и «печинку» и держат над ними иголку на нитке с кусочком хлеба на острие. Если иголка качается между хлебом и солью – к добру; между углем и «печиной» – к беде. В Сербии перед Джурджевданом девушка складывала в свой опанак немного хлеба, соли, воды, жира и т. п. и говорила: «Ко је мој суђеник, нека дође вечерас код мене; ако је глдан, ево му леба и соли...» [Мијатовић 1907: 105];
- самостоятельно, без контекстных «партнеров»: например, в Прикамье с хлебом и солью выгоняли скотину в Егорьев день; в Вологодской и Костромской губерниях при рукобитье ближайшая родственница трижды обносила вокруг рук хлеб с солью или икону.

Помимо объединения хлеба и соли на акциональном уровне, формируется вербальное единство «хлеб-соль» и развивается новая языковая семантика (не равная простой сумме значений *хлеба* и *соли*). Если, например, в укр. поговорке «Мені не багато треба: солі кусок, хліба шматок, та горілки чарка» [УПіП 2006: 326] хлеб, соль и горилка называют «сами себя», то в выражениях «Спасибі за хліб, за сіль, за кашу, за милість вашу!» [УПіП 2006: 323], «В добрых людях хлеб-соль заемное дело» [Архив...1854–1855: 87] ощущается семантический сдвиг «хлеб и соль» → «пища вообще».

Во многих славянских языках *хлеб* и *соль* входят в состав фразеологизмов, ср. серб. *хлеб и со* 'обозначение основной человеческой пищи', 'символ гостеприимства' [РСХЈ 1973: 910], чеш. *uvívat chlebet a solí* 'встречать с хлебом и солью' [ЧРС 1976], однако только в восточнославянских языках *хлеб* и *соль* образуют «парное» слово *хлеб-соль*, ср. укр. *хліб-сілі* 'хлебосольство, радушие' [Гринченко 1907–1909, I: 401], рус. *хлеб-соль* 'угощение'. Исключительно в восточнославян-

ских языках на базе сущ. *хлеб-соль* формируются производные типа рус. *хлебосольство* 'радушное угощение', *хлебосольница* 'гостеприимная хозяйка', укр. *бувати у хлібосолі* 'водить компанию' [Гринченко 1907–1909, I: 402].

Кроме формального объединения сущ. *хлеб* и *соль* происходит изменение их семантики. При этом языковые значения *хлеба-соли* (см. выше) в основном не совпадают с семантикой культурной, складывающейся из суммы функций хлеба и функций соли: в обрядах «хлеб-соль» – это прежде всего оберег, жертва, символ достатка и благополучия. Например, в Польше беременная женщина, идя на тыжелую работу, брала с собой хлеб и соль, чтобы избежать выкидыша (т. е. в качестве оберега). В день Ивана Крестителя украинские крестьяне отдавали хлеб и соль, лежавшие под образами от «багатої куті», скотине, чтобы «плідна була». Из функций оберега и символики достатка, благополучия складывается роль хлеба и соли в свадебном обряде, в котором хлеб-соль является знаком благословения новобрачных родителями (после венчания молодых встречают с хлебом-солью).

Рассматривая динамику смены статуса «хлеба-соли» (от предметного к вербальному) можно утверждать, что первичным является функционирование хлеба и соли в обрядах, затем на базе их символики, характерной для свадебного обряда, сформировалась языковая единица *хлеб-соль* со специфической семантикой. Здесь любопытно соотносить географическое распространение свадебного обряда встречи молодоженов с хлебом-солью (и вообще появление хлеба-соли на разных этапах свадебного обряда) и функционирование *хлеба* и *соли* в составе идиом или как «парного» слова *хлеб-соль* со значением 'угощение', 'гостеприимство' и т. п. Во всей славянской традиции встречается употребление хлеба и соли в различного типа обрядах, однако на свадьбе хлеб и соль появляются преимущественно у восточных славян (менее активно – у западных и южных славян: например, болгары и сербы встречают новобрачных хлебом и вином). И именно в восточнославянской традиции широко распространены выражения типа *встречать с хлебом и солью*, *хлеб-соль* 'пища', 'угощение', 'гостеприимство', 'дружеские отношения'. Генетическая связь *хлеба-соли* со свадебным обрядом представляется тем более возможной, что важный этап свадьбы – это встреча молодоженов, потчевание гостей, а языковая семантика *хлеба-соли* как раз сконцентрирована вокруг мотива встречи и угощения, ср. укр. *виходити з хлібом-сіллю* 'торжественно встречать кого-л.' [Ужченко, Ужченко 2000: 210].

В заключение хочется отметить, что формулу *хлеб-соль* не стоит, как это иногда делается, рассматривать в ряду таких дублетов, как *тоска-кручина*, *гуси-лебеди* и т. п. (которые являются элементарными ассоциативными комплексами «синонимического» типа), поскольку она характеризуется особыми, комплементарными отношениями между «партнерами», имеет иную генетическую природу (формируется в рамках обряда), иную функциональную нагрузку (представлена

как в поэтических текстах, так и в обряде) и иную жизнь в системе языка (ни от одного из классических «дублетов» не образуются семантико-словообразовательные дериваты).

Литература

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. 1–4. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Кн. 2 (2). М., 1854–1855.

Мијатовић М. Обичаји српског народа из Левча и Темнића // СЕЗБ. Књ. 1. Београд, 1907. С. 1–169.

Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 5. Нови Сад, 1973 (= РСХЈ).

Ужченко В., Ужченко Д. Фразеологічний словник східнослов'янських і степових говірок Донбасу. Луганськ, 2000.

Українські прислів'я і присказки. Харків, 2006 (= УПІП).

Чешско-русский словарь. Т. 1. М., 1976. (= ЧРС).

К проблеме отражения в тексте русской языковой личности*

Н. В. Сайкова

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Лингвоперсоналогия, русская языковая личность, метатекст, стратегия метатекстовой деятельности

Аннотация. В докладе представлены реконструированные на основе вторичных текстов разные стратегии построения вторичного текста, которые напрямую связаны с разным качеством языковой способности создавших их носителей языка и позволяют выделить разные типы языковых личностей по характеру их метаязыковой деятельности.

С целью изучения отражения в тексте различных качеств русской языковой личности была проведена серия экспериментов по созданию вторичного текста, задание было намеренно сформулировано максимально широко: *по предложенному тексту* (монолог князя Мышкина о смертной казни) *напишите вторичный текст* (т. е. текст, созданный на базе другого текста). Полученный материал дает основание для решения ряда лингвистических проблем: степень метаязыковости при создании текста, проблема объекта метаязыковой рефлексии носителей русского языка, соотношение наивного и профессионального метаязыкового сознания в процессе выполнения задания, влияние степени обученности языку (школьного, вузовского образования), соотношение национального, коллективного и индивидуального сознания, стандарта и творчества и т. д.

Таким образом, вторичный текст выступает для нас как метатекст, т. е. текст о тексте, в котором эксплицитно и имплицитно, осмысленно, сознательно и интуитивно, качественно и количественно представлена о нем самая разнообразная информация, причем сама эта информация детерминирована не только и не столько первичным, исходным текстом (ведь он один), но и во многом обусловлена языковой личностью автора вторичного текста, а потому лингвоперсоналогический аспект ее описания и является для нас основным.

В результате анализа полученных экспериментальных данных намечены критерии типологизации русских языковых личностей: профессиональное – обыденное; «окультуренное» – природное; логическое – художественное, эгоцентризм – альтерцентризм, а настоящий доклад посвящен представлению разных способов метаязыковой деятельности носителей русского языка как результата реализации типологических свойств русской языковой личности.

В итоге выявлено, что вторичные тексты построены по 2 принципам: деривационному и детерминационному. Деривационный принцип текстопостроения предполагает отношения включения (полного или частичного) первичного текста во вторичный при определенной степени инноваций формального, семантического и / или функционального плана. Этот принцип является основным при создании изложений, в результате его реализации появляются тексты, в разной степени эквивалентные исходному, рефлексия носителей языка при этом минимальна. Детерминационный принцип текстопостроения такого включения не предполагает, первичный текст во многом (а именно формально, семантически и / или функционально) предопределяет появление вторичного, который, однако, не тождественен и не эквивалентен исходному, а потому при реализации именно этого принципа в полной мере реализуется метаязыковая рефлексия носителей языка по отношению к тексту.

Можно выделить две стратегии метатекстовой деятельности носителей языка: ономасиологическую и семасиологическую.

Ономасиологическая стратегия метатекстовой деятельности носителей языка основана на рефлексии языковой лич-

ности по поводу содержания текста, его темы. Сравнение разных текстов, являющихся результатом реализации ономасиологической стратегии текстопорождения, позволяет говорить о степенях метаязыковости в тексте, о шкале степеней обыденности, «наивности» и профессионализма в реализации данной стратегии, о действии эго- и альтерцентристской установок при осмыслении первичного текста и разворачивании вторичного.

Семасиологическая стратегия метатекстовой деятельности базируется на рефлексии по поводу формы, стиля, манеры повествования, причем сама эта рефлексия может носить как чувственный, интуитивный, так и рационально-логический характер. При этом рефлексия не всегда эксплицирована, но результат ее в тексте все же может быть представлен: авторы вторичного текста как бы перенимают стилистику Ф. М. Достоевского (повторы, сбивчивая речь, создающая ситуацию напряженного поиска истины), подражают ему, рефлектируя по поводу заданной первичным текстом темы, поэтому во вторичном тексте может быть представлен результат скрытой рефлексии (о факте ее наличия мы судим по косвенному проявлению – по качественным и количественным характеристикам созданного вторичного текста, который является ее опредмеченным вариантом).

Таким образом, в результате анализа материала выявляются разные стратегии построения вторичного текста: ономасиологическая и семасиологическая, которые напрямую связаны с разным качеством языковой способности создавших их носителей русского языка и позволяют выделить разные типы русской языковой личности по характеру их метаязыковой деятельности. Внутри каждой из стратегий выделяются тактики, которыми руководствуются в своей метатекстовой деятельности представители разных типов языковой личности.

В итоге можно сделать вывод, что разнообразие вторичных текстов обусловлено существованием обладающих разным качеством языковой способности разных типов языковых личностей, критериями выделения которых могут быть следующие:

- выбор жанра вторичного текста (изложение, сочинение-рассуждение, эссе, стилизация и т. п.) в связи с реализацией разных принципов текстопостроения (деривационного и детерминационного);
- степень креативности вторичного текста (копиальные и креативные);
- способ текстопостроения (ономасиологический и семасиологический) и коррелирующие с ним два типа сознания (континуальное и дискретное);
- выбор параметра подражания при создании стилизаций (подражание форме (внешней, внутренней), стилю, авторской манере повествования или продолжение авторской мысли присущему создателю вторичного текста способу повествования);
- установка на собеседника (эгоцентризм и альтерцентризм);
- способ познания мира и текста (чувственное и рационально-логическое).

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-2724.2008.6.

Причини многообразия вторичних текстів обумовлені об'єктивними і суб'єктивними факторами лінгвістического і екстралінгвістического характеру. Вышесказанное

может быть учтено при создании методик развития каждого типа языковой личности с учетом ее индивидуальных особенностей.

Лінгвокультурологічний аспект дослідження лексичних одиниць підмови ресторанного господарства та торгівлі

Л. Я. Сапожнікова

Харьковский государственный университет питания и торговли (Харьков, Украина)

Лінгвокультурологія, узус, валентність, деривація

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению украинского подязыка ресторанного хозяйства и торговли, истории вхождения некоторых лексем в украинский узус, заполнению лексико-семантических лакун, а также особенностям деривации и валентности.

Лінгвокультурологія – складна і багатоаспектна наука, в якій глибоко досліджуються як загальні, так і спеціальні поняття; розглядаються провідні напрямки: мова і культура, національно-культурна специфіка, концепт. Лінгвокультурологія займається комплексним підходом до вивчення елементів культури через мову, подає системний опис фактів взаємодії мови й культури. Саме тому ми дотримувались лінгвокультурологічного підходу, котрий полягає в описі матеріальних об'єктів культури (у нашому випадку напоїв) за допомогою номінацій певних реалій.

На думку С. О. Опаріної, матеріалом лінгвокультурології є живі комунікативні процеси, літературний, філософський, релігійний, фольклорний дискурси як джерела культурної комунікації. Вважаємо, що до цього переліку необхідно додати технологічний, котрий стосується сфери харчування, одиниці якого ми досліджуємо в науковій розвідці.

Як свідчать лінгвістичні роботи науковців, зокрема А. П. Коваль, В. І. Наулко, та інші дослідження, українська мова запозичила лексеми *чай, кава, коньяк, віскі, лікер* та інші й адаптувала їх до власних норм. Цьому процесу сприяли мови-донори та мови-посередники, а саме: китайська, арабська, французька, англійська, російська. Так в українській мові лексему *кава* було зафіксовано з арабської через турецьку та польську, а номінативну одиницю *чай* – з китайської через російську. Окреслені назви та їх похідні зазнали певних граматичних змін, унаслідок чого гармонійно поповнили ресурси однієї з мов спеціального призначення – української підмови ресторанного господарства та торгівлі.

Процес узуалізації мовних одиниць мав власну історію. Наприклад, лексема *кава* ввійшла до літературної мови внаслідок стягнення формальних номінативних варіантів (*кофе, кохве, кофій, кафа*). Стихійна узуалізація цього номена відбувалася протягом XVII–XIX ст. За свідченням Ю. Винничука, смакував каву Богдан Хмельницький, Пилип Орлик називав її «каффа», автор «Діаріуша» Яків Маркович у XVIII ст. згадував про напій «кагве». У селянському середовищі кава набула поширення тільки на початку XX ст., здебільшого в західних областях, бо існувала власна традиція споживання настоїв цілющих рослин: м'яти, звіробою, чебрецю, суніці.

Досліджувані одиниці підмови ресторанного господарства та торгівлі вступають у родо-видові відношення, утворюють нові поняття. Зокрема лексема *кава* є ядром словотвірного гнізда з такими дериватами: демінутиви: *кавонька, кавочка, кавуся, кавка, кавничка; кавовий*, рідше *кофейний* (ці лексеми етимологічно споріднені, але на рівні сучасного мовлення кофейний має ознаки суржика); *кавоварка* (апарат для приготування кави); *кавник* (посудина, в якій варять або подають каву); *кавомолка* (апарат для розмелювання кавових зерен); *кавувати* (пити каву, позначення теперішнього подовженого часу дієслова); *кав'ярня*, розмовне *каварня* (локатив); *кавоман* (людина, що занадто споживає каву); *кавоманія* (збірний іменник); композити: *кава-брейк* (процесив), *кава-бар* (локатив), *кава-крем* та *кава-айс* (мають семантико-прагматичну спрямованість – ідентифікацію змісту для споживача).

Щоб продемонструвати валентність лексеми *кава*, ми звернулися до позначення видів та способів приготування

досліджуваної реалії. Очевидним є те, що якісні та кількісні зміни валентності мовної одиниці позначаються на розширенні її семантичного навантаження. Ці складені найменування мають номінативне спрямування і зберігають значення слів (їх компонентів), фіксують суттєво ознаки зображуваного, завдяки чому така назва реалії закономерно входить до системи понять галузі ресторанного господарства та торгівлі. Наше дослідження засвідчило, що іменник *кава* демонструє здатність утворювати багатокомпонентні структури, має значну лексичну активність, вимагаючи після себе залежного елемента: *чорна, в зернах, мелена, розчинна, збита*.

У такі ж відношення вступають лексеми *чай, напій, настоянка тощо*: *чай – чай індійський – чай індійський з прянощами; напій – напій фруктовий – напій фруктовий газовий; настоянка – настоянка з ялівця – настоянка на спирту горобинова з м'ятою та глідом*. Як свідчать приклади, завдяки цим процесам виникають нові поняття.

Відомо, при описі значення слова валентність виступає змінною, яка відображає здатність слова до семантичного зв'язку з іншими словами та поділяється на типи. За напрямком сполучуваності мовні одиниці (зокрема, лексеми *кава, чай, напій, пиво*) утворюють ліву та праву валентність. Відповідно порівняємо: *кава чорна збита, кава холодна горіхова, чай зелений з жасмином, чай байховий, напій кавовий, напій кавовий охолоджений з горіховим сиропом, пиво швейцарське, пиво з ялівця скандинавське та апельсинова холодна кава, біла італійська кава, зруїнський чай, зміцнюючий чай, англійський кавовий напій, мигдалевий кавовий напій, чорне пиво, світле пиво*. У першому випадку ми маємо ліву валентність, у другому – праву.

Наведені складені номени містять в собі інформативне та емотивне навантаження, спрямоване на потенційного споживача. Права валентність у цьому разі є важливою для створення позитивного образу напоїв, що мають враховувати у харчовій промисловості. На концептуальному рівні в галузі ресторанного господарства та торгівлі виробники послугуються назвами, які побудовані за принципом лівої валентності (на початку словосполучення знаходиться підмет у називному відмінку), що сприяє наданню інформації про продукт.

Підсумовуючи зазначимо, що в підмові досліджуваної галузі наявні як лівий, так і правий тип валентності, причому одні й ті ж мовні одиниці можуть сполучуватися з лівим чи правим напрямом.

Наше дослідження дозволило зробити висновок, що такі, наприклад, реалії, як *чай* та *кава* є складними, багаті значеннями одиницями, котрі мають додаткові когнітивні нашіарування. Так *чай, кава* маніфестують добробут, дружні стосунки, витончений смак, спілкування у колі друзів, місце зустрічі, затишок, соціальний статус, гостинність, спосіб проведення часу, частину прийому їжі.

Зважаючи на викладений матеріал, слід зазначити, що особливості цього шару лексики полягають у тому, що значна кількість громадян з відомих причин послугуються нею, а, значить, є зрозумілою не тільки вузькому колу фахівців. Підсумовуючи додамо, що наш доробок є лише фрагментом у контексті дослідження окремих питань, пов'язаних з лінгвокультурологічною проблематикою.

Человек в зеркале украинских этнокультурных стереотипов

О. В. Сахарова

Киевский славистический университет (Киев, Украина)

Этнокультурные стереотипы, психолингвистический эксперимент, доминантные вербальные ассоциации

Аннотация. Этнокультурные стереотипы в сознании современных украинцев исследуются с помощью свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. В качестве слова-стимула предложен концепт «человек». Функционально-семантическое поле ассоциаций реконструируют приоритетные этнокультурные стереотипы сознания.

Этнокультурные стереотипы сознания имеют многоплановую историю и различную методологию изучения. Наиболее продуктивным методом исследования представляется, на наш взгляд, свободный ассоциативный психолингвистический эксперимент, позволяющий реконструировать доминантные представления о том или ином концепте в определенном (в частности, этнокультурном) социуме.

Целью нашего исследования стала реконструкция концепта «человек» в сознании различных возрастных групп части современного украинского социума. Механизм эксперимента заключался в том, что информантам было предложено зафиксировать ассоциативные реакции на слово-стимул «человек». Общее количество информантов составило 700 человек. При опросе учитывались возраст, образование, профессия, происхождение, гендерная принадлежность, однако именно возраст позволил провести определенную дифференциацию в сознании опрошенных украинцев. Мы выделили следующие возрастные группы: 1 – от 17 до 20 лет (174 информанта); 2 – от 21 до 29 лет (209 информантов); 3 – от 30 до 39 лет (138 информантов); 4 – от 40 до 49 лет (92 информанта); 5 – от 50 до 59 лет (87 информантов).

Вербальные реакции образуют ассоциативно-семантические поля, представляющие человека с точки зрения его анатомио-биологического строения, социальной, философской, эстетической, этической, психологической сущности, отражающие межличностные отношения, выделяющие семью и родственные отношения, отмечающие ум и интеллект.

Наиболее частотными и многоплановыми оказались ассоциации, в которых человек представляется сквозь призму *межличностных отношений* (24%) и *семьи* (22%). Данные вербальные реакции характерны для представителей всех возрастных групп с определенными вариациями. В плане *межличностных отношений* у информантов 17–20 лет преобладали ассоциации, связанные с дружбой («друзи», «друг», «дружба», «товариш», «подруга»), а старшие участники эксперимента акцентировали внимание на иных сферах отношений, в частности общении, знакомстве («спілкування», «засіб спілкування», «співрозмовник», «розмова», «знайомство»). Человек сквозь призму семьи видится большинству информантов, но содержание реакций, естественно, меняется в различном возрасте: у молодых преобладают реакции «бацьки», «мамуся-татусь», «сім'я», «рідні», у людей 2-й и 3-й возрастных групп преобладают ассоциации «сім'я», «діти», а в пожилом возрасте актуализируется ассоциация «онуки».

Социальная сущность человека также преобладает в большинстве полученных вербальных реакций (18%) информантов различных возрастных групп: «суспільство», «частина суспільства», «середовище», «нація», «всі ми», «майбутнє нації». Для представителей 4-й и 5-й возрастных групп чаще встречаются ассоциации «черга», «партія», «збори», что воспроизводит советские реалии.

Понимание человека с *психологической* точки зрения свойственно преимущественно большинству информантов (14%), однако интерпретация его как личности преобладает среди людей 20–40 лет: «особистість», «неповторна особистість», «індивідум», «індивідуальність», «личність»,

а эмоциональная составляющая психологической характеристики человека актуализируется у женщин 2-й возрастной группы: «фізноманітність характерів», «много різних емоцій», «радість», «ненависть», «любов», «кохання».

Философское осмысление сущности человека представлено как в ассоциациях универсального характера: «Всесвіт», «частина Всесвіту», «життя», «філософія», так и в этноспецифических стереотипных реакциях, коррелирующих место человека в контексте природы: «частина природи», «друг природи», «ворог природи» (всего 5%). Человек измеряется этическими понятиями («добро», «чесність», «порядність») женщинами различных возрастов, что составляет 3%. Эстетическая ценность оказывается существенной для 2% юношей 17–18 лет.

Человек с точки зрения *анатомио-биологического строения* представляется актуальным младшим информантам (1-й, 2-й возрастных групп), что составляет 7% вербальных реакций: «тіло», «організм», «анатомія», «лекція з анатомії», «дві руки – дві ноги», «стать», «біологічний комп'ютер», «продовження роду».

Наименее показательной характеристикой человека оказались его *интеллектуальные* данные: ассоциации «істота, яка може мислити», «розумна істота», «Людина Розумна», «знання», «розум», «Homo Sapiens» составляют 6% всех вербальных реакций.

Эксперимент показывает некоторые тенденции в формировании вербальных стереотипов в современном украинском социуме. В отмеченных функционально-ассоциативных полях преобладают вербальные реакции, отражающие универсальные стереотипы. К этнокультурным особенностям можно отнести интерпретацию человека сквозь призму природы, отчасти – значимость семьи в осмыслении человечества (что, безусловно, не является уникальным только для украинской модели мира). Преобладают скорее социумные различия.

Для информантов первой группы (от 17 до 20 лет) человек – это, в первую очередь, *друзья, личность, биологическая сущность* и, отчасти, *семья*. Спектр вербальных ассоциативных реакций информантов второй группы – 21 до 29 лет – значительно разнообразнее. Среди них приоритетными представляются ассоциативно-семантические поля *семья, личность* как психологическая сущность, *философское* осмысление сущности человека, а также *социальные* критерии определения человека. Информанты третьей и четвертой групп представляют человека преимущественно с позиций *социальной, психологической*. Значимой также остается *семья*. Люди после 50-ти лет ассоциируют человека преимущественно с философской и социальной точек зрения.

По данным свободного психолингвистического ассоциативного эксперимента, проведенного польскими исследователями под руководством профессора Е. Бартминского, в польском языке значительно объемнее представлены вербальные реакции, воссоздающие интеллектуальные особенности человека, его этические доминанты. Наши результаты склоняют к выводу о меньшей значимости данных категорий в сознании современных украинцев.

Милостыня: русский культурный сценарий

Н. В. Семёнова

Новгородский государственный университет (Великий Новгород, Россия)

Русский культурный сценарий, история слова

Аннотация. Рассмотрена история русского слова *милостыня* в этнокультурном аспекте.

В каждом обществе есть особые этические ситуации, нравственный императив которых непререкаем. Для русского человека таковой ситуацией всегда являлась ситуация помощи нуждающемуся, издавна известная как проявление *милосердия, сочувствия и сострадания*, даже особой рус-

ской *жалости*, – подаяние нищему, или *милостыня*. За словом всегда стоит дело, а за делом определенная интерпретационная схема, актуализируемая участием в культурных событиях. Эта схема и есть культурный сценарий, характерный для данного общества.

1) **О слове.** Лексема *милостыни* фиксируется уже в старославянском языке, куда она попадает через переводные Новозаветные тексты как калька др.-греч. *ἔλεος* – сожаление, сострадание; милость, милосердие, и *ἑλεησόνῃ* – сострадание; В Н. З. милостыня. Истолковывается *милостыни* как *милость человеческого сердца* и находится в одном лексическом ряду с такими словами, как *милувати, милосърдик, милосърдовати, милость, милъ* и др. Все композиты с корнем *мил-* означают способность человека *проявлять* особое духовное тяготение к другому, испытывать к нему чувство сострадания, сожаления и потому стремиться сделать ему добро. Быть же *милым* – это *вызывать* в душе человека сострадание и жалость (ср. *милъ быти комоу* ‘вызывать жалость у кого-л.’); ср. также устойчивое выражение *милъ (милѣ) сѧ дѣяти, творити* – ‘просить прощения’ [Вендина 2007: 224]. Таким образом, в старославянском языке слово *милостыни* имело 2 значения: 1) ‘сострадание, милосердие, благотворительность’; 2) собственно ‘милостыня’ в том смысле, в котором ее понимает современный человек. На первом месте в толковании старославянского слова, так же как и у древнегреческих его источников, стоит *сострадание*. Сострадать, любить для древнего славянина – это значит отождествлять себя с другим человеком, сотворенным по образу и подобию Божию, и, проникаясь к нему чувством жалости, идти к осмыслению Божественной истины – подлинному человеколюбию. Неслучайно, что одна из важнейших христианских заповедей, раскрывающих смысл любви к ближнему, объясняется через композиты с *мил-*: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мтф., 5).

Древнерусский язык не только сохранил это понимание истинной любви как *сострадания* и *милосердия*, закрепив как одно из значений корня *мил-*, но и значительно углубил. Так, в древнерусских словарях находим уже новые композиты с *мил-*: *милवानне, милванье, миллюбие, милосърдствик, милыны* (‘жалкий’), *миантиса* (‘умолять’) и др. Анализ дефиниций вновь образованных лексем показывает, что все слова содержат в качестве определяющих семантических компонентов как исконно старославянские, так и новые – ‘возлюбленный’, ‘любимый’, ‘дорогой’. *Милым* в представлении средневекового русича становится уже тот, кто, во-первых, вызывает сострадание, достоин сожаления, *жалости*, и, во-вторых, тот, кто приближен к сердцу, возлюблен, а потому – дорог. И именно этими содержательными компонентами и обогащается *древнерусское* слово *милостыни*, которое имеет уже 4 значения: 1) ‘милосердие, сострадание, сочувствие’; 2) ‘благотворение; добрые дела’; 3) ‘милостыня, подаяние’; 3) ‘дар, пожертвование’ [Словарь... 1982: 155]. Заметим, *милостыни* в древнерусском сознании начинает уже ассоциироваться с конкретными поступками человека – благими делами, а также с некой «овеществленной» частью этих дел – подаянием. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского у *милостыни* вообще фиксируется только последняя содержательная часть – «дар, подарок». Из определения исчезает искони присущее слову *милостыня* толкование через милосердие, жалость, сочувствие, которые приравнивались древнерусским человеком к древнегреческим состраданию и сожалению. В современном же русском языке слово *милостыня* еще больше развивает новое «предметное» значение: сейчас в лингвистической интерпретации *милостыня* – всего лишь подаяние нищему, нуждающемуся. Такую дефиницию дает, например, Словарь современного русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. При этом, хотя *милостыня*, как следует из анализа статей словарей ассоциативного типа, до сих пор и вызывает у русского человека в качестве ответной реакции и *сострадание*, и *жалость*,

и *сожаление*, оно устойчиво не ассоциируется со своим семантическим «прародителем» – *милосердием*. Более того, *милостыня* начинает вызывать отрицательно коннотированные реакции: *подачка, жалкая, выпрошенная, плохо, попрошайка* и т. д. По проведенному опросу носителей языка большинство (около 60%) молодых людей от 20 до 35 лет первой реакцией на слово-стимул *милостыня* указали ‘подачка’. *Милостыня* в русском языковом сознании сейчас практически не ассоциируется с *благими деяниями, благотворительностью*, и «акциональность» этого поступка тоже часто негативно коннотирована: *не даем, не дам, не проси*.

2) **О деле.** Если следовать исконному значению слова *милостыни* и понимать его как семантическую кальку древнегреческих *ἔλεος* и *ἑλεησόνῃ*, то интерпретационная схема древнерусского «действия» такова – это «7 дел милосердия, относящихся к плоти»: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть не имеющего одежды, принять странника, посетить больного, послужить заключенному, похоронить умершего (Мф 25: 31–46). Как видим, *милостыня* в сознании древнерусского человека – это, действительно, прежде всего *дело*, совершаемое по *душевному* велению.

Современный же русский человек *дело* милостыни понимает несколько иначе. Сама милостыня для него – это конкретный акт подаяния, *давания* чего-л. кому-л., а это действие, в силу разных причин, для многих русских людей в последнее время стало довольно затруднительным занятием: «Самим бы кто подал!» – таков ответ около трети опрошенных людей в возрасте за 50 лет. Более же молодые люди реагировали иным образом, но так же негативно: «Работать надо, а не попрошайничать» (40% от опрошенных). Около 20 процентов от всех респондентов затруднились ответить на вопрос, нужно ли подавать милостыню. И практически никто не связал милостыню с милосердием. Это говорит о том, что исконный этический сценарий русской культуры изменен: *милостыня* как естественное воплощение *милости человеческого сердца*, проявляемой не только в конкретном акте бескорыстного дара, больше не релевантна для сознания русского человека. *Милосердие* заменяет *жалость*, которую можно проявлять не только к человеку, личности, но и к животному, растению и к артефактам; *милостыню* же как сочувствие и сострадание заменяет материальная помощь в виде чего-л., чаще – денег. Если раньше нравственным авторитетом в *деле милостыни* была христианская заповедь – «я поступаю так из *милосердия* = *човеколюбия*, потому что хочу любить ближнего своего, как заповедал Бог», ведь согласно Нагорной проповеди милосердие человека есть подражание милосердию Бога (Мтф., 5), – то теперь культурный сценарий дела милостыни, думается, таков: *я поступаю так из жалости, потому что объект моего действия лишен определенных материальных благ, и я могу ему их дать без ущерба для себя*. Милосердие обязательно предполагает умиленное (в исконном, древнерусском значении этого слова) отношение к объекту, жалость же в том виде, в каком она понимается большинством *современных* русских людей, возможна и при негативной оценке объекта, если он рассматривается как *жалкий, убогий* (ср. устойчивое, сохранившееся с советских времен выражение (и мнение!) *Жалость унижает человека*). Поэтому и *милостыня* как следствие такой жалости получает не присущие ей никогда отрицательные коннотации и в современном употреблении самого *слова*, и в осуществлении самого *дела*.

Литература

- Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–14. М., 1975–; Вып. 5. М., 1982.

Ценностный аспект языкового сознания (по данным русского и чешского языков)

Л. А. Сергеева

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

В языковом сознании обнаруживаются категории, которые универсальны в плане их обязательной представленности и вместе с тем этноспецифичны по своему содержанию.

Своеобразная конфигурация данных категорий определяет тип культуры, специфику национальных картин мира и находит выражение в языке. К подобным базовым категориям

относится оценка, которая «окрашивает» мир в идеализированные тона и придает определенные модальности восприятию мира человеком. Изучение всех ее проявлений в национальных языках позволит выявить этнокультурные особенности ценностного отношения к миру того или иного народа. Ценностный аспект этнокультурного сознания составляет его «глубинный» уровень. «Вытащить» то, что скрыто в глубине, на поверхность возможно – и эту возможность предоставляет нам наш язык, поскольку существует отчетливый параллелизм между чисто лингвистическими оценками и философскими, историко-психологическими оценками [Караулов 1997: 240], отражающими ценностные ориентации народа. Сопоставительное изучение в этом плане славянских языков играет важную роль, поскольку позволяет понять роль языка в формировании этнокультурного сознания славянских народов. В настоящем сообщении мы обобщим некоторые результаты наших наблюдений, проведенных на материале чешского и русского языков.

Общепризнанным считается мнение, что у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще ([Колесов 1991]; [Касьянова 1994] и др.). Справедливость этого мнения подтверждается данными исследователей языкового сознания, в частности высоким рангом частотности оценочных слов и их вхождением в ядро языкового сознания славянских народов [Уфимцева 2000]. Вместе с тем, как показало исследование, в ценностном отношении к миру у русских и чехов обнаруживаются существенные различия. Как правило, исследователи сводят их к неодинаковой оценочной квалификации предметов и их признаков (например, русские и чехи по-разному оценивают коричневый цвет), а также к наличию разных концептуальных связей [Карасик 2002: 216]. В частности, в чешском языковом сознании тесно связаны понятия 'польза' и 'красота', например: *mit hodný plat = mit hezký plat* 'получать хорошую зарплату', *hodná dívka* 'красивая девушка' и т. п., что свойственно германской культуре. В русской культуре эта связь отсутствует ([Русская идея 1992]; [Колесов 1991] и др.). Однако, на наш взгляд, существуют и другие различия. Так, этноспецифический характер имеет критериальность оценок. В чешском языке по сравнению с русским более широко используется утилитарный критерий оценки (как в сфере общей оценки, так и в сфере нравственных оценок), что также свойственно германской культуре:

byť hodný na koho (ke komu) 'хорошо относиться к кому-л.', *hodné dítě* 'хороший ребенок' и т. п.

Этнокультурной спецификой отмечен также выбор «фокуса» оценки (своеобразного аналога «точке референции» для референциальных слов). В чешской культуре (как и в немецкой) человек и его моральные качества оцениваются с позиций разума, сознания, режы – чувства: *bezcitný* 'бесчувственный' (букв. 'бесчувственный, не чувствующий'), *malomyšlný* (от 'мыслить') и т. п. Напротив, для русских объектом нравственной оценки человека является уникальное для русской культуры понятие 'душа', а ее фокусом – совесть.

Вместе с тем в этнокультурном сознании чехов и русских есть много общего. Так, можно отметить наличие общих оценочных архетипов, таких как «отрицательное – отрицательно» (ср. *nečestný* – *nesetný*, *nichtožný* – *nicotný* и т. п.), в котором, по мнению некоторых исследователей, отражается нравственный запрет славян на разятие живого [Колесов 1991]; «свой – чужой» ('чужой' оценивается как 'враждебный', 'отвратительный', 'плохой', ср.: *otčуждение*, *чуждый* – *cizoložník* 'прелюбодей', *cizina* 'чужбина' и т. п.). Наблюдается также сходство в аксиологической интерпретации «первичных» ментальных категорий (пространства и количества). Так, лексемы со значениями 'мало' и 'низкий' часто приобретают отрицательные коннотации, ср.: *низкий* 'подлый', *низкопробный*, *малодушные*, *малообразованный* – *nížký* 'подлый', *maloměsto* 'захолустный городишко', *mizerná nálada* 'плохое настроение' и т. п.

Таким образом, в ценностном отношении к миру у чехов и русских обнаруживается значительное сходство, поскольку их языки имеют общие для родственных языков «культурные гены» (метафора В. В. Колесова), но имеются и существенные различия, которые во многом обусловлены общим для чехов и немцев этнокультурным пространством.

Литература

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
 Караулов Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Ф. М. Достоевского // Слово Ф. М. Достоевского. М., 1997. С. 237–249.
 Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
 Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991. С. 106–124.
 Русская идея. М., 1992.
 Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000. С. 139–162.

Отражение этнокультурного сознания в региональном этнонимиконе

Т. А. Сироткина

Пермский государственный педагогический университет (Пермь, Россия)

Этноним, категория этничности, этнические стереотипы

Аннотация. В статье анализируются этнические стереотипы русских жителей Пермского края, связанные с образами народов, живущих с ними в тесном контакте. Называются основные концепты, образующие категорию этничности, а также делается вывод о том, что категория этничности является одной из основных составляющих сознания региональной языковой личности, и ее детальное исследование и описание может пролить свет на многие особенности взаимодействия и сосуществования народов в рамках определенного региона.

В последнее время лингвистика активно занимается проблемами соотношения языка и народного менталитета, языка и этнической культуры. Особо интересен в этом плане, на наш взгляд, такой класс слов, как этнонимы (названия народов).

Интересным представляется исследование категории этничности как важного компонента структуры сознания региональной языковой личности. Для выявления того, какие концепты образуют данную категорию, была проведена анкета, на вопросы которой в сентябре 2007 года отвечали студенты 2 курса филологического факультета ПГПУ. Данная анкета содержала следующие задания: «Задание 1. Заполните пропуски в данных фразах, добавляя в них те слова, которые отражали бы, на ваш взгляд, какие-то характерные черты представителей данных национальностей: 1. Он по-русски _____. Он по-татарски _____. Он по-коми-пермякки _____. 2. Как истинный русский, он _____, как истинный татарин, он _____, как истинный коми-пермяк, он _____. 3. Он русский, но он _____, он татарин, но он _____, он коми-пермяк, но он _____. Задание 2. Вы услышали данные фразы. Что, по-вашему, они могли бы озна-

чать? Русский есть русский. _____. Татарин есть татарин. _____. Коми-пермяк есть коми-пермяк. _____».

Данная методика уже была использована лингвистами. В частности, И. М. Кобозева, исследуя ассоциации, возникающие в результате использования этнонимов *немец*, *англичанин*, *француз* и *русский*, пишет: «Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести... те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватами. Одно из таких явлений... – это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа X есть X, которые интерпретативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно преддицируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» [Кобозева 1995].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что категория этничности складывается из нескольких базовых концептов: «язык», «внешний вид», «вера», «особенности характера и поведения», «материальная культура», «духовная культура».

Автостереотип русских основан во многом на представлениях о характере и особенностях поведения представителей своего этноса. Фраза «по-русски...» была продолжена словами *щедр* (3 раза), *гостеприимен* (2 раза), *душевен, великодушен, свободолобив, храбр, отважен, горяч*. Концепт «язык» актуализируется в высказываниях *говорит и ругается матом*.

Тот же концепт лежит в основе представлений русских о соседнем татарском населении. Фраза «по-татарски...» была продолжена лексемами *трудолюбив, хитер, вспыльчив, чистоплотен, щедр, гостеприимен, доброжелателен, общителен*. Концепт же «язык» представлен словами *говорлив и балякает*.

При характеристике коми-пермяков задействуется концепт «внешний вид», вербализующийся с помощью характеристики *низкого роста*. Отмечена реализация концепта «язык»: *немногословен*. Но и здесь концепт «особенности характера и поведения» является ведущим: *необщительный* (2 раза), *замкнутый* (2 раза), *наивен, непонятен, гостеприимен, простодушен, скромн, глуповат, тих, далек*. Отметим, что на данном курсе в отдельной группе обучаются студенты коми-пермяцкого отделения, которые не принимали участия в анкетировании, но многие ассоциации русских студентов связаны именно с теми, кто учится с ними рядом. Отсюда одна из характеристик: *чавкает семечками на лекциях по русской литературе*.

Концепт «материальная культура», образующий категорию этничности, начинает актуализироваться при ответе на вопрос «как настоящий...».

Настоящий русский, по мнению студентов, *пьет водку и закусывает солеными огурцами; любит вкусно поесть, попариться в бане; любит русскую баню, пельмени, водку, соленые огурцы и философию Канта* (последняя фраза имеет отношение уже к концепту «духовная культура»).

Каждый татарин, как отмечают испытуемые, *умеет готовить свое национальное блюдо; умеет готовить азу и всегда напоит вас чаем; любит плов и холодное оружие; уме-*

ет делать чак-чак; умеет великолепно готовить и знает толк в винах. При ответе на этот вопрос актуализируется также концепт «вера»: *истинный татарин верующий* (2 раза), *набожен*.

При характеристике коми-пермяков задействован также концепт «язык»: *истинный коми-пермяк говорит с сильным акцентом и ценит свой язык*. Данный концепт реализуется также в ответах, отражающих не характерные для русских качества: *он русский, но он не знает правил русского языка*, а также качества, присущие татарам: *он татарин, но он знает русский язык, понимает по-русски*, и коми-пермякам: *он коми-пермяк, но говорит по-русски без акцента*.

Особенно интересны ответы на последний вопрос анкеты, отражающие ассоциации, присутствующие в сознании региональной языковой личности, которые связаны с представителями разных культур.

В ряде случаев данные ассоциации получали репрезентацию в виде прецедентных текстов. Например, с русскими связываются устойчивые выражения *один за всех и все за одного, вместе мы – сила; душа нараспашку; рубаха-парень, каждый день – праздник* и т. д. О татарине думают: *упертый как баран; с татаринком дружи, но камень за пазухой держи*.

В других случаях ассоциации носят индивидуальный характер, связаны с личным восприятием отдельных представителей этноса: *коми-пермяки не проявляют уважения к институту и студентам*.

Таким образом, категория этничности является одной из основных составляющих сознания региональной языковой личности, и ее детальное исследование и описание может пролить свет на многие особенности взаимодействия и существования народов в рамках определенного региона.

Литература

Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.

Следы советской эпохи в языковом сознании носителей русского языка (на материале вербальных ассоциаций)

Е. В. Старостина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Русский язык, вербальные ассоциации, языковое сознание

Аннотация. В работе исследуются следы советской эпохи в языковом сознании современных носителей русского языка. Материалом исследования послужили Ассоциативный тезаурус русского языка под ред. Ю. Н. Караулова и электронная база ассоциативных реакций.

Нет сомнений в том, что ушедшая советская эпоха оказала огромное влияние на языковое сознание носителей русского языка. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «советская эпоха внесла в русское национальное самосознание специфические черты, которые, отлившись в устойчивые вербальные формы, в стереотипы, на длительный период стали определять отношение к тем или иным сторонам и явлениям действительности, влиять на поведение носителей языка, на позицию “я” в мире» [Караулов 1994: 202].

Одним из способов выявления и описания устойчивых вербальных форм, речевых стереотипов, связанных с советскими реалиями, является изучение вербальных ассоциаций. Многие исследователи отмечают, что изучение ассоциативного материала дает исследователю богатые возможности по изучению языка как такового и феномена владения языком, а также по изучению языкового сознания (см. работы Ю. Н. Караулова, Н. В. Уфимцевой, В. Е. Гольдина, Е. И. Горшко и других исследователей).

В Ассоциативном тезаурусе русского языка (АТРЯ) Ю. Н. Караулов находит довольно много следов языка и культуры советской эпохи. При этом Ю. Н. Караулов отмечает, что почти все русско-советские элементы национального самосознания, вошедшие в словарь, заряжены отрицательными или юмористическими коннотациями [Караулов 1994: 202].

Следует напомнить, что материалы АТРЯ собирались в конце 1980-х – начале 1990-х гг., т. е. в эпоху, когда Советский Союз еще существовал, хотя и находился на грани распада. Поэтому неудивительно, что в материалах АТРЯ

можно обнаружить так много следов советской эпохи. Возникает вопрос, насколько сильным и длительным является то влияние, которое советская эпоха оказала на русское национальное самосознание, и можно ли найти следы ее влияния в языковом сознании современных молодых людей, чье детство в его сознательной части приходится уже на постсоветскую эпоху (годы рождения – от середины 1980-х до середины 1990-х). Ответить на этот вопрос можно, используя результаты ассоциативных экспериментов, проведенных с испытуемыми данной возрастной группы. Интересно также сопоставить их реакции с реакциями испытуемых старше 25 лет, которые хотя бы часть жизни (детство или юность) прожили в Советском Союзе.

Материалом настоящего исследования послужила база ассоциативных реакций, существующая в электронном виде. Объем базы на сегодняшний день составляют 31800 реакций на 100 стимулов, собранных от 636 испытуемых обоего пола в возрасте 16–55 лет, проживающих в г. Саратове и Саратовской области. Исследование всей базы ассоциативных реакций позволило выявить следующий ряд ассоциативных связей, отражающих следы советской эпохи:

- в реакциях испытуемых 16–25 лет: **дружба** – *народов; товарищ* – *СССР (6), Ленин (5), советский, коммунизм, КПСС, Советский Союз; лень* – *Ленин; солдат* – *красная звезда; университет* – *светлый путь; молодежь* – *комсомол*.
- в реакциях испытуемых старше 25 лет: **дружба** – *народов (10), народ (3), народы; товарищ* – *Дзержинский, совет-*

ский; **армия** – Советская (2), Красная; **государство** – СССР; **народ** – и партия, и партия едины, партия; **скорбь** – Брежнев; **Россия** – СССР; **институт** – социалистический; **российский** – советский.

Как видно из примеров, количество ассоциативных связей, отражающих речевые стереотипы советской эпохи, в первой группе испытуемых немного меньше (11), чем во второй (15). Общее количество реакций, актуализирующих связь с советской эпохой, у испытуемых 16–25 лет также немного меньше (20), чем у испытуемых старше 25 лет (27). При этом общее количество ассоциативных связей подобного типа невелико (47 реакций из 31800, т. е. 0,15% от общего числа реакций). Это свидетельствует о том, что речевые штампы и стереотипы советской эпохи постепенно уходят, забываются. С другой стороны, некоторые из них до сих пор зафиксированы в языковом сознании, в различных текстах (устных или письменных), бытующих в русском языковом пространстве.

Интересные выводы можно сделать на основе анализа ассоциаций на стимул **товарищ**. Испытуемые 16–25 лет воспринимают этот стимул как устаревшее обращение, оно а-

социируется для них с ушедшей советской эпохой. Фактически, в их реакциях не зафиксированы речевые штампы (кроме, пожалуй, ассоциативной пары **товарищ** – **Ленин**). Иной характер носят реакции испытуемых старшего возраста. Испытуемые этой группы не так активно реагируют на этот стимул, что свидетельствует о том, что слово «товарищ» либо не воспринимается ими в качестве обращения (актуализируется значение «друг»), либо это обращение не расценивается ими как устаревшее, как атрибут советской эпохи.

Нами также было проведено качественное сопоставление ассоциативных полей АТРЯ и электронной базы реакций, а именно сравнение главных ассоциатов полей (реакций, относительная частота (доля) которых в поле стимула превышает 5% [Гольдин, Сдобнова 2008: 47]). Анализ полей **армия**, **дружба**, **народ** показывает, что в АТРЯ реакции, актуализирующие штампы советской эпохи, входят в число главных ассоциатов поля (см. таблицу). В электронной базе эти реакции, как мы видели, малочастотны и не входят в число главных ассоциатов на стимул. Это свидетельствует о том, что следы советской эпохи постепенно исчезают из языкового сознания носителей русского языка.

Главные ассоциаты полей «армия», «дружба», «народ»

АТРЯ			Электронная база реакций		
реакция	доля	частота	реакция	доля	частота
армия (485 реакций)			армия (367 реакций)		
Советская	13,4%	65	солдат	26,7%	98
Красная	9,5%	46	солдаты	13%	48
			служба	12,3%	45
дружба (103 реакции)			дружба (367 реакций)		
народов	16,5%	17	мир	6%	22
крепкая	16,5%	17	подруга	5,5%	20
любовь	5,8%	6			
народ (109 реакций)			народ (367 реакций)		
толпа	14,7%	16	люди	27%	99
безмолвствует	5,5%	6	толпа	26%	95
и партия ¹	4,6%	5			

¹ Реакция *и партия* на стимул **дружба** немного не дотягивает до пятипроцентного барьера (4,6%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что следы влияния советской эпохи (речевые штампы, устойчивые вербальные формы) можно найти даже в языковом сознании современных молодых людей, чье детство в его сознательной части приходится уже на постсоветскую эпоху. Однако эти следы не столь значительны, в вербальных реакциях испытуемых зафиксирован постепенный процесс ухода речевых штампов и стереотипов советской эпохи из языка и речевого употребления.

Литература

- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Саратов, 2008.
- Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ). Кн. 1. М., 1994.

Русский концепт «совесть» на фоне польской и чешской лингвокультур

Е. Е. Стефанский

Самарская гуманитарная академия (Самара, Россия)

Славянские языки, лингвокультурные концепты

Аннотация. В процессе анализа концепта «совесть» в трех славянских лингвокультурах доказывается, что в русской языковой картине мира совесть предстает как нечто внешнее по отношению к человеку, его душе и телу; в польской – ее вместилищем является душа, в чешской – сознание. В западнославянских лингвокультурах совесть оказывается более рациональным и подвижным чувством.

1. *Совесть* стала средством гармонизации отношений между все более обособлявшейся личностью и обществом. Слова, обозначающие это понятие в славянских языках, являются кальками. Так, ст.-сл. **съвѣсть** калькировано с греч. *syneidos* 'совместное знание, сознание' и было заимствовано в большинство языков Slavia Orthodoxa. Латинская калька упомянутого греческого слова, выглядевшая как *conscientia*, стала основой для возникновения соответствующих лексем в языках Slavia Latina. В чешском и словацком языках при калькировании был использован (как и в слове *совесть*) корень *vĕd- (см. чешск. *svědomí*, словацк. *svedomie*), тогда как в польском – тот же корень, что и в русск. *мнение, сомневаться* – *myśl- (см. польск. *sumienie*).

2. В русском языке совесть предстает как нечто внешнее по отношению к человеку. Яркой особенностью русского языка на фоне чешского и польского является возможность образования от слова *совесть* предикатива *совестно*. Как и

в любом русском безличном предложении с категорией состояния, фразы типа *Ему стало совестно* передают процесс нравственного выбора как идущий от некоей непознанной сверхъестественной силы, в конечном счете – от Бога.

3. На фоне русского концепта 'совесть' чешский концепт 'svědomí' и польский 'sumienie' предстают более рациональными. Если русск. *совестно* наглядно демонстрирует, что процесс пробуждения совести иррационален, управляется не человеком, а Богом, то в чешском и особенно польском языках существует довольно много устойчивых выражений, свидетельствующих о том, что совестью можно управлять и даже манипулировать. См. чешск. *řídít svůj svědomím a vědomím* 'управлять своей совестью и сознанием'; польск. *obudzić, poruszyć czyjeś sumienie* 'разбудить, расшевелить чью-то совесть', *przemówić komuś do sumienia* 'проговорить, обращаясь к чьей-то совести', *wstrząsnąć*

czyimś sumieniem 'встряхнуть чьей-то совестью', *uśpić, zabić, zagłuszyć sumienie* 'усыпить, убить, заглушить совесть'; чешск. *přehlušit, překřičet svědomí* 'заглушить, перекричать совесть'. Очень ярко различия в изображении пережива-

ния совести в русской и польской лингвокультурах демонстрирует сопоставление следующего фрагмента повести А. Пушкина «Капитанская дочка» в оригинале и польском переводе:

В русском оригинале	В польском переводе
<p>Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, – сказал старик, – что я недаром подал мошенику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошеники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок» (Пушкин).</p>	<p>Włożyłem kożuch i siadłem na koń, sadzając Sawielicza za sobą. – Ot, i widzisz, panie, – rzekł piastun – nie na próżno podałem łotrowi suplikę: ruszyło sumienie bezecznika. Chociaż kościata kłacz baszkirska i kożuch niewarte są nawet połowy tego, co ty sam raczyłeś mu ofiarować, wszakże przydadzą nam się w drodze; z kiepskiego psa chociaż sierści kłak. Букв.: <i>расшевелила совесть мерзавца</i>.</p>

В русском тексте решение Пугачева предстает не столько как следствие челобитной Савельича, сколько как снизшедшее на него свыше. В польском же тексте это цепочка причинно-следственных отношений: Савельич действовал на совесть Пугачева, а совесть заставила его наделить Гринева клячей и тулупом.

4. По-видимому, больший рационализм польского концепта 'sumienie' объясняется не только и не столько принадлежностью польского языка к культурно-языковой зоне Slavia Latina, сколько этимологией соответствующей лексемы. Слово *sumienie* в древнепольском языке словообразовательно соотносилось с глаголом *sąmnieć się*, который не только имел значение 'колебаться, испытывать нерешительность', как совр. русск. *сомневаться*, но и 'возражать, сопротивляться, противоречить', а также семантику иррационального страха 'бояться, тревожиться, беспокоиться, опасаться'. А. Брюкнер, подчеркивая в своем этимологическом словаре внутреннюю форму слова *sumienie*, выразился очень кратко, но емко: «*sumienie* – od *są* i *mnieć* 'mnieć tak i sąk'», т. е. «совесть – это значит 'считать, полагать так и sąk'». По данным автора «Нового этимологического словаря польского языка» К. Длугош-Курчабовой древнепольский фонетический вариант этого слова *sąmniecie* мог под влиянием народной этимологии приобретать вид *sądmnienie*, т. е. буквально 'суд-мнение', 'то, что дает оценку, выносит суждение'. Таким образом вербально подчеркивалась ценностная роль совести. *Sumienie* для польского сознания не только судья, но и свидетель. Об этом свидетельствуют приводимые в указанном словаре древнепольские пословицы *Sumienie świadek nieomylny, za wiele świadków stoi* 'Совесть – свидетель безошибочный, многих свидетелей заменит' и *Sumienie tysiąc świadków* 'Совесть – тысяча свидетелей'.

5. Для моделирования русского и польского фрагментов языковой картины мира весьма показательны две пословицы: польская *Co oko ciała, to sumienie duszy* 'Совесть для души, что глаз для тела' и русская *Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука*. В соответствии с польской пословицей совесть живет в душе и вместе с ней противопоставляется телу. Русская же пословица построена не по бинарной, а по тернарной модели: душа противопоставляется телу, а средством и залогом (*порукой*) их гармоничных отношений является совесть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души.

6. Внутренняя форма чешск. *svědomí*, на первый взгляд, близка к русск. *совесть*: оба слова образованы с помощью корня **věd-*. Однако чешское слово образовано от страдательного причастия глагола **svěděti* – **svědomь*. Упрощенно говоря, различия между русск. *совесть* и чешск. *svědomí* примерно такие же, как между русск. *весть* и *ведомость*. Если *весть* – это знание, информация вообще, то *ведомость* – это информация, упорядоченная, освоенная и осмысленная сознанием, это *ведомая весть*. Аналогично русск. *совесть* – это информация о нравственности, идущая извне (как мы убедились, свыше), тогда как чешск. *svědomí* – это информация о нравственности, усвоенная сознанием. Показательно, что это слово сходно как с чешской, так и с польской лексемами, обозначающими 'сознание' (ср. чешск. *vědomí* и польск. *świadomość*). Кроме того, во многом из-за сходства формы и семантики слов, обозначающих 'совесть' и 'сознание', в чешском языке очень употребительно выражение *svědomí a vědomí* 'совесть и сознание'. В некоторых контекстах, например, *Pracovat podle svého nejlepšího vědomí a svědomí* (букв. 'Работать в соответствии со своим наилучшим сознанием и совестью') оно может сближаться по семантике с русск. *не за страх, а за совесть*. В целом же его значение шире.

Языковая картина мира и проблема понимания литературного текста

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар, Россия)

Языковая картина мира, литературный текст, референция

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы понимания современного литературного текста. В связи с изменением характера текста-в-культуре референциальная основа текста требует индивидуальной философско-культурологической интерпретации.

Проблема делимитации и описания языковой картины мира (ЯКМ) может быть рассмотрена не только в отношении к национально-языковой компетенции носителя языка, но и в отношении лингвокультурологической платформы современного литературного текста, имеющего национальные и гипернациональные (универсальные) признаки. Соотношение индивидуальных, национальных и гипернациональных черт ЯКМ в текстах современной литературной прозы составляет когнитивный обусловленный ареал их существования, обеспечивающий не только бытие-в-культуре литературного текста, но, одновременно, решение задач социально-культурной динамики (культурной волны). В докладе демонстрируются результаты лингвокультурологического исследования современных литературных текстов, оказывающих существенное культурное влияние на формирование структур понимания русского и славянского читателя (М. Павич, М. Веллер, В. Сорокин, Ю. Покальчук и др.). Одним из существенных признаков современного литератур-

ного текста является прекращение тождества или «падение референциальной соотнесенности», отмеченное У. В. О. Куайном [Куайн 1996].

«Падение референциальной соотнесенности» хорошо ощущается в текстах современной русской прозы, построенных на парадоксальности постмодернистского представления реальности как системы переменных, значение которых меняется в ходе решения интеллектуальной задачи. Вместе с тем русские литературные тексты прошлых эпох также подвергаются переосмыслению в рамках постнеклассической картины мира, характерной для современного культурного (и = языкового) сознания. Текстовая реальность независимо от порождающей ее культурно-исторической парадигмы предстает в форме логической игры парадоксального означивания, приобретающей вид случайных суждений, построенных на базе бесконечно вариативного словаря понятий. Подобная логико-лингвистическая игра возникла еще в первой трети XX в. в результате слома клас-

сической картины мира и постепенного перехода от линейной логики (логики последовательности) к нелинейной логике (логике параллельных миров), реализующей способность интеллектуально развитого индивидуального сознания многократно (или = неоднозначно) моделировать мир на основе набора «переменных констант», зависящих (как минимум) от (а) системы пресуппозиций знания, (б) апперцепируемых целей моделирования, (в) позиции наблюдателя, свободно перемещающейся в ходе коммуникативного акта и часто замаскированной под адресата, адресанта, независимого текстового субъекта-комментатора или значимое его отсутствие. Начатый Н. В. Гоголем путь от наррации к текстовой манипуляции был успешно продолжен, например, в русской литературе А. П. Чеховым, М. А. Булгаковым, Ю. Олешей, а затем – в конце XXI в. – А. Кабаковым, В. Пелевиным, М. Веллером, Ю. Сорокиным и многими другими уже в виде новой «культурной волны». Интеллектуальный интуитивизм серба М. Павича или украинского прозаика Ю. Покальчука представляет собой параллельное развитие той же тенденции для ряда славянских литератур.

Герменевтический интеллектуализм или «круговое» взаимодействие логического, когнитивного и языкового начал, составляющих картину мира в ее отношении к сознанию и мышлению, создает механизм текстопорождения со сменой языка описания.

Существует онтологическая (и гносеологическая) связь между проблемой множественности языков описания и проблемой текстовой деятельности индивидуума: в ходе текстовой деятельности вырабатываются когнитивные связи, позволяющие осуществлять переходы с одного языка описания на другой. Это выглядит как отказ от учета конкретного (ситуативного) контекста в пользу широкого историко-культурного контекста, интериоризированного индивидуумом в ходе освоения текстов культуры. Такой «когнитивный поворот» в индивидуальном языковом сознании представляет собой качественное изменение культурно-ан-

тропологических характеристик, приводящее (по М. Бахтину) в онтогенезе и филогенезе к построению в индивидуальном сознании структур Другого / Иного или (применительно к ситуации текстопорождения) – Одного – Другого – Нарратора – Наблюдателя. Герменевтическое представление эстетического все в большей степени эстетизирует Логос, затрудняя непосредственное (ассоциативно-образное и эмоционально-символическое) восприятие текста, принуждая читателя к философско-культурной интерпретации произведения как источника бесконечной интеллектуальной игры, позволяющей каждый раз заново восстанавливать код коммуникации. Это делает понимание литературного текста гораздо более сложным процессом, нежели процесс, описанный логико-лингвистической схемой стратегий понимания Т. ван Дейка [Дейк, Кинч 1989].

По всей видимости, подвижность логической парадигмы ЯКМ компенсируется относительной стабильностью онтологически релевантной аксиологической парадигмы ЯКМ. Так, например, идеи русской языковой картины мира, отмечаемые исследователями (см., например, [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 544]), могут быть представлены в виде некоторой аксиологической пирамиды, отражающей ступени и этапы самоидентификации национального и (одновременно) индивидуального сознания и учитывающего соотношение гиперационального, национального и индивидуального как результат попыток понимания.

Литература

- Дейк Т. А. ван., Кинч В. Язык. Познание. Коммуникация. Стилль. М., 1989.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005.
- Куйин У. В. О. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия / Составление, перевод, примечания, комментарии А. А. Печенкина. М., 1996. С. 54–172.

Семантика невыразимого как этнокультурный феномен

Г. С. Сырица

Даугавпилский университет (Даугавпилс, Латвия)

Семантика, этнокультурный, невыразимое, художественный дискурс

Аннотация. В работе выявлены языковые средства, связанные с выражением семантики невыразимого в русском языке, рассмотрена их специфика, определены наиболее типичные сферы использования, а также взаимосвязи с другими семантическими группами.

Несмотря на широкий интерес к исследованию семантики невыразимого (а также умолчания, неопределенности) в семасиологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, количественное и качественное своеобразие языковых средств, связанных с выражением этой семантики, нуждается в дальнейшем изучении. Особую важность имеют работы по лингвопозитике, т. к. само словесное искусство – сфера продуцирования невыразимых смыслов, с разной степенью их значимости в разных литературно-художественных направлениях и идиостилиях (символизм и др.). Материалом для исследования является художественный дискурс (поэтические и прозаические тексты XIX–XX вв.) и прежде всего – романы Достоевского. Отметим, что изучение семантики невыразимого в диахроническом аспекте – предмет специального изучения.

Этнокультурная специфика семантики невыразимого определяется как особенностями самих денотатов, свойства которых трудно или невозможно передать словами, так и системой языковых средств, их репрезентирующих. Показательна близость внутренней формы номинаций, связанных с выражением этой семантики, в разных языках (inexpressible, unspeakable – в английском; unsagbar, unsäglich – в немецком; neizsakāms, neaprakstāms – в латышском), однако их количественный и качественный состав оказывается различным.

Лексика, связанная с выражением таинственного, неизъяснимого, широко представлена в русской языковой картине мира. Об этом свидетельствует синонимический ряд: *невыразимый, неизъяснимый, неопишумый, неопишанный*

(*нар.-поэт.*), *непередаваемый, несказанный (нар.-поэт.)*, *неизреченный (трад.-поэт.)* [Словарь синонимов... 1970, Т. 1: 629]. Ср. также устойчивые сочетания: *непередаваемое (невыразимое) словами*. Показательно также наличие адвербиального синонимического ряда с тем же набором компонентов. Эта группа лексики поддерживается лексемами *странный, таинственный, непостижимый, неисследимый*.

Характерной особенностью этой лексики является использование ее в качестве интенсификаторов семантики (ср. переносное значение слов *невыразимый, неопишумый, неизъяснимый* – «2. Очень большой по силе проявления; чрезвычайный, невообразимый» [Словарь современного русского... 1950–1965, Т. 7: 1016]). Она вступает в синонимические отношения с широким кругом лексики, указывающей на предельную степень выражения качества: *чрезвычайный, чрезмерный, непомерный, безмерный, неимоверный* и др. В большинстве контекстов наблюдается диффузность семантики: *В невыразимой тоске дошел он пешком до своего трактира* (Достоевский).

Невыразимым, по сути своей, является трансцендентный мир, причем неизъяснимыми предстают как божественное начало мира, так и демонические проявления. Невыразимое предстает как некая значимая субстанция, сущность которой передается субстантиватами: *Неизъяснимое свершится* (Грибоедов); *Слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое* (Гоголь); *Несказанное, синее, нежное* (Есенин). Рационально не постигаемое начало мира находит отражение в природе и во внутреннем мире человека. Как показал анализ, лексика с семантикой невыразимого чаще

всего сочетается с эмотивной лексикой, связанной с передачей внутреннего состояния. О доминантном положении мира чувств свидетельствуют данные ассоциативного словаря: *невъразимая печаль, несказанное удивление, неописуемый ужас* [Русский ассоциативный словарь 2002, Т. 2: 490].

Помимо рассмотренного выше, семантика невыразимого в русском языке передается с помощью широкого круга единиц разных языковых уровней, а также образных средств:

- неопределенных и указательных местоимений (ср.: одно из значений местоимения *что-то*: «1. // Нечто неопределенное, пока не понятое, не разгаданное, не найденное» [Словарь современного русского... 1950–1965, Т. 9: 1138]): *Но даже здесь... чего-то не хватает... / Недостает того, что не найти* (Рубцов). Данные контексты часто включают сравнительные конструкции: *Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо* (Достоевский). Местоимение *такой* часто обладает диффузной семантикой, указывая на высшую степень проявления качества и одновременно на недефинируемость его: *Давно уже Алевина не испытывала такой тоски* (Достоевский) и др.;
- безличных глаголов, обозначающих самопроизвольные неконтролируемые действия и состояния с ассоциативно воспроизводимым субъектом действия: *именно об этом томилась тоской; Одни уверяли, что ее «перенесли», другие, что ее «перенесло»* (Достоевский) и др.;
- окказионализмов, призванных восполнить лексические и семантические лакуны языка: *Скрытымным – языков праматерь* (Вознесенский) и др.;
- фразеологизмов, у которых семантика неопределенности и невыразимости часто взаимосвязана: *бог знает что такое (черт знает что такое): Нет, широк человек, слишком даже широк (...)* *Черт знает что такое даже, вот что!* (Достоевский) и др.;
- метафор – как одного из средств создания лексики «невидимых миров» [Арутюнова 1999]. Семантика невыразимого в сфере метафорического обозначения чувств часто поддерживается лексикой со значением неопределенно-

сти: *В эту минуту как будто что-то ужалило Раскольникова;*

- оксюморонных сочетаний, призванных отразить смыслы, для которых нет названия в языке: *И пускай со звонами плачут глухаря. / Есть тоска веселая в алоях зари* (Есенин); *Меж белых листьев и на белых стеблях / мне не найти зеленые цветы* (Рубцов) и др.;
- риторических вопросов – как экспрессивных синтаксических фигур, изначально исключающих возможность ответа: *О чем ты воешь, ветер ночной?* (Тютчев) и др.;
- прецедентных текстов, которые участвуют прежде всего в передаче смыслов, возникающих «между молчаньем и речью»: *И лишь молчанье понятно говорит* (Жуковский); *Мысль изреченная есть ложь* (Тютчев); *О, если б без слова / Сказаться душой было можно!* (Фет); *Да разве я то говорю, / Что знала, пока не раскрыла / Рта...* (Цветаева); *А! и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла в слова!* (Достоевский). В оппозиции **мысль – слово** мысль предстает как информативно более насыщенная, в оппозиции **молчанье – слово** семантически полновесным предстает молчанье.

Как показал анализ переводов данных контекстов на немецкий и латышский язык, значительная часть смыслов оказывается трансформированной или вовсе утраченной (ср., например: *Одни уверяли, что ее «перенесли», другие, что ее «перенесло»* – Die einen versicherten, «man» habe sie hinübergehoben, die anderen, «es» habe sie hinübergehoben [Dostojewskij 2004: 139]).

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
 Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М., 2002.
 Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1970–1971.
 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
 Dostojewskij F. Die Brüder Karamazow / Übertr. von H. Ruoff und R. Hoffmann. München, 2004.

Культура и ее отражение в языковом сознании (белорусы, болгары, поляки, русские, украинцы)

Н. В. Уфимцева

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Языковое сознание, ядро языкового сознания, ассоциативный эксперимент, картина мира, образ мира, системность, этногенез

Аннотация. Доклад посвящен анализу особенностей этнического сознания носителей пяти славянских культур (белорусы, болгары, поляки, русские, украинцы) по материалам массовых ассоциативных экспериментов.

Возникшее в московской психолингвистической школе понятие «языковое сознание» можно, по мнению А. А. Леонтьева [Леонтьев 1993], сопоставить с понятием «образ мира», которое существует в отечественной психологии, поскольку «образ мира» представляет собой отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Языковое же сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей.

Одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания.

Исследования, осуществляемые в московской психолингвистической школе в последние десять лет на материале «Русского ассоциативного словаря» [Караулов и др. 1994–1998] показали, что ассоциативный тезаурус является моделью сознания человека. Эта знаковая модель качественно отличается по презентации образов сознания от других предметных представлений образов. Если идеальный образ предмета существует (при рассмотрении процесса деятель-

ности по стреле времени) сначала в форме деятельности, а затем в форме продукта деятельности, т. е. опредмеченно, то слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака. Следовательно, ассоциативный тезаурус – это такая модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определенной культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры.

Более того, исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры.

Системность образа мира той или иной культуры вскрывается по результатам массовых ассоциативных экспериментов через построение ядра языкового сознания, т. е. выделения центральных для данной ассоциативно-вербальной сети единиц. Эта структура отличается большой устойчивостью во времени и усваивается очень рано в онтогенезе. Можно предположить, что она формируется в начале этногенеза каждого этноса и определяется той религией, которая лежит в основе культуры данного этноса.

Предполагается обсудить результаты сравнения ядра языкового сознания белорусов, болгар, поляков, русских, украинцев.

Литература

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–21.

Русский ассоциативный словарь: В 6 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Соколин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998.

Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в украинском и русском языках: этнокультурный аспект

Г. А. Филь, И. М. Кутняк

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Дрогобыч, Украина)

Цветообозначение, колоратив, этнокультурный, менталитет, национальные особенности

Аннотация. В статье сопоставляются фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в украинском и русском языках в этнокультурном аспекте; утверждается, что колоратив в структуре устойчивых сочетаний обоих языков отражает культурные реалии каждой из стран.

Каждый язык обладает своей цветовой гаммой, отражающей особенности менталитета, историю народа, его культуру, мировоззрение определенного этноса. В украинской национальной культуре, как и в других мировых, цвет имеет сложный диапазон символических значений, которые, как отмечает А. Ходанич, связаны с мировоззренческими представлениями этноса [Ходанич 2005]. Наиболее этнокультурологически маркированы фразеологические единицы с компонентом цветообозначения, которые составляют объект нашего изучения – всего 80 пар устойчивых сочетаний, выбранных нами из фразеологических словарей украинского и русского языков [Фразеологический словарь... 1968]; [Фразеологічний словник... 2003].

Наибольшую группу в обоих языках представляют фразеологические единицы, в состав которых входят колоративы «белый» и «черный». Лексема-компонент *белый*, к примеру, используется в оборотах для описания бледности лица: *білий як молоко; білий як стіна / белый как молоко; белый как стена*. Сравнение в украинском языке белого цвета со сметаной, а в русском – с мрамором, алебастром, водяной лилией, лебяжьим пухом составляет специфические черты фразеологических систем близкородственных языков.

В семантических структурах сопоставляемых единиц выделяем и дополнителные коннотации: ‘чистый, светлый’ – *на білому світі / на белом свете; серед білого дня / среди белого дня; не бачити світа білого / белого света не видеть; ‘седой (о цвете волос) – доживати до білого волосу; ‘необычный, не похожий на других’ – біла ворона (білий крик) / белая ворона*. В фразеологизме близкородственных языков – *біла кість (кістка) / белая кость* – анализируемый колоратив приобретает отрицательное значение – ‘пренебр. о людях знатного, дворянского происхождения’.

Белое в картинах мира украинского и русского народов – это также нечто неизвестное, неизведанное, некоторое обобщенное понимание мира как чего-то светлого: *біла пляма / белое пятно* (неисследованная территория, район, край; не разработанная часть вопроса, проблемы); *білий світ / белый свет* (окружающий мир, земля).

В сопоставляемых языках сходным также является ассоциативное восприятие черного цвета, который, подчеркивает Дж. Тресиддер, почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий [Тресиддер 2001]. В качестве примеров можно привести высказывания: *чорна невдячність, малювати чорними фарбами, чорні дні, чорні думи, чорна сторінка історії / черная неблагодарность, изображать в черном цвете, черные дни, черные думы, черная страница истории*. Среди фразеологических единиц обоих языков, как видим, нет выражений, указывающих на траур, но в каждой из них чувствуется отчаяние, тьма, горе, скорбь.

Сохранились этнокультурные традиции обоих народов и в устойчивом сочетании *чорна кішка пробігла / черная кошка пробежала*. Это выражение отражает народное суеверие: перебежавшая дорогу черная кошка сулит беду.

Устойчивые сочетания с колоративом *черный* в украинском языке передают также качественные, как правило, отрицательные характеристики людей: ‘сердитый, злой’ (*аж у роті чорно*); ‘грустный, хмурый, невеселый, неудовлетворенный’ (*як чорна хмара*); ‘обессиленный, усталый (от переживаний, болезни, тяжелого труда)’ (*чорно перед оч-*

ма); ‘грустный, невеселый’ (*як чорний віл на ногу наступив*); ‘коварный, бессердечный’ (*чорна душа*).

Для украинского народа, как и для русского, любимыми были и остаются цвета красной гаммы. В одних фразеологизмах колоратив *красный* ассоциируется с чем-то основным в реальной действительности: *проходити червоною ниткою / проходить красной нитью* или «красивым, эффективным»: *червона як ягода, червона як рожка*. В других фразеологических единицах значение красного цвета связано с отрицательной аксиологичностью: *червоні вогні в очах (мигтять, блискотять), пускати червоного півня / красный петух*. В устойчивом сочетании русского языка *под красную шапку в солдаты (пойти)* воплощен исторический фактор – напоминание о бывшей реалии, когда русские солдаты носили красные шапки.

Слова-названия на обозначение розового цвета, ассоциирующегося с мечтательностью, нереальностью, оптимизмом, положительными переживаниями, содержат фразеологические единицы обоих языков: *дивитися крізь рожеві окуляри / смотреть сквозь розовые очки; у рожевих фарбах, у рожевому світі / в розовом свете (цвете)*.

Желтый цвет содержит в себе противоречие. С одной стороны, он воспринимается как светлый, яркий, возбуждающий, а поэтому и согревающий. С другой стороны, желтый всегда считался цветом измены. Во фразеологизмах украинского языка *заздрість з жовтими очима; мов жовтки* колоратив *желтый* обозначает «зависть». Это связано с физиологическими процессами в организме человека: когда он чувствует зависть, ревность, у него интенсивно выделяется желчь, и потому желтеет кожа и белки глаз [Груза 1998]. Состояние гнева, злости, сильного раздражения выражается отадекватными глаголами на обозначение *желтого, синего, зеленого* цветов, которые входят в состав фразеологизмов украинского языка: *жовтіти від злості; синіти від злості*; русского языка – *позеленеть от злості*.

Синий цвет, как правило, ассоциируется с мудростью, хотя возникает возле тьмы, и этот факт определенным образом влияет на его характеристику, ср: *синя панчоха / синий чулок* – «так пренебрежительно говорят о сухой, черствой женщине, которая потеряла привлекательность, целиком посвятив себя научным интересам, книгам»; *бідний, аж синій* (в украинском языке) – «очень бедный»; *синие мундиры* (в русском языке) – «жандармы, которые в дореволюционной России носили мундиры синего цвета».

Таким образом, фразеологический материал сопоставляемых языков демонстрирует особенности названий цветообозначения, которые, становясь компонентом устойчивых выражений, приобретают новые значения, зависящие от ряда экстралингвистических факторов: уклада, нравов, обычаев народа, его культурных ценностей.

Литература

Груза Н. Тайны цвета // Наука и религия. 1998. № 7. С. 20–22.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1968.

Фразеологічний словник української мови / Укладачі В. М. Білоноженко та інші. К., 2003.

Ходанич А. Колір у системі етнічних цінностей українців // Українська література в загальноосвітній школі. 2005. № 4. С. 10–13.

Этнокультурная специфика отражения представлений об уме в русском языке*

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

Этнокультурная специфика, ментальная лексика, мотивированность

Аннотация. В работе рассматриваются способы отражения представлений об уме в русском менталитете и языке, их этнокультурная специфика и мотивированность. Исследование осуществляется на материале Национального корпуса русского языка (5 тыс. контекстов), всевозможных словарей (включая ассоциативный), пословиц и поговорок, а также данных проведенного нами социолингвистического опроса.

В силу своей релевантности знания об уме как о способности логически мыслить, понимать, познавать что-либо в ряде картин мира занимают ведущее место. Вместе с тем они характеризуются определенной национально-культурной спецификой, обусловленной различиями в менталитете, историческом и познавательном опыте, ценностных ориентирах народов и проявляющейся главным образом в предпочтительности тех или иных стратегий кодирования в мышлении и языке, в вариативности объема, соотношения и структуризации языковых и неязыковых компонентов. В русской когнитивной картине мира знания об уме являются важной составной частью концепта «человек», прежде всего его ментальной сферы, коррелирующего, в свою очередь, с представлениями о боге, животном мире, Вселенной. Более тесно они соотношены с понятиями о глупости, мудрости, хитрости и т. п. свойствах, о разуме, рассудке, интеллекте и других инструментах и механизмах познания, о суждении, умозаключении, знании, понимании, мнении, вере, оценке (результатах познавательной деятельности), о речи, поведении, навыках, умении как средствах экспликации умственной работы и со многими другими представлениями.

Поскольку ум – ненаблюдаемая непосредственно и, следовательно, трудно определяемая, неоднозначно верифицируемая сущность, названные концептуальные связи подвижны, их «языковление» – живой, постоянно дрейфующий процесс, со множеством формально-семантических коллизий, находящихся в зависимости от развития психофизиологических возможностей, абстрактного мышления и направленности познания говорящих. Так совершенствующийся ум человека постепенно приближается к истине в познании самого себя. Синхронно-диахронический анализ показывает весьма своеобразную трансформацию первичных этимологических признаков праиндоевропейского **au-* со значением «воспринимать органами чувств», «понимать» «наяву, в состоянии бдения»¹ (или, по другой версии, **yk-* – «приучаться», «привыкать», «доверять») в праславянских и древнерусских диффузных, синкретичных дериватах, а затем и в современных русских – *ум, разум, уметь, умный*, с ясными, но все же недостаточно четко ограниченными значениями². Изменением семантики здесь, в частности, управляло стремление говорящих к большей дифференциации понятий «воспринимать», «понимать», «думать», «рассуждать», «знать», «уметь» и др. Примечательно, что языковая концептуализация свойств ума и сложных ментальных действий осуществляется посредством метафорических и метонимических моделей с опорой на осязаемые предметы (ум осмысливается по аналогии с головой, лбом, мозгом человека, с предметами, имеющими пространственные характеристики), на простые трудовые, физические манипуляции (например, резать, тянуть, брать, хватать, работать, варить, перемещаться и др.).

Будучи редуцированными в силу действенности своей природы, лексические значения единиц, организующих концептосферу ума, служат в языке репрезентантами ряда важнейших неязыковых представлений, отражающих менталитет и коллективный опыт русского народа. Онтология

ума осмысливается тройко: 1) ум понимается как нечто существующее само по себе, независимо от человека (Ум = Бог / Вселенский Разум / «царь» / человек (сверхчеловек) / некая синергетическая сущность); 2) как сущность, принадлежащая человеку (данная ему от природы / Богом), но которую человек не всегда способен контролировать³; 3) как свойство / способность / инструмент мышления, понимания, познания человека, человек – хозяин своего ума⁴. Частотность речевых реализаций свидетельствует о высокой значимости в русской когнитивной картине мира ряда оппозиций разновидностей «ума вообще»: высший / божественный (бесплотный) ↔ низший / тварный / примитивный / природный / внутренний человеческий ум ↔ дьявольский / срамный ум; ум человека (разум) ↔ ум животного (сообразительность); ум взрослого человека (разум, опыт, мудрость) ↔ ум ребенка (сообразительность, воспитанность, послушание, непорочность); мужской ум ↔ женский; ум теоретический, абстрактный ↔ ум низшего порядка – практический, житейский, «особый» ум (свой, своеобразный, хитрость); ум ↔ «другой» ум; передний ум ↔ задний; истинный, настоящий, «тот», «самый главный» ум (понимающий, нравственный, гуманный) ↔ «не тот» ум (злой, безнравственный). Значимыми оказываются также противопоставления национальных разновидностей ума, ума различных цивилизаций, социальных, профессиональных и мировоззренческих групп. Отношение к уму двойственно: ум не является ни абсолютной, однородной категорией, ни абсолютной ценностью. Практический, житейский ум (умение) позволяет выходить из трудных ситуаций, добиваться успеха, он предпочтительнее глупости (отсутствия ума), однако сам по себе ум не составляет счастья или богатства человека, он всего лишь инструмент, средство достижения благосостояния, да и то лишь ум в определенной, социально-нормативной мере (ср. идею «горя от ума»). *Ум* и *глупость* – антонимы, обозначающие понятия, не противопоставленные резко в русском неязыковом сознании.

Очевидно, что кристаллизация знаний об уме, частично отражаемых языком, осуществляется путем противоборства наивного, религиозного, художественного и научно-филологического мировоззрений. Тесная взаимосвязь и детальная проработанность большинства «ближайших» и «дальнейших» значений, репрезентируемых словом *ум* и его формальными и семантическими дериватами, свидетельствует о чрезвычайной значимости данного фрагмента действительности в жизни людей. Язык, как мотивированная во многих отношениях форма (в указанном еще В. фон Гумбольдтом смысле), накладывает определенные, хотя и подвижные, границы на практически неисчерпаемое человеческое знание, необходимые и достаточные для взаимопонимания и общения. Относительно устойчивые «ближайшие», по А. А. Потебне, значения, репрезентируя то или иное, актуальное для конкретной исторической эпохи, концептуальное содержание («дальнейшее» значение), варьируются, расширяются, сужаются или же нивелируются под непосредственным, мотивированным влиянием этого последнего.

* При поддержке РГНФ, проект № 07-04-00246а.

¹ Связь ментальных предикатов с предикатами зрительного и слухового восприятия в русском языке не является уникальной, национально-специфической: подобные связи обнаруживаются и на материале других языков индоевропейской семьи.

² Несмотря на определенный прогресс в познании мира, в русском языке и речи оказываются размытыми границы между умом, мышлением, сознанием, пониманием, рассудком, интеллектом и разумом.

³ Разновидности данного понимания – физиологическая и механистическая интерпретации ума.

⁴ Последнее понимание лежит в основе главного значения слова *ум* в современном русском языке, два же первых, базирующихся на антропоморфных и теоморфных моделях метафоризации, реализуются на уровне узуальной и окказиональной синтагматики.

Лингвокультурологический аспект общеславянского культурного наследия

В. М. Шаклеин

Москва, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Статус языка, который определяет направление языкового поведения, в определенной степени зависит от уровня развития высшей его формы – литературного языка. Это утверждение, по всей вероятности, справедливо в отношении развития трех литературных языков: русского, украинского и польского, формировавших культурно-языковое поле Украины. Это развитие происходило по-разному. В результате в середине XIX в. данные языки оказались на разной стадии развития, функционирования, демонстрировали не только несовпадения обслуживаемых ими коммуникативных сфер, но и показывали различный уровень кодификации, разную степень стилистической дифференциации.

В исходном, более выгодном положении с этой точки зрения на территории Украины оказался польский язык, долгое время сохранявший статус официального языка и имевший хорошую литературную традицию. Однако к концу XIX в. этот язык окончательно вытесняется русским языком. В то же время он воспринимается как одна из альтернатив русскому языку.

Несколько в иной ситуации оказался русский литературный язык. В XVIII в. шла борьба за расширение его сферы употребления. Его окончательное становление относится к первой половине XIX в. В это же время он утверждается в роли официального языка на Украине, в значительной степени вытесняя польский язык из сферы культуры.

Украинский литературный язык являлся потенциальным языком культуры на западной территории страны. Хотя традиционно он уступал русскому и польскому языкам. Языковое поле этой страны формировалось в течение XVII–XVIII вв. с учетом практики культурного многоязычия, когда границы сферы употребления языков оставались достаточно подвижными. Украинский книжный язык явился продуктом синтеза элементов живой разговорной украинской речи и разнородных стилистических и лексических элементов.

Сегодня языковая лингвокультурная ситуация на Украине характеризуется тем, что здесь значительно изменился языковой облик региона, который формировался в течение двух последних столетий. Сменилась лингвокультурная парадигма. На этом фоне русский язык, который распространен на Украине гораздо шире польского, начинает де-факто приобретать языка национального меньшинства.

Польша, с одной стороны, традиционно вовлеченная в культурно-языковые дискуссии с Россией, часто выступает в защиту языковой политики Украины. В то же время русский язык в самой Польше сегодня занимает третье место среди изучаемых иностранных языков.

Экономически заинтересованные друг в друге Россия, Украина и Польша, имеющие общие границы, нуждаются в более тесном сближении, в том числе и в области проведения языковой политики.

Родники и листья: славянские языковые картины мира (на материале польского, болгарского и русского языков)

Л. А. Шестак

Волгоградский государственный педагогический университет (Волгоград, Россия)

Концепт, метафорическая модель, языковая картина мира

Аннотация. Геополитические условия жизни этноса воспроизводятся в его языке и культуре в целом в виде базовых метафорических моделей. Базовые концепты являются призмой мировосприятия и каноном поведения этноса.

Космос – дом человека. Человек приспосабливается к окружающей его среде, использует для своей жизнедеятельности природные ресурсы, выстраивает отношения с окружающими его этническими «соседями» – мирно торгуя с ними или от них обороняясь, осознает место в мире себя как индивидуума и своего рода как исторического субъекта. Природные, социальные, научно-технические факторы, определяющие развитие любого этноса, являются предпосылкой и базой **концептуализации** фрагментов действительности – осознания их как *сакральной материальной и информационной ценности традиционного*, т. е. исторического и наследуемого характера. Условия и закономерности концептуализации действительности осмысливаются в форме не только научных штудий [Карасик 2002]; [Лихачев 1984]; [Степанов 1997]; [Językowy obraz świata 1990], но и шуточных высказываний, например: «География – это все, от геологии до идеологии».

Этническая метафорика (переносные употребления лексем, словосочетаний, высказываний, текстов), в первую очередь оформляющая языковую картину мира, в референциальном аспекте сфокусирована на базовых параметрах бытия. Отсюда постоянное историческое продуцирование этнических референциальных моделей, осмысляющих рельеф местности, климатические особенности, беды и победы нации, бытовую утварь, особенности кухни и проч.

Так, островное положение Англии, ее былой статус мировой морской империи, абсолютизация социальной престижности, установка на агональность сформировали в английском языке целые пласты морской и социоморфной метафорики: *a man adrift* «дрейфующий человек» 'морально неустойчивый человек'; *to go aloft* «отправиться на рей» разг. 'умереть'; *beach-comber* «океанская волна» 'бездельник, бродяга'; *to give a wide berth* «дать широкий причал» 'обходить, избегать что-либо'; *to lay an anchor to windward* «бросать якорь с наветренной стороны» 'принимать необходимые меры предосторожности'; *ship's biscuit* «корабель-

ный бисквит» 'сухарь'; *baker-legged* «с ногами пекаря» 'кривоногий'; *every barber knows that* «это известно каждому парикмахеру» 'это всем известно, все это знают'; *baron of beef* «барон, магнат говядины» 'толстый филей'; *to swear like a bargee* «ругаться как барочник» 'ругаться как извозчик'; *the bishop has played the cook* «готовил епископ» 'подгоревшее блюдо' и пр.

Жаркий климат, структура социума, агротехническая специализация Болгарии, историческое прошлое – пятисотлетнее турецкое иго способствовали оформлению в болгарском языке устойчивых моделей фитометафор и гастрометафор, осмысляющих в качестве основания метафоры виноградарство и виноделие (*не ми трябва на баир лозе* «мне не нужна лоза на холме» 'очень мне это нужно'; *не разбирам ни бъке* «не разбираться даже в баклаге» разг. 'ничего не понимать'; *халваджия за бузоджия* «халвовар за бузовара» 'рука руку моет'; *винен плат* «винного цвета» 'темно-красный материал'), животный и растительный мир Балкан (*букова глава* «голова из бука» 'дурак'; *бълвам змии и гущери* «изрыгать змеев и ящериц» 'метать громы и молнии'; *стана на вейка* 'стать худым, как ветка'; *опичай си акъла* «трей мозги» 'соображай'), историко-политические реалии (*властите се давят на края на Дунава* «валахи гибнут (душатся, топятся) на краю Дуная» 'гибнуть в последний момент'; *живее като бей* «жить как бей» 'жить богато'), социальные и этнические предпочтения (*имам вуйчо владика* «иметь дядю архиерея»; *говоря на ангро* «говорить оптом» 'преувеличивать'; *Хубаво момче, но турче!* «Прекрасный парень, но турок!»).

Ландшафт лесов и водоемов, роль католической церкви в жизни польского общества, историческое положение в центре Европы, ориентация на французскую культуру концептуализировала в польском языке понятие леса и реки (*zaszyć się w lesie; nauka nie poszła w las* 'наука одniosła požądany skutek'; *być z czymś w lesie* 'być bardzo opóźnionym w jakiejś pracy'; *coś jest w lesie, za lasem* 'o czymś co nieprędko

nastąpi»; *Jeden do Sasa, drugi do lasa* 'nie ma nic wspólnego'; *za siedmioma rzekami, za siedmioma górami* 'bardzo daleko'), сформировала обширную религиозноморфную метафорику как польского языка (*anielskie włosy* «волосы ангела» 'елочное украшение'; *ablucje* «омовения» 'водные процедуры'; *bać się czegoś jak diabeł święconej wody* «бояться как дьявол освященной воды»; *masz diabła kaftan* «вот тебе, дьявол, кафтан» 'ничего не вышло'), так и культуры в целом (например, культовый для польского сознания роман «Ogniem i mieczem» Henryka Sienkiewicza), создала «экзотические» сравнения (*abisynki* «абиссинки» 'cherbatniki ciemnobrązowego koloru', 'mieszanka cykori i kawy zbożowej'; *bagdady* 'skóra baranków', 'futro z tych skór': *nosić bagdady, chodzić w bagdadach; kabul* «Кабул» 'gęsty pikantny sos dla potraw mięsnych'; *kacyk* 'naczelnik wsi lub rodu u Indian z wyspy Haiti' – 'urzędnik, sprawujący władzę w sposób samowolny, arbitralny'; *kałmuk* «калмык» 'koń stepowy', 'gruba tkanina bawełniana'; *Biały murzyn* «белый негр» 'o człowieku ciężko pracującym, wyzyskiwanym, źle traktowanym'; *Murzynek* «негритенок» 'mocna czarna kawa'; *murzynka* «негритянка» 'odmiana truskawek'; *landrynkowe kolory* «леденцовые цвета» 'яркие'; *landrynkowa historia* 'sentymentalna'; *laurka* «поздравительная открытка» 'przesadnie pozytywna opinia podana do wiadomości publicznej').

Частые войны с захватчиками и постоянная готовность к очередной обороне своей земли способствовали закрепле-

нию в русском языке и культуре в целом образных эталонов и предостережений (ср. поговорки и выражения как *Мамай прошел, держи порох сухим, они шли и ложились, как фрицы под Сталинградом*, названия романов М. Шолохова «Они сражались за Родину», В. Некрасова «В окопах Сталинграда», повести В. Быкова «Обелиск», второй книги романа К. Симонова «Живые и мертвые» «Солдатами не рождаются»), а также сакрализации ратного труда. Русский взгляд на мир православного «сеятеля и хранителя» (*дорого яичко к светлому дню; глаза бояться, а руки делают; и мы пахали, мелкая сошка, упасть на добрую почву; перекапывай поле; топорная работа; хлеб-соль; было дело под Полтавой; на миру и смерть красна*) является исторической памятью и каноном поведения нации.

Литература

- Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. Около 58 тысяч слов. 2-е изд., стереотип. М., 1975.
 Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
 Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М., 1984.
 Мюллер В. К. Англо-русский словарь. English-Russian Dictionary. 53000 слов. 23-е стереотип. изд. М., 1992.
 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
 Językowy obraz świata. Lublin, 1990.
 Słownik języka polskiego / Red. naukowy prof. Dr. Mieczysław Szymczak. T. 1–3. Warszawa, 1978–1981.

Структура пропозитивно-ассоциативного фрейма концепта 'огонь': на материале русских заговорных текстов и паремий

Н. В. Шестеркина

Мордовский государственный университет (Саранск, Россия)

Перцептивно-событийная ситуация, пропозиция, ассоциат, фрейм

Аннотация. В статье представлена структура пропозитивно-ассоциативного фрейма концепта 'огонь' как перцептивно-событийной ситуации, характерной для языческого периода развития человеческого общества.

Огонь – объект человеческого наблюдения (перцептивно-го восприятия). В перцептивно-событийной ситуации в качестве главного действующего лица выступает объект восприятия (огонь), а субъект восприятия, человек, зачастую синтаксически не выраженный, но связанный с предикатами пространственной (местонахождение и перемещение) и перцептивной семантикой, выступает в роли наблюдателя (Ю. Д. Апресян). Знания об огне могут быть структурированы в виде фрейма пропозитивно-ассоциативного типа (Е. А. Селиванова, Е. А. Числова).

Материалом исследования послужили заговорные тексты, а также русские народные загадки (сборник загадок под редакцией В. Митрофановой). В обоих видах текстов довольно ярко сохранился языческий след.

М. М. Маковский считает, что все сочетания гласных изначально имели одно значение, от него впоследствии образовались все остальные значения, представленные в языке – значение «огонь – вода» (сами они – метафоры от первичного значения в индоевропейских языках «гнуть – ломать», т. е. огонь – «плетение» языков пламени, а вода – «плетение» волн). Эти сочетания гласных (*ai-, *ia-, *ua-, *ei-, *ie-, *eu-, *ue(i)-, *ou-, *uo-, *oi-) «обрастали» согласными и их сочетаниями; эти согласные первоначально служили табуирующими элементами для «сакральных» вокалических сочетаний. В лоне этих сочетаний значения «гнуть – ломать» > «огонь – вода» дали большинство значений, представленных в языке [напр. «высокий», «небо», «бог», «краска» (цвет огня), «травя», «волосы» (букв. «тянущиеся вверх, как огонь»), «сила» (огонь как божественная сила), «свет», «звук» (горящего огня), «разум», «бытие», «столб» и др.].

Что касается концепта 'огонь', то во времена язычества древний наблюдатель поначалу видел только небесный огонь, который чаще всего воспринимался как наказание богов: *А святой Михаил сечкой засечет, огнем сожжет...* (МЗ 72); *Господь найдет съ небесь огненное пламя, и вась лициць сожжетъ и спалить* (РН 338–339). На небе есть огненный царь: *На Русской и на нѣмецкой земле есть огненный царь, высушил рѣки и озера...* (РН 308). Существуют также царь гром и царица молния: *...царь громъ грянулъ, царица молния пламя спустила...* (РН 328–329). Однако небо защищает землю огнем от нечистой силы: *...за-*

щити и помилуй, архангел Михаил, своим огненным копьем от злого нечистого духа (МЗ 143). Существует и огненная стрела: *О ты, огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошло...* (МЗ 13). Солнце также посылает огонь, но он большей частью целебный: *Шло утренней зарей солнышко яркое, солнышко жгучее... Несло солнышко три заступа железных, отмахивало, откальвало, сжигало и испепеляло с раба Божия (имя) денные порчи... испепеляло ночные переполохи* (МЗ 73–74).

Огонь часто воспринимался язычниками синкретично: наряду с концептом 'огонь' (вербализуемым номинациями *огонь, пламя*) существуют *огненный царь; огненный змей; огненная стрела, молния; туча, огненная и пламенная; огненный бой* и т. д.

1. Пропозитивную часть фрейма концепта 'огонь' характеризуют предикаты, основными из которых в заговорных текстах являются: *сжигать, спалить, испепелить, высушить, летать (змѣй огненный); спускать сильный гром и молнию (из тучи грозная); спускать пламя, освещать (царица молния); метаться (царь громъ, царица молния); грозно, и пылко, и ярко дьявола и демона изгонять (громовая стрела из молнии); смущать и устрашать (небесная стрѣла, молнія и гром), заставляя Вселенную двигаться, землю трепетать (гром и молния)*. Данная лексика относится к группе «война».

Предикаты тесно связаны с **локативами**, т. е. местонахождением огня. Это почти всегда *небо, небеса* и пространство над наблюдателем, а также мифические места: *рай, ад*. **Темпоральные** показатели в данной ситуации нерелевантны, т. к. огонь можно наблюдать в любое время дня и ночи. Что касается **атрибутов**, то наиболее распространены призывные слова *огненный, пламенный*.

2. Ассоциативную часть фрейма выделяем из примеров переносного употребления номинации *огонь*, это, в частности, материал загадок. Выделенные ассоциаты характеризуют огонь в русле различных культурных кодов:

1) **зооморфный** код (животное, птица, рыба, насекомое): **кот / кошка** (*красненький котик; кошка*), **свинья** (*свинка – золотая щетинка; поросенок*), **конь** (*Еще коня не запрягли, а он уже хвост поднял*), **бык** (*Бык железный, хвост кудельный*), **лиса** (*в турице – лисица...*), **мышь** (*Мышка ходит*

по брусочку...), **утка** (...плавает утка, горит голова), **петух** (Красненький котенок), **сова** (Летела сова...; Стала сова периться...), **тетерев** (Золотая тетерочка), сравнение с **соколом** (...как сокол полетел), **щука** (...плывет щука золотая), **жук** (красненький жучок);

2) **антропоморфный** код, характеризующий огонь как человека – **девушку** (Девка красивая), **мужчину** (Сугорбя дядя, барин), **ребенка** (маленький малыш), родственные отношения – **отец и сын** (Отец не успел родиться, а сын пошел в солдаты – огонь и дым), сестра и **брат** (Сестра сильней брата – вода и огонь). Следующие загадки также могут характеризовать огонь как живое существо, человека: ...без рук, без ног на печь лезет и выше дерева растет; Без рук, без ног, а на елку лезет и др.;

3) **артефактный** код: предметы быта – **шатер** (...Не собирать шатра ни хитру, ни мудру, ни грамотнику – свет от лучины); **сито** (Сито сито, посередине золотая кладуха).

Предикаты в ассоциативной части связаны с действиями, характеризующими животных и людей: *ест; пожирает; делает много бед; поднимается; ходит; лапу крошит (по кусочку); лезет; бежит; растет; поколачивает и позолачивает; израет; едет; рождается; стит; летит, перится; плавает / плывет (из ворот в ворота); ничего не оставля-*

ет; хвост поднимает; дрожит. Среди них много глаголов движения.

Атрибуты: *красненький; красный (краснее всего); тяжелый (всего тяжелее); белый; сильный (сильнее всего); страшный (страшнее всего); без рук, без ног; маленький; красивый; золотой; золотая тетинка; железный; как сокол.* Атрибуты относятся к тематическим группам «цвет», «квантитативные признаки» (вес, размер), «оценка» (положительная и отрицательная) и др.

Физические свойства огня: *без меры, без весу, не переубить топором, не сбросить с крыши, век не пересечь, жевать не жует.* **Локативы:** *по шестуку, по брусочку, по жердочке / по жерди, по течинке (огонь на лучине); у солдата на дворе (огонь в лампе); в турице (огонь в печи); из Красного села; по дереву; по кучам; вверх (на гору); по деревне; на елку (на печь) лезет; по лавке, по жердочке, по улице, по шестуку (до конца) бежит; выше дерева (растет); в камне; из ворот в ворота.*

Итак, концепт 'огонь' связан с языковой картиной, в которой сохранились существовавшие ранее мифологические воззрения человека на природу. Об этом свидетельствует наличие признаков, связанных с явлениями тотемизма, анимизма и др., в которых отразилась мифологическая картина мира.

Способы именованя чувств в русской языковой картине мира

О. С. Ширяева

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (Волгоград, Россия)

Душа, языковые средства именованя чувств

Аннотация. Представлены основные способы именованя чувств в художественном тексте, выявленные на основе анализа языковых средств, используемых для описания душевных переживаний. Теоретический материал проиллюстрирован примерами.

В русской языковой картине мира описание чувств, испытываемых человеком, занимает одно из центральных мест. Локализацией эмоциональной жизни человека, вмещающей чувств принято называть душу – невидимый орган внутренней жизни человека, находящийся в груди [Михеев 1999: 145]. Русский язык обладает богатым арсеналом средств, позволяющих охарактеризовать все разнообразие душевных переживаний, свойственных русской национальной личности.

На основании проведенного анализа советской прозы периода 60–80-х гг. XX в. (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Вл. Солоухин) были выявлены и описаны способы именованя чувств. Основные из них следующие:

1) непосредственное именованя чувства: *разрасталась в его душе обида* (В. Астафьев. «Ясным ли днем»); *суверный страх стал закрадываться в души людей* (Ф. Абрамов. «Братья и сестры»); *покой, что пришел из мира в душу ее* (В. Астафьев. «Тревожный сон»);

2) именованя чувства посредством характеризующих определений: *мстительные чувства в душах победителей* (В. Астафьев. «Веселый солдат»); *благодное, спокойное чувство <...> разлилось по ее душе* (В. Распутин. «Прощание с Матерой»);

3) именованя чувства посредством глаголов эмоционального действия: *посочувствовал в душе* (Ф. Абрамов. «Две зимы и три лета»), *ликовал в душе* (В. Астафьев. «Белое и черное»);

4) именованя чувства посредством безличных наречных конструкций со словом душа: *на душе от чего-то было тоже празднично и грустно* (В. Распутин. «Живи и помни»); *хорошо на душе* (Вл. Солоухин. «Мститель»);

5) именованя чувства посредством образного выражения: *сохранилось в душе ощущение праздника* (Вл. Солоухин. «Капля росы»); *душа на небе* (Ф. Абрамов. «Дом»); *не сходило потом с души светлое воскресение* (В. Распутин. «Прощание с Матерой»);

6) именованя чувства посредством прилагательного *душевный* + название чувства: *душевная боль* (В. Белов. «Холмы»); *душевный покой* (В. Белов. «Привычное дело»); *моего душевного смятения не понять никому* (В. Астафьев. «Тельняшка с Тихого океана»).

Перечисленные и другие критерии сведены в таблицы, классифицирующие чувства в соответствии с их качественной характеристикой, а также описаны возможные способы их именованя («Положительные чувства и способы их именованя», «Отрицательные чувства и способы их именованя», «Двойственные чувства и способы их именованя»). Выполненное исследование предлагает инструментарий для изучения лексических средств описания душевных переживаний в художественном тексте.

Литература

Михеев М. Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры: Сб. статей. М., 1999.

Этнокультурная специфика паремийной единицы с ономастическим компонентом как объекта конфронтативных исследований

Т. Шутковски

Щецинский университет (Щецин, Польша)

Паремия, этнокультурное значение, оним, конфронтация

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос этнокультурной уникальности онима-компонента паремийной единицы в контексте конфронтативных исследований. Именно в паремийных единицах (ПЕ) антропонимы выполняют функцию аккумуляции явлений и фактов внеязыковой действительности. Степень проявления этнокультурной специфики позволяет определить своеобразные признаки паремиологического запаса отдельных языков и характер специфики данной культуры.

Объектом исследования конфронтативной лингвистики были единицы разного характера. Наиболее распространенной практикой в этой области стал прежде всего транслято-

логический анализ семантических отношений (эквивалентности) лексики двух и более языков, близко- и неблизко-родственных.

Сопоставительные исследования паремийных единиц нашли свое широкое отражение лишь в последнее время, особенно во фразеографических работах (ср. [Вальтер, Мокиенко 2006]; [Koszevska, Kierzkowska, Kowalik, Ledwoń, Walter 2006]; [Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny 2001]). Авторы этих изданий при установлении оптимальных межъязыковых соответствий стараются учесть факторы различного характера: 1) семантический класс, 2) соответствующую степень этнической уникальности, 3) наличие определенных стилистических ограничений, 4) тип ситуативной характеристики [Змарзер 1997: 241]. Наиболее трудным в четком обнаружении степени и специфики проявления следует считать этнический (или этнокультурный) фактор, который непосредственно связан с культурным феноменом данной языковой общности. Определение степени выражения этнической принадлежности зависит от многочисленных признаков, прежде всего от динамических перемен в духовной и материальной культуре народа, в его менталитете, условиях жизни и т. д.

Наличие культурных характеристик нашло свое отображение также в семантической структуре языковых единиц, т. к. лексическое значение может включать в свой состав 5 компонентов: 1) сигнификативный, 2) денотативный, 3) коннотативный, 4) структурный и 5) этнокультурный (отражающий специфику национального восприятия тех и / или иных объектов или фрагментов действительности, а также конструктов национального сознания) [Солодуб 1997].

Этнокультурный компонент особенно связан с ярко культурно маркированными единицами языка – фразеологизмами, паремиями и онимами (ср. [Milewski 1969]). Это как бы застывшие с синхронной точки зрения реликты прошлого, так как слово и его разнообразные структурные конфигурации являются не только средством передачи информации, но и инструментом мысли и аккумуляции культуры [Хроленко 2005: 78].

В контексте сказанного особого внимания заслуживают в конфронтативных лингвистических исследованиях ПЕ с ономастическим компонентом, например: *По бороде – Авраам, а по делам – Хам; Все Адамовы детки, все на грехи падки; Васильева ночь звездиста – к урожаю ягод; На Екатеринбургин день и на Андрея гадают; Ивана Купала, костры, прыгают чрез купальничкие огни; За короля Саса было и хлеба и мяса, а стал Понятовский – и хлеб не таковский и все по-чертовски и мн. др.* Уже на основе приведенных примеров видно, что лексическое наполнение этих паремий указывает на определенные этнокультурные признаки общества, в которых они образовались и функционировали (или по-прежнему функционируют) как средства вторичной номинации. Выделенные антропонимы связаны с разными реалиями и спецификой прошлых времен: библейскими и мифологическими персонажами (*Авраам, Хам, Адам*), святыми католической и православной церкви (*св. Екатерина, св. Андрей, св. Иоанн*), реально существующими историческими лицами (*Сас, Понятовский*).

Конфронтативный анализ должен учитывать не только фактор семантических инвариантов, которые следует считать относительно универсальными для многих культур (они относятся к онтологическим или аксиологическим

бинарным оппозициям, например: Добро / Зло, Жизнь / Смерть, Счастье / Страдание, Причина / Последствие, Производитель / Производимое, Труд / Безделье и т. д.) [Пермяков 1978], но также уникальную этнокультурную специфику, которая является особенной и неповторимой в отношении к данной языковой общности (также к языковым семьям: славянской, германской, романской и др.).

Паремийные единицы с ономастическим компонентом по этому принципу можно разделить на три основные группы: 1) ПЕ со слабо выраженной этнической принадлежностью (это прежде всего ПЕ с антропонимами, выполняющими функцию имен нарицательных, например: *Вчера Макара грызды копал, а ныне Макара в воеводы попал; Со wie Grześ, to i cała wieś*); 2) ПЕ с относительно ярко выраженной этнической принадлежностью (это прежде всего ПЕ с антропонимами, генетически связанными с Библией и мифологией, а также с культом святых, например: *На луне Каин убивает Авеля, брат закалывает брата вилами; Кто перед днем св. Космы и Дамиана постится, от смертного греха избавлен будет; Dwie ma i sam Herkules nie zdola; Na świętego Jakuba ostatnia już siewów pora*); 3) ПЕ с ярко выраженной этнической принадлежностью (это прежде всего ПЕ с антропонимами исторических личностей и фамилиями, которые связаны только с одним народом или одной социальной микрогруппой, например: *И Мамай правды не съел; Z Czartoryskim żyć, z Radziwiłłem pić, z Ogińskim jadać, z Rzewuskim gadać*).

Считаем, что вопрос о этнокультурной специфике в конфронтативных исследованиях ПЕ заслуживает самого пристального внимания фразеологов, и не только в лексикографическом плане. Эта специфика является очень важной в отношении методики составления лингвострановедческих словарей, в которых четко будет представлен и описан культурный, национальный фон образования и функционирования в широко понимаемом дискурсе ПЕ с ономастическим компонентом. Существующие до сих пор фразеографические издания показывают, что этнокультурная специфика этих единиц указывается в минимальной степени.

Литература

- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Greifswald, 2006.
- Змарзер В. Паремия русского и польского языков как объект лексикографического описания // *Przegląd Rusycystyczny*. 1997. Z. 3–4.
- Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // *Паремииологический сборник / Сост., ред. и предисловие Г. Л. Пермякова. М., 1978. С. 105–135.*
- Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // *Филологические науки*. 1997. № 5. С. 43–54.
- Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М., 2005.
- Koszevska A., Kierzkowska E., Kowalik E., Ledwoń A., Walter H. 500 gebräuchliche russische Sprichwörter mit ihren deutschen und polnischen Parallelen. Greifswald, 2006.
- Milewski T. Imiona osobowe jako zwierciadło kultury // *Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe*. Wrocław, 1969. S. 147–154.
- Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny / Red. nauk. J. Lukszyn. Warszawa, 2001.

Соотношение концепта «жизнь» в русском и польском языках

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет (Курган, Россия)

Концепт, жизнь, сопоставление

Аннотация. Автор статьи исходит из положения об исторической изменчивости концепта, что приводит к постепенному расхождению представлений об одном и том же явлении у представителей разных, но родственных этносов.

1. Концепт «Жизнь» входит в состав базовых межэтнических концептов, организующих концептуальное пространство любого общества. Простейшие наблюдения наводят нас на мысль о том, что концепт «Жизнь» не остается неизменным. Изменчивость его зависит от разных причин, которые несут в основном экстралингвистический характер. В годы экономической, политической, военной нестабильности жизнь представляется людям менее значимой, чем в годы стабильности; эмоционально уравновешенный человек принимает жизнь более спокойно, чем человек пылкий; жизнь одного конкретного человека кажется более ценной,

чем жизнь обезличенных тысяч; промежутки времени между рождением и смертью часто становятся не равным всему концепту «Жизнь». Проявления жизни обнаруживаются в совершенно разных понятиях, которые современные носители языка с жизнью не связывают: части тела (*живот, жир, жила, прожилки, сухожилие*), добыча (*пожива*), вещи (*пожитки*), пища (*жито*), подвижность (*живо, оживленный*), потусторонние силы (*нежить*). В культурном сознании человека сталкиваются, казалось бы, совершенно противоположные представления о жизни: это то, «что дороже всего на свете», и то, что кто-то может проклинать (*жизни*

не рад; жителя нет), то, что проходит в мучениях (*жизнь прожита – не поле перейти; собачья жизнь; не жизнь – каторга*), и нечто легкое, несерьезное (*прожигать жизнь; вольная жизнь; живет – не тужит, по свету кружит*), то, что рано или поздно подходит к концу (*на закате жизни; уйти из жизни; по гроб жизни; не жалец – не жихорь; два века не проживешь*), и то, что имеет продолжение (*битая посуда два века живет; возвращать к жизни; люди умирают, да дела их живут; жизнь коротка, да погудка долга*) и т. п.

2. Чтобы выяснить, какие представления о жизни закреплены в сознании наших современников и сходны ли они у представителей разных возрастных, гендерных и этнически родственных групп, вместе со студентами, посещающими семинар «Польский и русский: исторические параллели», мы провели ряд опросов, в том числе и в сети Интернет. В опросах были задействованы жители России (238 человек) и Польши (113 человек). Результаты опросов, показавшие частичное несовпадение концепта «Жизнь» среди представителей разных, но генетически родственных этносов, навели на мысль об исторической изменчивости концепта, предпосылки к которой изначально заложены внутри языка.

3. Данные историко-лингвистических словарей показали, что изначально концепт «Жизнь» делится на три основополагающих сегмента, которые можно обозначить как «отрезок между рождением / возникновением / смертью / уничтожением», «подвижность» и «сущее». Первый сегмент, являющийся ядром концепта, носителями русского и польского языков воспринимается совершенно одинаково. Жизнь и для русских, и для поляков – это собственно отрезок времени (*жизнь, житьё, жительство, житуха / życie, роżycie, żywot*), это сам процесс жизни (*жить, зажить, пожить, дожить, житься, нажиться, пережить, сжиться, ужиться* и др. / *żyć, przeżyć, pażyć się, dożyć, dożywać* и др.), это и ощущение жизни, и то, что жизнь приносит. Сегменты «подвижность» и «сущее», несколько дальше отстоящие от ядра, видимо, актуализируют те или иные вербализаторы в разное время, поэтому лексемное наполнение сегментов в русском и польском языках оказывается неравнозначным. Так, если в сегменте «подвижность» для русских и поляков одинаково вербализуются значения «движение» (*живо, живость, оживленно, оживляться / żywo, żywość, ożywiony, ożywać się, z życiem*) и «несущий жизнь» (*жила / żyła*), то такое значение, как «стихия, буйство, энергия» (*żywiol, żywiołowy, życie*), в русском концепте «Жизнь» отсутствует. В сегменте «сущее» различий обнаруживается еще больше. Это является прямым свидетельством того, что в основе лингвокультурных представлений русских и поляков периферийные значениязначимого концепта «Жизнь» актуализировались по-разному. Так, славяне изначально связывали жизнь с тем, что ее обеспечивает, и прежде всего с хле-

бом (*жито / żyto*), но в дальнейшем у русских это значение развития не получило, зато поляки стали связывать с жизнью и пищу вообще, питание (*pożywienie, żywienie, odżywcz, odżywka*), и способ ее получения (*żywić, pożywić, odżywiać, pożywiać się*), и человека, получающего избыточную пищу (*zażywny*), и пожизненную ренту, пенсию, обеспечивающую питание (*dożywocie*). Напротив, у русских актуализировались значения, связанные с оседлой жизнью: с местом пребывания (*жилье, жилище, житель*), с приобретаемым (*пожить, нажитое*) и способом его приобретения (*нажить, пожить*), с тем, кто так или иначе связан с жизнью (*живец, животное, животина, живность, наживка*), еще позднее актуализировалось значение «отражающее сущее» (*живопись*).

Проанализировав характер изменений, отразившихся в родственных славянских языках, мы пришли к заключению, что все они обусловлены изначально содержанием концепта и внутренними особенностями его полевого строения: чем ближе вербализаторы концепта располагаются к его ядру, тем больше вероятность их одинакового видения разными этносами. Вместе с тем изначально периферийные вербализаторы менее устойчивы к изменениям, обусловленным взаимодействием с другими концептами. Все это напрямую связано с собственно лингвистическими условиями, изначально заложенными в видение концепта, а экстралингвистические воздействия только сопутствуют им, являясь своеобразными толчками, определяющими его изменения.

Литература

- Голумянц К. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Минск, 2004.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
- От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской картине мира: коллективная монография / Под ред. С. Г. Шулежковой: В 2 ч. Магнитогорск, 2007.
- Русско-польский. Польско-русский словарь. М., 2005.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
- Шушарина И. А. Русский и польский: исторические параллели. (Рукопись).
- Шушарина И. А., Кузьмина М. Реализация этно-исторического концепта «жизнь» в русском и польском языках // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. Вып. 2. Курган, 2008. С. 152–160.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2006.

Лексическое выражение семантики понимания в славянских языках

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Понимание, синонимия, глагол

Аннотация. Анализ сочетаемости славянских синонимов, восходящих к глаголу *orzuměti и глаголам с семантикой хватания, показывают, что первые тяготеют к обозначению языкового понимания, которое носит рациональный характер (его результатом является приобретение объективного знания), а вторые преимущественно обозначают субъективное познание сложных ситуаций (интуитивное, иррациональное).

Лексико-семантическая сфера понимания демонстрирует богатую синонимию во всех славянских языках. С ее помощью языки выражают разные формы усвоения информации, основанные на признаках логической / интуитивно-необъяснимый (русск. *почувствовать, догадаться*), контролируемый / неконтролируемый (русск. *осенить, озарить, дойти*). Общеславянским является только глагол *orzuměti (связано со слав. *ить), прочие же глаголы данного поля представляют собой различные метафоры. (Самая распространенная метафора – ‘понимать’ < ‘брать, хватать’: русск. *понять* < *rojeti, словен. *dojetati*, укр. *sхопити*, польск. *uchwycić*, чеш. *pochopit*, словц. *chápat*, серб. *sхватити*, болг. *разбира*, макед. *разбира*.) В центрально-европейском ареале (чешский, словацкий, хорватский, сербский языки) устойчивую синонимическую пару для продолжений глагола *orzuměti образовал глагол с первичной семантикой хватания: чеш. *pochopit*, словц. *chápat*, с.-х. *shvatiti*. Каждый

из этих языков ввел глагол хватания в сферу понимания в близком, хотя и не в тождественном круге контекстов, прежде всего противопоставив такие употребления как «понять речь» и «понять смысл». Однако во всех названных языках существует большой круг контекстов, где синонимы выступают в очень близких значениях и даже нейтрализуются.

Специфику семантического спектра продолжений *orzuměti составляет прежде всего значение **понимания языка / речи**, которое не может быть выражено глаголом хватания: чеш. *Promiňte, nerozumím. Mluvte prosím víc pomalu / pomaleji*; словц. *Prepáčte, nerozumiem. Hovorte pomalšie, prosím*; серб. *Извините, не разумем вас, говорите полако* ‘Простите, я не понимаю. Говорите, пожалуйста, медленнее’. В словацком и сербском языках глагол хватания невозможен или нежелателен в сочетании с объектами, обозначающими единицы языка и прочие символы (‘слово’,

предложение', 'жест' и др.), предпочитающими глагол **orzuměti*. Слвц. *Nerozumiet tejto fráze*; серб. *Ne razumem ovu frazu* 'Я не понимаю эту фразу'.

Понимание, обозначаемое глаголами хватания, – это более **сложный** и, следовательно, более субъективный и менее автоматический акт, чем в **orzuměti*. Большинство информационных объектов с семантикой факта и ситуации, ее причины, цели, характера предпочитают сочетаемость с глаголами хватания. Чеш. *Chápu, že je to nutné*, слвц. *Ja chápem, že je to nevyhnutné*; серб. *Sхватам да је то неминуовно* 'Я понимаю, что это неизбежно'. Глагол **orzuměti* также возмозжен в подобных контекстах, но он всегда обозначает рациональное понимание и трактует информацион-

ный объект как систему знаков, которую можно логически расшифровать. Напротив, глагол хватания нормально употребляется в контекстах, где описываемое понимание факта достигается не столько работой мышления, сколько действием чувственных или **интуитивных** инструментов познания и носит спонтанный и необъяснимый характер. Чеш. *Hned jsem pochopil, že se ti to nelíbilo*; слвц. *Hned som pochopil, že sa ti to nepáčilo*; серб. *Одмах сам схватио да да се теби то не свиђа* 'Я сразу понял, что тебе это не понравилось'. Чеш. *Najednou jsem pochopil, že všechno skončilo*. Слвц. *Náhle som pochopil, že všetko je konečné*. Серб. *Одједном сам схватио да сам проао* 'И тут я понимаю, что мне конец'.

Pionowa oś czasu i jej wykładniki w językach słowiańskich (na materiale języka polskiego)

Cz. Lachur

Uniwersytet Opolski / Опольский университет (Ополе, Польша)

Время, ось времени, языковая картина мира

Аннотация. Человеческие представления о времени относительны. Определенное его «видение» запечатлелось и в языке, являясь фрагментом языковой картины мира его носителей. Во многих (если не в большинстве) языках существуют средства, предполагающие вертикально-пространственную ориентацию временной оси. В статье на материале польского языка (в сопоставлении с русским) описываются конструкции и выражения, которые следует считать реликтом данного восприятия времени в славянских языках.

We współczesnej nauce pojęcie czasu (a także przestrzeni) uważane jest za jedną z fundamentalnych kategorii ludzkiej świadomości, formujących wyobrażenia człowieka o sobie samym i otaczających go świecie. Dla człowieka bowiem w czasie mają miejsce nie tylko wydarzenia obiektywnego świata zewnętrznego, ale także jego odczucia subiektywne czy działalność intelektualna. Czas z kolei zyskuje sens w człowieku, w jego świadomości i języku.

O ile czas (i przestrzeń) może być traktowany jako wartość w pewnym sensie trwała i niezmienna, o tyle jego percepcja przez ludzi podlega ewolucji i zauważalnym zmianom. Sprowadza się to do tego, w jaki sposób człowiek poznaje świat i jak efekty tego poznania utrwalone są w języku. A. Ja. Gurewicz pisze na ten temat: «Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [Гуревич 1972: 84].

Nie ulega wątpliwości, że na przestrzeni wieków czas był postrzegany przestrzennie. Niezbędnym warunkiem percepcji i uświadomienia sobie przez człowieka powszechnego związku czasowego obecnego w rzeczywistości obiektywnej oraz swojego miejsca w niej jest pojęcie osi czasu (osi orientacji czasowej). Współcześnie w naszym kręgu cywilizacyjnym oś czasu wyobrażamy sobie geometrycznie w postaci (linii) prostej poziomej, nakierowanej od przeszłości ku przyszłości (uwzględnwszy antropocentryzm języka powiemy: od „tyłu» ku «przodowi»). Człowiekowi współczesnemu bowiem przeszłość jawi się gdzieś za nim, z tyłu, jakby za plecami, przyszłość – jak coś znajdujące się przed nim, z przodu, do czego dąży i ku czemu się kieruje, terażniejszość natomiast – gdzieś obok niego, jako coś go otaczającego, obejmującego, ogarniającego. Widać to chociażby w ros. *Все трудности и все лишения остались позади* (Арсеньев), czyli 'в прошлом'. *Об этом речь впереди* 'в будущем' czy też pol. *Rzeczpospolita Obojga Narodów była tworem jedynym w swoim rodzaju, wspaniałym, twarząc obróconym w przyszłość* [...] (Jasienica).

Nie zawsze tak było. Na Rusi czas wydawał się istnieć niezależnie od człowieka-podmiotu. Jak pisze D. S. Lichaczew: «Летописцы говорили о "передних" князьях – о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился с воспринимающим его субъектом. "Задние" события были событиями настоящего или будущего. "Заднее" – это наследство, остающееся от умершего, это то "последнее", что связывало его с нами. "Передняя слава" – это слава отдаленного прошлого, "первых" времен; "задняя же слава" – это слава последних деяний» [Лихачев 1979: 254–255]. Wynika z tego, że w odróżnieniu od współczesnego stanu językowego jeszcze kilkadziesiąt lat temu ówczesni przodkowie Rosjan (jak chyba wszyscy Słowianie) byli «skierowani» w przeszłość. Taka orientacja osi czasu widoczna jest choćby w pol. *przodek* 'osoba będąca poprzednikiem w rodzinie, plemienu' (ros. *предок*) czy

w ros. *предки* 'поколения, жившие задолго до настоящего времени'. Okazuje się, że dana orientacja osi czasowej jest charakterystyczna również dla współczesnego języka ormiańskiego. Por.: *A обвинять себя уже поздно, когда за плечами осталось так мало времени* [Всеволодова 2000: 137]. Polak czy Rosjanin ma za plecami całe minione życie, nieznaną jego część natomiast – przed sobą. Por. też ros.: *За плечами – годы странствий. За спиной – целая жизнь*.

Przytoczone fakty językowe opierają się na wyobrażeniu osi czasu jako linii poziomej skierowanej od przeszłości przez terażniejszość ku przyszłości (gdziekolwiek te sfery, tj. przeszłość i przyszłość, by się nie znajdowały). Materiał językowy dowodzi także, że oś czasowa mogła być również postrzegana jako linia pionowa (por. [Мурьянов 1978: 54]).

Rejestr środków językowych będących w polszczyźnie wykładnikami pionowej osi czasu jest dosyć zróżnicowany. Są to przede wszystkim grupy składniowe, w mniejszym stopniu – środki leksykalne.

Leksemy, które odnotowujemy w konstrukcjach składniowych – z przyimkami *pod* i *nad* – można pogrupować w trzy zasadnicze mikropola semantyczne, a mianowicie: nazwy części doby, nazwy pór roku oraz wyrazy określających wiek człowieka. Są to zatem nazwy, które w percepcji świata stanowią pewne zamknięte, powtarzające się cykle: cykl dobowy (według pozornego ruchu Słońca nad horyzontem), cykl roczny (według zjawisk pogodowych typowych dla naszej szerokości geograficznej lub cyklu życia przyrody) oraz cykl życia człowieka (od dzieciństwa do starości bądź od narodzin do śmierci). Model dobowy tłumaczy obecność w polszczyźnie konstrukcji typu *pod wieczór* (rzadziej: *pod północ, pod południe, pod rano, pod świt, pod noc, pod dzień* itd.) czy *nad ranem, nad wieczorem* (i *nad wieczór*), *nade dniem*, a także wyrażen typu *głęboką nocą*. W porównaniu z różnorodnością i względną produktywnością w języku współczesnym konstrukcji modelu dobowego w ramach modelu rocznego odnotowujemy (tylko w grupie z przyimkiem *pod*) następujące nazwy pór roku: *jesień, zima, wiosna*. Mamy zatem: *pod jesień, pod zimę i pod wiosnę*.

Pionowe zorientowanie osi czasowej jest zaledwie jednym z elementów językowego obrazu świata. Jest to refleks określonego modelu przestrzenno-czasowego świata obiektywnego, którego ślady odnajdujemy w języku (przy czym zamy z nimi do czynienia nie tylko w językach polskim i rosyjskim, ale też i w innych językach słowiańskich, a także językach niesłowiańskich).

Literatura

Всеволодова М. В. Рецензия на кн.: Cz. Lachur, Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim (Opole 1999) // Przegląd Rusycystyczny. 2000. 1 (89).

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, М., 1979.

Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2.